ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

V

1928

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

V

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. № А-9525.П.19. Гиз № 25324.
Заказ № 546. Тираж 3 000 экз.

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Д. РЯЗАНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА И ЕГО БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ [1]

Товарищи! Я сделаю сегодня краткое сообщение о деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса и о наших ближайших задачах. Я предполагаю, что большей части этого собрания известны два программных отчета, которые нами опубликованы. Повторять все то, что сказано было мною в программной брошюре, мне не хотелось бы. Все же в кратких чертах придется коснуться истории нашего Института.

Формально, юридически, как самостоятельная в административном, финансовом, бюджетном отношении единица, Институт существует только с первого июня 1922 г. Задуман он несколько раньше, в 1919 году, в виде особого кабинета в системе кабинетов старой Социалистической академии. Некоторым из вас известны эти первые залы Института в Шереметевском переулке, теперь улица Грановского: 5 маленьких комнат, в которых в миниатюре имелось большинство кабинетов Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Только в конце 1921 г. удалось получить под тогдашний Институт К. Маркса и Ф. Энгельса помещение, которое составляет теперь среднюю часть нового здания. В 1922 г. президиум ЦИК выделил Институт К. Маркса и Ф. Энгельса из общего состава тогдашней Социалистической академии.

Я должен остановиться на одной легенде, легенде, которую повторяет т. Покровский в последней своей статье о «Деятельности Коммунистической академии» [2]. Говоря об организации Института красной профессуры, он делает несколько неожиданное заявление, что, «когда возникал Институт (красной профессуры), Академия сводилась к библиотеке, тогда, правда, более богатой, чем теперь, поскольку часть ее книжных фондов с тех пор перешла в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса».

Это не совсем точно. Не говоря уже о том, что такая «историография» искажает картину всей работы Коммунистической академии до 1922 г., она набрасывает «тень» и на младенца, родившегося в недрах будущего «научно-методологического центра» во всесоюзном масштабе. Этот ребенок, наш скромный Институт, оказывается, при самом своем рождении нанес большой ущерб

---

[1] Доклад, прочитанный в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса 25 октября 1927 г.

[2] Перепечатана в «Вестнике Коммунистической академии», № 22.

Коммунистической академии и ее книжным богатствам. Это — материнское преувеличение. Это неверно уже просто потому, что библиотека нашего Института хотя имела в своих фондах ценные вещи, но по количеству «книжных единиц» еще в начале 1922 г., когда она оторвалась от своей пуповины, была не особенно богата. Огромная часть того книжного запаса, который был мною собран к 1 июня 1922 г., осталась в недрах нашей матери. Даже из такого крупного приобретения, как библиотека проф. Карла Грюнберга, которую мы купили в 1921 г., значительная часть осталась в библиотеке Коммунистической академии. То же самое приходится сказать и о библиотеке Танеева.

Правда, с тех пор мы продолжали расти, хотя ни в какой мере не гонялись за числом «книжных единиц». Я подхожу теперь к основному пункту, по которому действительно существуют большие разногласия.

Институт К. Маркса и Ф. Энгельса с самого начала поставил себе определенную задачу: стать научно-исследовательским институтом. Важно было не создать новое книгохранилище, новую библиотеку — их в мире достаточно. Если для научно-исследовательского института в области естествознания необходимы в первую очередь лаборатория, орудия экспериментации, инвентарь, аппараты, литература данного предмета, то и для научно-исследовательского института в области истории и теории общественных наук не менее необходимы сырые материалы, источники, документы, научный инвентарь, литература данного предмета. Конечно, в научно-исследовательском институте, предметом исследования которого являются история, общество, книга всегда будет играть бóльшую роль, чем в естественно-историческом исследовательском институте. Но только книга как основной материал научного исследования, книга, строго и тщательно подобранная согласно основным задачам данного института. Библиотека библиотеке рознь.

Для научно-исследовательского института нужно иметь хорошо организованное собрание литературы данного предмета или данных предметов, ибо, кто не занимается историей своей науки, историей своего предмета, тот может быть хорошим практиком, хорошим ремесленником, но отнюдь не будет настоящим ученым, научным исследователем в области своей науки. Необходимо иметь те или иные собрания документов, материалов, памятников, поскольку они уже опубликованы, поскольку они уже приобрели форму книги, книжной единицы, необходимо иметь этот материал в его «архивной» форме — либо непосредственно, либо в фотокопиях. При том огромном книжном потоке, который изливается на человечество каждый год, число книг растет в невероятных размерах. Ни одна библиотека в мире не в состоянии теперь быть универсальной. От этой невыполнимой задачи отказались все крупнейшие библиотеки в мире. Только с большим трудом они справляются с другой более скромной задачей — быть национальным книгохранилищем, которое собирает все произведения «словесности» и «письменности» данной страны. В Германии эта честь передана специально организованному книгохранилищу — Deutsche Bücherei в Лейпциге. Даже такие библиотеки, как Британский музей и Национальная библиотека в Париже, вынуждены все больше и больше специализироваться, превращаясь все больше и больше в национальные библиотеки, в которых, однако, не всегда можно найти все материалы для изучения истории той или другой стороны социальной жизни в Англии и Франции.

Их обгоняют, и по части полноты и по организованности книжных богатств, более молодые, но специализировавшиеся библиотеки.

Вот почему, приступая к организации библиотеки, мы поставили себе определенные рамки, которые диктовались основными задачами нашего Института.

«Он представляет собой научно-исследовательское учреждение, ставящее себе целью создать хорошо оборудованную научную лабораторию, в которой научный исследователь мог бы, при наиболее благоприятных условиях, изучат генезис, развитие, распространение теории и практики научного социализма, революционного коммунизма, как он был создан и формулирован К. Марксом и Ф. Энгельсом».

Этой основной цели подчиняется вся внутренняя организация Института, а следовательно и организация его книжных фондов.

Если мы говорим о генезисе, развитии марксизма, мы должны установить два главных русла, по которым протекало, источники, которыми питалось это развитие; мы должны определить его исторические корни, а также выявить формы, которые он принимал на практике, в сфере исторического действия. Эта двойная задача — выявление идеологических и практических корней марксизма — нашла свое выражение в архитектуре Института. Вы имеете перед собой две линии траншей: идеологическую и историческую. Мы имеем, с одной стороны, ряд кабинетов или отделов Института, в которых исследуются идеологические корни марксизма, его происхождение: кабинеты философии, политической экономии, права, политики, социологии и социализма. С другой стороны, мы изучаем все исторические корни марксизма в практике, в революционных движениях, в рабочем движении различных стран, в их социально-экономических условиях. Мы имеем поэтому и другой ряд кабинетов, исторических, посвященных в первую очередь изучению истории и развития рабочего движения и марксизма в Германии и немецко-скандинавских странах, во Франции и романских странах, в Англии и англо-саксонских странах. Мы имеем специальный кабинет, посвященный истории I и II Интернационалов. Мы имеем специальный кабинет, где собирается литература по вопросам войны и внешней политики, которые интересовали Маркса и Энгельса.

Все названные мною кабинеты самым тесным образом связаны с основным кабинетом — мы его называем кабинетом К. Маркса и Ф. Энгельса, — в котором собраны и собираются все их произведения в оригиналах и фотокопиях, все издания их сочинений, вышедшие при их жизни, издания на различных языках, всякие материалы для их биографии, литература, посвященная специально учению Маркса и Энгельса.

Этот основной кабинет воспринимает, точно общий резервуар, результаты работы и исследований всех остальных кабинетов, чтобы использовать их для выполнения наиболее важной и насущной задачи Института — издания международного собрания сочинений Маркса и Энгельса.

Нельзя отрицать, что, начиная с 1922 г., со времени его административно-хозяйственного отделения от Коммунистической академии, Институт

К. Маркса и Ф. Энгельса действительно развивался и рос чрезвычайно быстро, хотя не всегда равномерно, поскольку речь идет об отдельных кабинетах.

Рост этот иногда определялся случайными причинами. Дадут визу в Англию — начинают быстро расти английский кабинет и отдел английской литературы в других кабинетах. Дадут визу во Францию — начинает обгонять французский кабинет и т. д. Но во всяком случае в росте различных кабинетов замечались всегда целеустремленность, определенная плановость и система. Иногда некоторые кабинеты забегали чересчур вперед благодаря большей энергии своих руководителей. Тот центр, который у нас существует, как и всякий другой центр, иногда не доглядит, кое-что проспит и только долго спустя заметит, что такой-то кабинет воспользовался оплошностью, недостаточным вниманием центра и начинает, не по чину, обгонять в своем развитии другие кабинеты.

Я начну свой обзор с наших исторических кабинетов. Не буду утомлять вас цифрами. На первом месте стоит у нас кабинет Германии. Это кабинет, в котором собирается материал для изучения истории революционных движений, крестьянских и рабочих, истории марксизма в Германии и немецко-скандинавских странах. Кабинет имеет теперь до 45 000 книг. Он сам собою представляет уже огромную специальную библиотеку. Надо заметить, что все ненужное исключается. В кабинете строжайшим образом проводится система, которая является доминирующей для всего Института,— собирание книг не для того, чтобы увеличить число книжных единиц, а чтобы создать наиболее благоприятные условия для работы, которая входит в круг задач данного кабинета. Мы можем теперь сказать, что если в Германии, Австрии, Швейцарии, в Соединенных штатах имеется почти вся литература, собранная у нас, то нигде, ни в Германии, ни в Австрии, нет такой концентрации материала, как у нас в немецком кабинете. То, что рассеяно в этих странах в различных библиотеках и архивах, то сосредоточено у нас в одном месте по определенному плану.

Правда, до последнего времени в германском кабинете не было ни одной коллекции, которую мы, как для других кабинетов, купили бы целиком, которая представляла бы коллективный труд или являлась бы результатом работы какого-нибудь коллекционера, продолжавшейся иногда в течение десятилетий. Только в последнем году нам удалось приобрести такую коллекцию. Все, что мы имеем в германском кабинете, явилось результатом непрерывного изучения соответствующей литературы, кропотливого исследования и изучения различных антикварных каталогов, усердных розысков в различных книжных складах и магазинах, постоянного отсева и отбора материала, необходимого для основных задач кабинета. Для Германии, как и для других стран, мы всегда имеем подбор всех наиболее важных общих трудов, мы имеем систематически подобранную литературу по истории крестьянских войн, по истории крестьянских волнений, по истории стачек, по истории рабочего движения.

Крупным обогащением германского кабинета в прошлом году (1926) явилась коллекция Гельферта. Член палаты господ старой Австрии, автор нескольких трудов по истории австрийской революции, он был первоклассным коллекционером. Уже с первого дня австрийской революции он начинает собирать литературу, относящуюся к ней,—памфлеты, листовки, газеты, прокламации и т. д.

Он собирал свою коллекцию свыше шестидесяти лет. Чтобы дать маленькое представление об этой коллекции, скажу, что в ней имеется.

Мы получили 5 000 книг, свыше 10 000 листовок и плакатов, почти полное собрание периодики 1848—1849 гг. (до 380 названий), 4 500 портретов и гравюр, ряд реликвий, свыше 1 000 писем и документов, собрание песен и частушек.

В других наших кабинетах тоже имеются весьма ценные коллекции, но нет ни одной, которая могла бы сравниться с коллекцией Гельферта по систематичности и методичности подбора. Начиная с первых дней революции Гельферт подбирал день за днем все плакаты, листовки, рисунки, газеты, которые относились к данному дню. Для некоторых дат мы имеем до двухсот номеров. Мы имеем даже такую роскошь, как собрание всех частушек и песен, распевавшихся в 1848—1849 гг. Прибавим, что коллекция включает материалы не только для истории венской революции, но и для истории революционных движений в Италии, Чехии, Венгрии, Юго-Славии.

За германским кабинетом следует **французский**. В нашем отчете за 1925 г. сказано, что в нем собрано около 16 000 книг, теперь он насчитывает до 35 000. В отделении Великой французской революции, наряду с исключительным собранием периодики и документов, мы имеем еще отдельные коллекции — Марата, Робеспьера, Клоотса, Бабёфа, которые по своей полноте принадлежат к числу лучших. Для Бабёфа мы еще получили недавно богатейший архив, в котором собран еще неопубликованный материал для биографии Бабёфа. В отделе Февральской революции имеются коллекция газет, насчитывающая почти 400 названий, и огромное количество памфлетов, листовок и плакатов. Еще полнее собрание литературы, относящейся к Парижской коммуне. Кроме газет и брошюр мы имеем теперь исключительное — не имеющее себе равного даже во Франции — собрание документов и рукописей, представляющих большое значение для биографии отдельных деятелей Коммуны и истории ее прессы.

Я мог бы остановиться еще на **кабинете Англии**. Те, кто читал нашу брошюру об Институте, знают, что этот кабинет еще раньше всех остальных выиграл от заграничной экскурсии. К тому, что удалось приобрести в 1920 г., прибавилось много после моей поездки в Лондон в 1924 г. К этому основному фонду систематически прибавляется — в течение последнего времени более медленным темпом — литература по истории рабочего движения. Рукописный материал английского кабинета не богат. Мы его заменяем фотокопиями, но дело фотографирования в последнее время замедлилось вследствие разрыва сношений с Англией.

Я не буду останавливаться на других исторических кабинетах и перейду к другой серии — к **идеологическим** кабинетам. На первом месте стоит **кабинет философии**. Наши библиотечные спецы ведут ожесточенный спор по вопросу о количестве книжных единиц в этом кабинете. Оптимисты насчитывают в нем 25 000 книг, пессимисты, склонные к математической точности, определяют это число в 22 603. Во всяком случае их не меньше 22 000. Подбор совершается так же строго, как в кабинете Германии. Ликвидированные библиотеки кишат философскими произведениями. Можно было бы накопить не

одну тысячу книжных единиц всей этой философской макулатуры. Но и здесь задачи комплектования диктуются основной задачей кабинета — история философии до Маркса и Энгельса, история философии, поскольку в ней отразилось влияние Маркса и Энгельса, марксистская литература по логике, философии и психологии, буржуазная критика марксистской философии. Имея единственную в мире коллекцию по Фихте, кабинет систематически пополняет коллекции по материализму, Спинозе, Канту, Шеллингу, Гегелю, Фейербаху, ставя себе целью создать исчерпывающую библиотеку по истории всех этих классиков философии.

Философский кабинет имеет и свое рукописное отделение, состоящее из автографов и писем. Среди них имеется теперь такой ценный фонд, как 160 писем Фейербаха к Виганду, из которых опубликовано не свыше десяти. У нас имеются также записная книга Фейербаха, относящаяся к первому периоду его развития, автографы Фихте, Шеллинга, Гегеля, рукописи Бруно Бауэра.

В основу кабинета социализма легли, как вам, вероятно, известно, две больших коллекции: Маутнера и Карла Грюнберга. Вошла также часть русской коллекции Танеева. С тех пор (с 1922 г.) мы приобрели несколько новых коллекций. Самой ценной среди них является собрание Маккая, автора книги «Анархисты» и биографа Штирнера. Библиотека, в которой преобладает анархистская литература, и архив Маккая, в котором собраны материалы для биографии Штирнера, целиком вошли в состав кабинета социализма. Мы продолжаем систематически пополнять литературу, которая относится к великим утопистам — Сен-Симону, Фурье, Оуэну. В различных уголках Европы и Америки выискиваются десятки вещей, не вошедших в известную библиографию социализма Штаммгаммера.

Скажу несколько слов о кабинете политической экономии. Он может теперь парадировать довольно значительной цифрой. Его библиотека насчитывает около 18 000 книжных единиц. В последнее время он обогатился коллекцией известного немецкого экономиста Зеетбера. Только часть ее передана была в кабинет Германии. Достаточно сравнить библиотеку нашего кабинета с соответствующими отделами крупнейших континентальных библиотек, чтобы увидеть, какое богатое собрание той литературы, которая определяла развитие экономической мысли классиков, какой ценный материал собран для тех, кто желал бы изучать историю экономической мысли, желал бы ее самостоятельно разрабатывать — здесь, в Москве.

Не буду останавливаться на других наших идеологических кабинетах: на кабинете социологии, на кабинете права и политики. Кроме этих двух серий, исторических и идеологических кабинетов, крупной составной частью Института является наш архив. В нем уже теперь собрано около 150 000 фотоснимков. Количество подлинных рукописей гораздо меньше, но число их за последние два года превысило уже 10 000 архивных единиц, среди которых имеются документы первостепенного значения. Мы систематически в течение нескольких лет занимаемся фотографированием документов в том случае, когда мы их не можем приобрести в оригинале. В архиве имеется несколько отделов. На первом месте по значению стоит отдел Маркса и Энгельса. В нем хранится все их литературное наследство. Для осуществления этой за-

дачи пришлось сфотографировать все документы, переданные наследниками Энгельса в Центральный архив германской социал-демократии, весь семейный архив родственников Энгельса и ряд других документов, попавших в различные библиотеки (Нью-йоркскую публичную библиотеку и Британский музей). В этом отделе около 50 000 фотоснимков. Весь материал отдела Маркса и Энгельса расположен систематически в строгом соответствии с нашим основным заданием, т. е. изданием международного собрания сочинений Маркса и Энгельса. Материал собирается в отдельные папки. Каждая из них соответствует определенному тому будущего издания. В особый отдел выделены экономические работы Маркса — 13 томов, содержащие 9 800 снимков. Кроме того имеется специальный шкаф, содержащий письма разных лиц к Марксу и Энгельсу (около 10 000 писем). В особом шкафу собраны фотографии свыше 200 записных тетрадей Маркса (Энгельса очень мало) — 12 234 снимка — с выписками из нескольких тысяч книг. В этих записных тетрадях Маркса нам посчастливилось найти не менее двадцати неизвестных до сих пор рукописей Маркса и Энгельса. Некоторые из этих работ уже опубликованы в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса».

Все это добро не лежит под спудом. Рукописи, необходимые для международного издания, уже расшифрованы и переписаны. 50 % писем к Марксу и Энгельсу и значительная часть записных тетрадей уже обработаны.

В отделе Интернационала собраны протоколы генерального совета (фотокопии), бумаги Германа Юнга, Иоганна-Филиппа Беккера, Лесснера, Зорге, Шлютера, Моттелера. Сфотографированы также материалы, находящиеся в архиве Исторического общества при университете Медисон (Висконсин в САСШ).

В отделе германском нам удалось сосредоточить большое количество **подлинных** документов и писем, которые мы приобретали у заграничных антикваров и на аукционах.

Если до последнего времени мы получали документы главным образом при помощи дружественного нам Института социальных исследований во Франкфурте, то с этого года мы организуем в широком масштабе фотографирование актов из Тайного прусского государственного архива, в первую очередь всех материалов по истории Союза коммунистов.

Архив наш представляет не только мастерскую, в которой расшифровываются и переписываются документы. Это только первая стадия работы. Ко всем документам и письмам, после того как они расшифрованы и переписаны, составляются указатели, которые дают возможность разобраться, какие фамилии, местности, даты и факты упоминаются и приводятся в них. Для нашей основной работы это индексирование является в высшей степени полезным трудом, помогая часто устанавливать новые факты и открывая новые следы, по которым мы в свою очередь производим новые розыски.

Другая часть Института, о которой необходимо сказать несколько слов, это — **музей**. Вы, вероятно, знаете, что на меня сначала возложена была задача организовать «Музей по марксизму». Вместо этого я приступил к созданию научно-исследовательского института. Но в процессе работы выясни-

лось, что трудно обойтись без систематизации того огромного иллюстративного и иконографического материала, который скоплялся в Институте по мере приобретения различных коллекций. Мало-по-малу этот материал разросся до таких размеров, что мысль о создании музея по истории международного рабочего движения сама собой навязывалась. Новое постановление ЦИКа 1924 г. дало окончательный толчок к оформлению этой мысли. Мы эту работу постепенно разворачиваем. Когда мы, в виде первого опыта, организовали выставку по истории Парижской коммуны — в помещениии Ленинской библиотеки, — мы использовали около 4 000 листов, теперь мы имеем для Коммуны около 5 800. В отделе Великой французской революции мы имеем около 7 500 листов, а на выставке, которую мы должны были свернуть, мы использовали только около 2 200 листов [1]). По всем отделам мы имеем теперь около 26 000 единиц. Если бы мы хотели теперь выполнить задание ЦИКа, то нам помешало бы не отсутствие материала, а — помещения. Для этого оказалось бы недостаточным все здание Института, даже если бы устроили Музей с таким нарушением всех правил, которое мы допустили на выставке по Великой французской революции, где мы вгоняли в некоторые залы такое количество материала, которое в западно-европейских музеях распределяется в нескольких залах.

Таким образом до поры до времени приходится отказаться от задачи организации музея по истории социализма и рабочего движения. Вместо этого мы решили устраивать периодически выставки, посвященные определенным темам и эпохам. Теперь мы подготовляем выставку Маркса и Энгельса. Тема «ограниченная», но в то же время очень широкая. Эта выставка имеет для нас особое значение. Она даст нам возможность проверить работу, которую мы до сих пор делали, установить пробелы, которые имеются. В связи с Марксом и Энгельсом мы дадим картину всей обстановки, в которой они родились и работали, их исторического окружения, историю идеологии и практики, на которых они учились и которые они после сами оплодотворили и умножили.

Если подвести итог, — а я беру цифры, преуменьшенные в сравнении с оптимистическими показаниями заведующих кабинетами, — то у нас теперь имеется около 250 000 вполне описанных, каталогизированных, распределенных по различным кабинетам и отделам книг. Кроме того около 45 000 неописанных и около 30 000 дублетов, на которые у нас очень много претендентов. Мы их в ближайшее время раздадим, как только произведем ревизию наших запасов, чтобы не увеличивать без нужды число книжных единиц.

Дело в том, что мы получаем иногда больше книг, чем нам необходимо. Счастливый случай дает нам возможность спасти от уничтожения человеческими или животными вредителями какую-нибудь завалявшуюся в подвалах библиотеку. После разборки остается не больше 50 или 60 %, а остальное распределяется между нашими подшефными частями или передается в какое-нибудь книгохранилище. Из нашего союзного пайка мы оставляем только часть книг, остальные отсылаются Смоленскому университету и другим учреждениям. Мы поддерживаем международные отношения и рассылаем часть книг по заграничным библиотекам и институтам.

---

[1]) См. описание выставки французской революции в этом же номере.

Теперь я перейду к нашей основной работе. Воспользуюсь этим случаем чтобы оправдаться перед советской общественностью, которая тут представлена. Меня упрекают, что мы очень медленно издаем сочинения Маркса и Энгельса. Идет легенда о тех богатствах, которые мы имеем, рассказывают, что мы походим на скупого рыцаря, собиравшего сокровища, но ревниво прятавшего их от чужого взора. Создается такое представление, что т. Деборин только и делает, что читает философские манускрипты Маркса и не хочет ни с кем делиться этими сокровищами. Обо мне и говорить нечего.

Все это, однако, мало обосновано. Товарищи забывают, а иногда просто не имеют никакого понятия о том, какую огромную подготовительную работу пришлось производить мне и моим сотрудникам. Когда я в 1922 г. приступил к изданию русского собрания сочинений Маркса и Энгельса, я, правда, имел довольно основательную подготовку, имел уже огромное собрание материалов, результат многолетней работы. К несчастью или к счастью как раз тогда, когда я уже издал первый и второй том, когда уже были набраны еще два тома, я наткнулся на новые сокровища. Что мне было делать?

Возможно, что лучше было бы поступить так: все новые рукописи, попавшие в мои руки, хорошенько спрятать и взяться за их разбор и разработку только после того, как я выполнил бы обещание, данное в предисловии к русскому изданию, — весь собранный мной материал, состоявший из опубликованных уже статей Маркса и Энгельса, перевести и издать и уже только тогда приступить к опубликованию новых материалов. Но вряд ли бы меня похвалили за это. Уже при первом просмотре оказалось, что среди новых материалов имеются такие сокровища, которые нельзя дольше держать под спудом. Напомню о «Немецкой идеологии», значительный отрывок которой опубликован в первом томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», «Диалектике природы», напечатанной во втором, «Критике философии права Гегеля» и «Подготовительных работах к «Святому семейству», составивших главное содержание третьего тома.

Этими изданиями наш Институт завоевал всеобщее признание. Они дали сильный толчок русской марксистской мысли, породили уже массу работ, вызвали горячие споры и дискуссии, которые привели к новым группировкам в марксистской литературе.

Работа была трудная, но от нее нельзя было отказаться. Если рукописи Энгельса сравнительно легко разобрать, хотя и они представляют значительные трудности благодаря своеобразной стенографии, к которой любил прибегать Энгельс, то рукописи Маркса, как это уже доказал опыт Энгельса, представляют зачастую непреоборимые трудности. Расшифровать их, т. е. перевести на немецкий язык, несравненно труднее, чем расшифрованную рукопись перевести на русский язык. А между тем для перевода требуется сначала установить текст оригинала.

Ввиду всех этих колоссальных трудностей приходилось спросить себя: неужели вся эта работа будет произведена исключительно для того, чтобы издать сочинения Маркса и Энгельса только на русском языке? Конечно, потребности русского читателя весьма настоятельны, но не менее настоятельной является жажда международного читателя. Пятый конгресс Коминтерна возложил на нас задачу издания международного собрания сочинений Маркса и Энгельса.

А это — задача, размеры которой товарищи очень часто весьма и весьма слабо представляют себе.

Я хочу дать несколько справок. Возьмем критическое издание сочинений Канта. Оно предпринято было Прусской академией наук. Оно подготовлялось с 1893 г., по инициативе Дильтея, целой комиссией специалистов. В него входят сочинения, письма и неопубликованные рукописи и заметки. Всего — 24 тома, из которых пока напечатано шестнадцать. А начало оно выходить в 1900 г.!

Издание сочинений Эйлера подготовлялось десятилетиями. Оно является международным предприятием, в котором участвует ряд национальных академий. Первый том вышел в 1911 г. До сих пор вышло из предполагаемых 49 томов всего пятнадцать. Еще один пример — издание сочинений Лейбница. На первом конгрессе международной ассоциации академий в Париже в 1901 г. было постановлено издать критическое собрание сочинений Лейбница. Предприняты были большие подготовительные работы как во Франции, так и в Пруссии. До начала войны едва успели привести в известность все работы и рукописи Лейбница. После окончания войны Прусская академия наук при помощи ряда специалистов, под общей редакцией Риттера, приступила к изданию. Первый том вышел в 1923, второй в 1926 г. Предполагается 40 томов. Вышедшие томы дают только текст с маленькими ориентировочными предисловиями.

Надо прибавить, что для Канта и Лейбница имеются уже готовые издания сочинений и что главные трудности представляет опубликование писем и записей лекций.

Вы скажете, что опыт немецких профессоров и академиков для нас не указ, что мы должны свое дело делать скорее. Но и мы не можем работать «с пылу, с жару». Аппарат необходимо создавать в процессе работы. Наше издание представляет ряд особенностей и трудностей, которые неизвестны редакторам названных академических изданий. У каждого из них в распоряжении огромная литература, посвященная детальной разработке биографии и хода развития Лейбница и Канта; они могут опираться на содействие крупнейших специалистов, посвятивших всю свою жизнь изучению этих авторов.

Мы в значительной степени проделали необходимую подготовительную работу. Собирание материала можно считать почти законченным. Первый том международного собрания уже вышел. Но нам предстоит издать не менее сорока томов. Будем надеяться, что в течение ближайших десяти лет нам удастся закончить наше издание. Скорее нет никакой возможности сделать эту работу, если только к нам не придут на помощь Всесоюзная академия наук и Коммунистическая академия. При помощи специалистов этих двух учреждений мы в состоянии были бы закончить наше издание несколько раньше.

Я уже указал на затруднения, которые вышли с русским изданием. В силу резолюции Коминтерна мы, наряду с международным изданием, должны подготовить для отдельных стран собрания избранных сочинений Маркса и Энгельса. Делается это таким образом. В одну часть входят все сочинения Маркса и Энгельса, имеющие международный характер или представляющие важнейшие этапы их духовного развития. В другую часть входит все, что Маркс и Энгельс написали о данной стране или в связи с ее историей. Единственной

страной в мире, для которой мы подготовляем перевод **всех** сочинений Маркса и Энгельса, будет наш Союз. Если бы мы хотели теперь же или в ближайшее время издать такое полное собрание на русском языке, нам пришлось бы следовать за международным изданием, т. е. затянуть дело еще на несколько лишних лет. Мы пока от этого отказались и ограничиваемся изданием, в которое войдут важнейшие напечатанные и ненапечатанные работы Маркса и Энгельса, но которое пока не явится **полным** собранием их сочинений. Такое издание уже подготовлено. Основная работа была готова еще летом прошлого года (1926), но произошла техническая задержка, правда, не по нашей вине. Мы должны были обеспечить ряд условий, которые гарантировали бы, что русское издание будет хорошо набрано, напечатано на хорошей бумаге и не будет чересчур дорогим. Первое издание было технически неудовлетворительно и стоило дорого. Теперь все эти препятствия устранены. Набрано уже семь томов. И мы надеемся, что в течение ближайших трех лет мы закончим издание, в котором будет не меньше двадцати семи томов.

Наш Институт в своей издательской деятельности не ограничивается только изданием собрания сочинений Маркса и Энгельса. Вам известно, что мы почти закончили издание сочинений Плеханова. Мы издаем сочинения Каутского и Лафарга. По кабинету философии мы издаем «Библиотеку материализма», которая уже составляет 9 томов (Фейербах, Гоббс, Толанд, Ламеттри, Гольбах, Дидро). Тов. Деборин издал «Книгу для чтения по истории философии». Мы приступили также к изданию в русском переводе избранных сочинений Гегеля. В первую очередь выйдут «Логика», «Философия права» и «Философия истории». К юбилею Чернышевского, самого выдающегося русского фейербахианца, мы готовим собрание его философских работ.

По кабинету политической экономии мы готовим издание «Классиков политической экономии», без которых невозможно серьезное изучение как самой экономической системы Маркса, так и ее исторической подготовки. В первую очередь будут изданы полное собрание сочинений Д. Рикардо (первый том уже набран) и «Богатство народов» Смита.

Мы подготовляем еще одну серию по кабинету политики и права. В нее войдут сочинения крупнейших политических мыслителей и публицистов. В первую очередь предполагается издание сочинений Маккиавелли, Руссо, Марата и Клоотса.

Делая прежде обзор различных кабинетов, я не остановился специально на кабинете права и политики. В нем сосредоточивается литература по истории права и политических учений, без которой нет возможности проследить генезис и развитие взглядов Маркса и Энгельса на право и государство. Наряду с этим собирается и литература по вопросам, которые были поставлены в порядок дня Октябрьской революцией: роль и значение революций в истории человечества, буржуазная и рабочая демократия, диктатура пролетариата и т. д.

Кабинет социализма тоже готовится пустить в оборот собранные в нем ценности. Чтобы дать возможность интересующимся изучать историю развития социалистической мысли, мы готовим издание «Классиков социализма». Мы начинаем ее с «Утопии» Мора. Должен при этом случае поделиться с вами радостным для нас событием. Нам было несколько неловко, что в такой богатой

библиотеке по истории социализма, какую мы имеем, богатейшей в мире, несмотря на то, что у нас собрано несколько десятков весьма редких изданий «Утопии», мы до сих пор не имели первого издания, представляющего величайшую редкость. Я могу сказать теперь с уверенностью, что мы получим его[1]). Таких экземпляров в мире очень немного. Его не имеют даже крупнейшие библиотеки. Из частных лиц только Джон Бернс, собравший одну из лучших коллекций по Т. Мору, является счастливым собственником этого издания.

Вы мне напоминаете о «Библиотеке марксиста». Эта серия преследует цели популяризации марксизма. Каждый выпуск дает отдельные произведения Маркса и Энгельса или их учеников с пояснительными введениями и примечаниями. Пока вышло десять книжек. В наборе находится восемь. Некоторые из них уже использованы нашими товарищами за границей. Что нас больше всего удивило, так это большой успех книжки «Маркс — человек, революционер, мыслитель», вышедшей на английском языке.

Если издаваемый нами «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса» пользуется большим успехом, — готовится новое издание первых двух томов, — то некоторые споры вызвало появление наших «Летописей марксизма». Очень ученые и совсем не ученые люди утверждали, что это только исторический журнал вроде «Красного архива» или «Пролетарской революции», хотя в редакционном предисловии к первой книге мы довольно точно определили задачи этого журнала, который в то же время является и «учеными записками» нашего Института. Теперь после трех выпусков даже для предубежденных стали ясны его специфические задачи.

В связи с этим скажу несколько слов о кабинете имени Плеханова. Он сильно вырос за последние три года. Под кабинетом Плеханова у нас подразумевается отдел истории социализма и марксизма во всех славянских странах, в том числе и в СССР. В отличие от кабинета социализма, в котором изучается развитие социалистической мысли в западно-европейских и внеевропейских странах, кабинет Плеханова вынужден собирать и литературу по истории революционного и рабочего движения в славянских странах. Среди наших исторических кабинетов нет ни одного, который выполнял бы эту задачу для славянских стран. Если для СССР кабинет Плеханова, хотя бы по тому, что это более интенсивно производится в Институте Ленина и Коммунистической академии, ограничивается только наиболее значительными работами по истории общественных и революционных движений, то для славянских стран приходится собирать не только литературу по истории социализма в славянских странах, но и литературу по истории их общественного и интеллектуального развития. Иначе изучение этой истории приняло бы схоластический характер.

Но кабинет Плеханова ставит себе и другую задачу. Только в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса можно найти максимум благоприятных условий для изучения такого важного вопроса, как взаимодействие и влияние философской и социалистической мысли Запада на Россию и России на славянские страны. Эта работа в последние годы у нас разворачивается все больше и больше, и главным образом в «Летописях марксизма» будут печататься результаты этой

---

[1]) После всяких треволнений мы, наконец, получили это издание.

работы наряду с статьями и исследованиями по истории социализма и марксизма в славянских странах.

Теперь я перейду к нашему международному издательству. Я уже говорил о международном издании сочинений Маркса и Энгельса. Кроме того мы издаем по-немецки наш «Архив». Вышел первый том, к десятилетию Октябрьской революции выйдет второй. Наш «Архив» уже завоевал себе прочное место в немецкой литературе. Он все больше и больше становится известен, как это видно из отзывов, и в международной научной литературе. Правда, большинство рецензентов, даже из тех, которые в большевиках не видят непременно исчадие ада, насказав нам разных комплиментов и за основательность, и за научный характер журнала, и за колоссальный труд, вложенный в наше издание, почти всегда прибавляют: х о т я и большевики.

Я должен подчеркнуть, что наша международная работа в значительной степени облегчалась тем дружественным содействием, которое нам в течение последних трех лет оказывали Институт социальных исследований во Франкфурте и его руководитель, мой старый друг, проф. Карл Грюнберг. Наше издательство первое время помещалось в стенах этого Института, связанного административно и организационно с Франкфуртским университетом. В последнее время мы вынуждены были уйти из этого учреждения. Наше издательство пока осталось во Франкфурте. Оно перешло в другое, весьма скромное помещение, но связь с Институтом мы сохранили. Вместе с Институтом социальных исследований, вернее вместе с Обществом социальных исследований, на средства которого содержится Институт, мы издаем международное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Следует, однако, прибавить, что содействие это — больше моральное. Все средства на это издание дает Советская Россия, но большую помощь своим личным трудом до последнего времени нам оказывали члены Общества социальных исследований, Феликс Вейль и Фриц Поллок.

Мне остается только сказать несколько слов о новых задачах, возложенных на Институт юбилейной сессией ЦИК СССР. Они не являются для нас неожиданными. Наоборот, в течение последних двух лет мы, верные принципу: «едем едем, не свистим», — систематически подготовляли условия для выполнения новых задач. Уже в самом процессе работы мы все больше и больше наталкивались на необходимость использовать материалы, которые накоплялись в Институте, для истории пролетариата и его классовой борьбы. Изучать Маркса и Энгельса, не только как теоретиков, но и как практиков и организаторов, не изучая истории международного рабочего движения XIX века, не было никакой возможности. А из этого вытекала и другая задача, не менее важная. Необходимо отдать себе отчет в той сложной эволюции, которую проделывает развитие пролетариата, как особого класса, в буржуазном обществе. Величайшей заслугой Маркса и Энгельса является ведь именно то, что они первые «открыли» пролетариат как действенную силу исторического развития и вместе с тем поставили перед наукой задачу — исследовать процесс выделения пролетариата из крестьянства и ремесленничества, процесс превращения его из класса *an sich* в класс *für sich*, в класс, сознающий свою определенную историческую миссию, возникновение и развитие его классовой организации во всех ее формах.

Историческая литература бедна такого рода исследованиями, не только иностранная, но и русская. Необходимо было пустить в обращение то, что уже сделано наукой, просто для того, чтобы подготовить необходимые кадры работников. В связи с этой задачей мы начали издание новой серии «Исследования по истории пролетариата и его классовой борьбы», в которую входят как переводные, так и оригинальные работы. По нашему предложению некоторые историки взялись за обработку тем, которые до сих пор оставались в пренебрежении.

Но этого мало. Необходимо вытащить из пыли архивов скрывающиеся в них материалы по истории международного рабочего движения, надо сделать их доступными для научных исследователей, надо создать максимум благоприятных условий для их изучения.

В процессе нашей работы мы, как я уже сказал, собрали для этой цели большое количество материалов — газет, прокламаций, листовок, протоколов. Все больше и больше увеличивался и рукописный материал. Более того. Мы уже приступили к раскопкам в различных архивах. Новая задача вырастала вполне естественно как результат развития новой стороны деятельности Института. Сама собой напрашивалась мысль: а не сделать ли Институт К. Маркса и Ф. Энгельса первый в мире институт марксоведения, вместе с тем и первым институтом, по изучению истории пролетариата, истории рабочего класса в международном масштабе. Эту задачу я наметил уже года два назад. О ней мне приходилось говорить в Комиссии Коминтерна. Она уже была сформулирована в виде особой резолюции, принятой Большим советом нашего Института. Это была пока резолюция для внутреннего потребления. Уже тогда мы ставили себе целью проделать всю предварительную работу с таким расчетом, чтобы ее можно было, без всякого риска попасть в конфуз, огласить ко дню десятилетия Октябрьской революции. И в этом направлении уже сделана большая работа. Мы приступили к систематическому фотографированию актов и документов как во французских, так и в немецких архивах. Еще до постановления юбилейной сессии я вступил в соглашение от имени Института К. Маркса и Ф. Энгельса, без всякого академического «опосредствования», с генерал-директором прусских архивов, известным историком П. Кером, соглашение, в силу которого мы получили разрешение на издание всех материалов, которые мы найдем в прусских архивах. Для нас составляется подробный инвентарь всех актов и документов, имеющих отношение к истории марксизма и к истории рабочего движения в XIX столетии. Мы получили разрешение не только фотографировать все эти документы, но и в случае нужды получать необходимые нам материалы сюда, в Москву, и здесь изучать их непосредственно в оригинале. Иногда фотография не дает исчерпывающего ответа на некоторые вопросы, — оттенки в цвете чернил, сорт и время производства бумаги и т. д., — и тогда приходится обращаться непосредственно к рукописи.

Работа уже идет полным темпом. В течение трех недель, проведенных мною в Прусском тайном государственном архиве, мне удалось выявить огромное количество материалов для истории германского рабочего и коммунистического движения. Это — полицейские дела революционных деятелей, доносы и докладные записки провокаторов различного ранга и информаторов различной степени, в том числе и таких, как профессор Лоренц-Штейн, акты цензурных

ведомств, донесения германских дипломатических представителей, следственные дела рабочих и коммунистических организаций.

Я надеюсь, что, несмотря на последние осложнения с Францией, нам удастся добиться такого же широкого права использования всех материалов, находящихся во французских архивах. С англичанами дело гораздо сложнее. Ведь даже английские исследователи, ни в каком большевизме или коммунизме не повинные, только очень недавно получили доступ к архивным документам по истории рабочего движения до 1832 г. и только чуть ли не вчера к документам по истории второй трети XIX столетия. Вот уже семь лет как мы не можем получить право фотографировать некоторые документы по истории I Интернационала, случайно попавшие в одну из лондонских районных библиотек. А между тем все рукописные материалы в Британском музее и других крупных лондонских библиотеках были предоставлены в наше распоряжение с величайшей готовностью.

Будем надеяться, что нам в непродолжительном времени открыты будут английские архивы. А для первого времени одних только материалов из немецких и французских архивов хватит с избытком, чтобы обеспечить работу полным темпом на ближайшее десятилетие.

Вы видите, что юбилейная сессия ЦИКа только юридически оформила то, что фактически уже создавалось два года в недрах нашего Института. Мы отныне представляем не только Институт марксоведения, но и первый институт по изучению истории пролетариата и его классовой борьбы. Постановление юбилейной сессии несколько расширяет наши задачи, налагая на нас обязанность издавать «Памятники истории классовой борьбы и пролетариата» и заставляя нас отвести большее место изучению истории всех эксплоатируемых классов. Нам при этом придется натолкнуться на сопротивление различных педантов, которые создают иногда совершенно ненужные препятствия для работы, конечно, во имя рационализации, типизации и т. д. и т. д.! Но мы как-нибудь справимся с этим неуместным усердием.

Конечно, издание «Памятников истории классовой борьбы и пролетариата» принадлежит к числу работ, которые требуют немало времени и усилий. Они будут издаваться в международном масштабе. Советская Россия будет выполнять задачу, которую Западная Европа не выполняет даже для истории своих буржуазных революций.

Каждая группа документов, относящихся к определенной эпохе, к определенному революционному движению, будет издаваться в оригиналах с нашими предисловиями, с нашими введениями, с нашими комментариями и примечаниями.

Параллельно с этим международным изданием мы будем готовить русское издание этих памятников.

К работе нами привлечены уже некоторые иностранные ученые. Проф. Матьез — не марксист, но в истории французской революции больше всего интересующийся теми сторонами, которые и нас, марксистов, сильно интересуют,— подготовляет для нашего издания большую работу о «Бешеных», о Жаке Ру и его товарищах. Этот том мы надеемся издать одновременно на французском и русском языках. Мы предполагаем также собрать материалы, освещающие ту

фазу французской революции, которая предшествовала падению монархии и господству якобинцев — стачечное движение и социальные течения, которые группировались вокруг «Социального клуба» и «Клуба кордельеров».

Третья намеченная нами работа — издание документов по истории заговора Бабёфа и бабувизма. Нами уже сфотографированы все документы, относящиеся к Буонаротти. В нашем распоряжении имеется принадлежащее теперь Институту богатейшее частное собрание бумаг из личного архива Бабёфа.

Для Англии мы также подготовляем большую работу — издание документов по истории корреспондентских обществ, сыгравших такую большую роль в истории английского рабочего движения, но до сих пор мало исследованных в английской исторической литературе. Второй работой по истории английского пролетариата является издание документов по истории чартизма.

Для истории германского рабочего движения мы заручились сотрудничеством проф. Грюнберга. Он берет на себя издание документов по истории рабочего движения от июльской революции до 1845 г. Затем предполагается издание документов по истории «Союза коммунистов».

Мною лично предпринимается издание документов по истории международного рабочего движения. Материалы для истории I Интернационала были мною собраны еще до начала войны. Первый том был уже набран, но революция вынудила меня на долгое время забросить опубликование этого труда. Все эти работы, повторяю, предполагается выпустить в международном и советском масштабе.

Одной из наиболее насущных задач научного исследования по истории социализма является создание библиографии социалистической литературы. Настоящей научной библиографии социализма до сих пор нет. Имеется только суррогат такой работы — известная всем специалистам библиография Штаммгаммера. Теперь она окончательно устарела.

Мысль об издании новой библиографии социализма возникла не только у нас. Мы находимся в наиболее благоприятных условиях для осуществления этой задачи, но необходимо будет привлечь к этой работе и другие иностранные учреждения, которые имеют крупные собрания литературы по истории социализма. Такими в первую очередь являются Институт социальных исследований во Франкфурте и Библиотека рабочей камеры в Вене, в которой сосредоточены коллекции Антона Менгера, Виктора Адлера и Пернерсторфера.

Вот в общем те главные задачи, которые мы ставим себе в ближайшее время. На очереди теперь — это диктуется нам третьим пунктом постановления юбилейной сессии — организация специального общества по изучению истории классовой борьбы и пролетариата, общества, которое объединило бы всех историков, работающих в этой области. Организованное сначала в советском масштабе, оно после сможет превратиться в международную организацию и объединить силы и знания всех историков, которые посвятили себя изучению истории крестьянства и рабочего класса.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПИСЬМА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА к П. Л. ЛАВРОВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже письма Маркса и Энгельса к Лаврову найдены нами в архиве последнего, хранившемся с 1908 г. в Академии наук. Нам не удалось еще установить тот путь, который пройден этим архивом, пока он от наследников Лаврова попал в Академию. Еще менее удалось установить, сколько писем и документов было изъято из него. Из письма Маркса к Лаврову от 23 января 1882 г. видно, что оригинал предисловия к русскому изданию «Коммунистического манифеста», факсимиле которого, без указания источника, опубликовано было в «Былом» (1923 г., № 22, стр. 313), взят из архива Лаврова и не возвращен назад. Только после тщательного разбора этого архива можно будет сказать, с приблизительной точностью, сколько было из него изъято всякими любителями скорострельных и сенсационных публикаций или собирателями автографов.

Несомненно, что сохранились не все письма Маркса и Энгельса к Лаврову. Возможно, что при детальном разборе архива мы найдем еще какое-нибудь письмо, заблудившееся в каком-нибудь пакете. Пока приходится довольствоваться тем, что мы извлекли после первого просмотра.

Лавров познакомился лично с Марксом и Энгельсом не раньше мая 1871 г. А между тем в нашей коллекции имеется письмо Маркса, относящееся к февралю 1871 г. Мы можем только предположительно объяснить этот факт.

Известно, что Лавров бежал или был «вывезен» Лопатиным из Кадникова в Питер в феврале 1870 г. и затем уехал в Париж. Лопатин пережидал в Питере, пока не получил обратно отданный Лаврову паспорт, и тоже направился в Париж. Здесь он пробыл очень недолго, переехал в Женеву, где имел объяснения с Бакуниным и Нечаевым, и затем уехал в Лондон, где близко познакомился с Марксом, к которому имел рекомендательное письмо от Лафарга. Как он сам пишет, он «переселился в Лондон, чтобы быть поближе к Марксу, труд которого он принялся переводить тогда на русский язык. В это же время (в 1870 г.) он был избран в Генеральный совет Международного общества рабочих (Интернационала), членом которого он стал еще в Париже. В конце 1870 г., бросив свой перевод (оконченный позже одним из его друзей), он отправился в Сибирь с целью освобождения Н. Г. Чернышевского».

В январе 1871 г. он уже был в Иркутске, но скоро «вследствие одного несчастного совпадения» был арестован 2/14 февраля 1871 г.

В письме, в котором Лопатин сознается, что имел действительно намерение освободить Чернышевского — оно писано генерал-губернатору Н. Синельникову,— он объясняет, каким путем у него созрел этот план.

«Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с некним Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе. Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку, выучившись рус-

скому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения, что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем, что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы и т. д., и т. д.».

Лопатин пришел к заключению, что необходимо «вывезти» Чернышевского. Он обратился к своим друзьям в Питере, чтобы получить необходимые деньги. Паспорт для поездки дан был ему старым приятелем, будущим профессором химии Московского университета, Н. Любавиным, который служил еще раньше посредником между Бакуниным и русским издателем «Капитала».

«Уезжая из Лондона,—пишет дальше Лопатин,—я даже не сказал, куда я еду, никому кроме этих пяти человек, с которыми я списался раньше и от которых я взял деньги, да еще Эльпидину в Женеве... Я не сказал о своей затее даже Марксу, несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтет ее сумасшествием и будет отговаривать меня от нее, а я не люблю отступать от раз задуманного мною дела».

Вероятно Лопатин о своем отъезде в Сибирь не сообщил и Лаврову. Марксу, как видно из первого письма, он сказал, что едет в Соединенные штаты. Всего вероятнее, что Лавров, не получая долго вестей от Лопатина, обратился за справкой к Марксу.

Лавров пробыл в Париже все время первой осады и почти все время Коммуны. Как он пишет дальше в своей автобиографии, «в начале мая 1870 г. он поехал в Бельгию, сделал Федеральному бельгийскому совету Интернационала доклад о положении дел в Париже, призывал Совет к содействию Коммуне; с той же целью поехал в Лондон, чтобы узнать, не может ли Генеральный совет, о силе которого существовало преувеличенное мнение, оказать помощь парижским инсургентам, но увидел невозможность того и другого. При этом он познакомился с Карлом Марксом и Фр. Энгельсом, с которым более сблизился в последующие годы. В июле 1871 г. он вернулся в Париж».

Переписка Лаврова с его приятельницей Е. А. Штакеншнейдер дает возможность еще больше уточнить эти данные. Имеется письмо из Лондона, написанное сейчас же после приезда, 5 (17) мая 1871 г. Из второго письма Маркса видно, что Лавров еще в середине июля был в Лондоне, а письмо его к Штакеншнейдер от 15 (27) июля 1871 г. начинается словами: «Вот я и снова в Париже».

Из той же переписки видно, что Лавров приезжал в Лондон также в 1872 г. и пробыл там несколько недель (июнь и июль). В автобиографии он не упоминает об этой поездке. Вероятно в связи с этой поездкой находится та личная драма, которую Лавров пережил в это время. Вряд ли он встречался в это время с Марксом и Энгельсом.

В ноябре 1872 г. Лавров уехал в Цюрих, чтобы подготовить издание «Вперед» и завести там русскую типографию. С маленьким перерывом он пробыл там до марта 1874 г., когда ему и его сотрудникам пришлось перевезти типографию и редакцию «Вперед» в Лондон, где Лавров на этот раз остался до мая 1877 г.

До конца 1874 г. «Вперед» выходил как непериодический сборник (три книги), а с января 1875 до конца 1876 г.—в форме двухнедельной газеты в Лондоне.

К этому времени относится более тесное сближение Лаврова с Марксом и Энгельсом, в особенности с первым. Лавров признает себя в области экономических вопросов учеником Маркса.

Позволю себе повторить то, что я писал в «Под знаменем марксизма» во вступлении к переводу статьи Энгельса о Лаврове.

Лавров тогда едва только начал освобождаться от идеалистического социализма, который так характерен для автора «Исторических писем». Кабинетный ученый, в жизни воплощение «категорического императива», он с трудом приспособлялся к революционной эмигрантской среде, хотя очень добросовестно старался понять совершенно чуждые ему условия и требования практической борьбы. Теоретически он все более подчинялся влиянию марксизма, и как раз с 1874 г. он превращается в социал-демократа, столь же эклектичного и столь же непоследовательного, как и многие немецкие социал-демократы того времени, в головах которых мирно уживались Маркс, Спенсер, Бокль и Дюринг. Одним из толчков в этом направлении явилась для него неожиданная полемика с самым блестящим участником нечаевского процесса, П. Ткачевым. Именно она вынудила его, при всей неохоте к резкой полемике, выступить с горячей отповедью тем революционерам, которые, как Ткачев, требовали, чтобы революция «сейчас же» и «во что бы то ни стало» была «сделана». Таким образом, отказавшись выступить против Бакунина и Нечаева, заняв в борьбе между «марксистами» и «бакунистами» нейтральную позицию, Лавров вынужден был все-таки выступить очень резко против Ткачева.

Энгельс использовал это противоречие в специальной статье, посвященной этому эпизоду (Фр. Энгельс, Эмигрантская литература, «Volksstaat», 6 октября 1874 г.); мягко по форме, но решительно по существу, охарактеризовал, не называя Лаврова по имени, тактику «лично высокоуважаемого русского ученого», который редактировал «Вперед».

«Друг Петр в своей философии является эклектиком, который из всех различных систем и теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего. «Испытайте все и наилучшее сохраняйте». Он знает, что во всем есть своя дурная и своя хорошая сторона и что хорошая сторона должна быть усвоена, а дурная удалена. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет эти две стороны — хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория представляется в этом отношении приблизительно настолько же дурной и настолько же хорошей, как и всякая другая».

Эта статья Энгельса не помешала его личному сближению с Лавровым. Наоборот, именно в 1874—1877 гг. отношения между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лавровым—с другой, приняли особенно дружеский характер. Влияние Маркса на Лаврова, которое началось уже в 1871 г., все больше усиливается. В эклектической системе Лаврова, в которую и без того входили левое гегельянство и в особенности фейербахианский антропологизм, теперь все больше пробивается марксизм. Начавший выходить в 1875 г. двухнедельный «Вперед» является усердным пропагандистом учений Маркса и Энгельса в России, знакомя самым обстоятельным образом русских революционеров с западноевропейским рабочим движением. Насколько Лавров к концу 70-х годов усвоил себе взгляды, защищавшиеся Марксом и Энгельсом, лучше всего показывают его прекрасные лекции о Коммуне, вышедшие отдельной книгой в 1880 г.

Переехав в мае 1871 г. в Париж, Лавров все время поддерживал в международном отношении марксистское крыло. Согласившись принять участие в редакции «Вестника народной воли», он, разойдясь с Плехановым, не позволяет остальным членам редакции взять курс против Маркса, продолжая в ряде статей подчеркивать огромное значение марксизма. При основании II Интернационала он опять-таки вопреки своим старым товарищам, принявшим участие в Конгрессе, устроенном всеми объединившимися противниками марксизма, решительно присое-

диняется к Гэду и Лафаргу, Либкнехту и Бебелю и вместе с Плехановым делает доклад о русском революционном движении на Конгрессе марксистов.

Лавров встречался с Марксом и позже, в 1881 и 1882 гг., когда последний приезжал во Францию к своей старшей дочери и одно время лечился в окрестностях Парижа, в Аржантейле. Это видно и из письма Маркса от 16 августа 1881 г. Лаврову и из письма его к Энгельсу (22 июня 1882 г.), в котором он просит пока не сообщать Лаврову его адреса. Врачи ему запретили утомлять себя разговорами, а «Лавров,— прибавляет он,— как раз принадлежит к числу тех, кто может заставить меня говорить часами».

Мне лично приходилось неоднократно говорить с Лавровым о Марксе. Он тоже, как и Лафарг, как и Либкнехт, подчеркивал, как интересны были беседы Маркса. Неумолимо строгий к себе, когда речь шла о печатании его научных работ, Маркс являлся в своих беседах настоящей «фабрикой идей» и кладезем знаний. Правда, Лавров, который так и не мог никогда одолеть второй том «Капитала»[1]), да и вообще плохо разбирался в вопросах экономической теории, не мог удержаться, характеризуя способность Маркса «въедаться» в теоретические вопросы и разбираться в малейших деталях, чтобы не прибавить: «в этом отношении Маркс был настоящий московский подьячий». Лаврову было прекрасно известно, какое огромное количество труда Маркс потратил на изучение России, чтобы составить себе самостоятельное суждение о путях ее экономического развития.

После смерти Маркса Энгельс отослал много русских книг из его библиотеки Лаврову. Когда я в 1889 г. предложил последнему составить каталог его библиотеки — работа, которую начинали и вынуждены были бросить Лопатин и Караулов,— то я, между прочим, нашел много книг с пометками Маркса. Среди них были и те книжки «Вестника Европы», в которых Анненков печатал свои воспоминания о «Замечательном десятилетии». Лавров их тогда выделил и отдал в переплет. К сожалению, эта книга, попавшая после в руки С. Ан—ского, погибла, как и многие другие книги из библиотеки Лаврова. Энгельс никогда не забывал посылать «другу Петру» всякое новое издание «Капитала», а также свои работы.

Несколько слов о письмах Маркса, поскольку они дают новые данные. В письме от 11 февраля 1875 г. мы находим интересное указание на число выпусков французского издания. Мы, к сожалению, не имеем ни одного экземпляра, для которого сохранились бы, как для второго немецкого издания, все отдельные выпуски. Французский перевод начал печататься в апреле 1872 г. почти одновременно с немецким. В основу обоих изданий был положен уже исправленный текст первого издания. Правда, имеются разночтения, но незначительные. Однако второе немецкое издание, тоже выходившее выпусками — их было девять,— закончено было в январе 1873 г. Наоборот, французское закончено Марксом только в конце апреля 1875 г. и вышло в свет не раньше июня этого года. Редактируя французское издание, Маркс успел за эти два года внести ряд существенных дополнений, которые внесены были в третье немецкое издание Энгельсом уже после смерти Маркса, да и то не исчерпывающим образом. Самые важные изменения,— как пишет Маркс Лаврову,— которые содержались во французском издании, находятся в главах о накоплении. Интересно также указание в письме от апреля 1875 г., что только независящие условия заставили Маркса пожертвовать предметным указателем, который уже был готов.

«Коммерсант», о котором упоминает Маркс в письме от 8 мая 1875 г., это — торговый служащий Шрамм, впоследствии известный социал-демократический писатель, автор «Начатков политической экономии», после старавшийся «синтезировать» Маркса с Родбертусом. Он действительно дал адрес торговой фирмы «Вамбергер и Бернштейн».

---

[1]) Надо сказать, что среди лидеров II Интернационала, даже марксистов, таких читателей второго тома было очень мало. К числу их не принадлежал даже Меринг.

Письмо от 18 июня 1875 г. показывает, что Маркс и Энгельс неоднократно,— как это видно и из ссылок Энгельса в «Диалектике природы»,— беседовали с Лавровым по общим вопросам естествознания. Об искусственных клеточках Траубе упоминает неоднократно и Энгельс, а Лавров говорит о них позже в своих статьях «Хлопоты науки с низшими организмами».

В этом же письме Маркс указывает на падение «периодической цифры общих кризисов», явление, которое он успел уже отметить в последнем выпуске французского издания.

Упоминаемый в письмах Маркса и Энгельса Рихтер — по всей вероятности Дмитрий Иванович Рихтер, наборщик типографии «Вперед», после известный статистик (умер в 1919 г.).

Передовая статья о панславистском лиризме в России, с которой Маркс поздравляет Лаврова в письме от 7 октября 1876 г.,— «это не только шедевр, но это прежде всего великий акт морального мужества»,— помещена была в номере 42, от 1 октября 1876 г., под названием: «Русские перед южнославянским вопросом». Статья, направленная против вакханалии либеральной прессы в связи с «освободительной войной» и против увлечений и иллюзий русских революционеров, действительно прекрасна и заслуживала бы перепечатки в собрании избранных сочинений Лаврова.

В другом месте мы подробнее изложим кампанию против России, которую вел в 1876—1878 гг. Маркс. Значительная часть письма от 21 октября 1876 г. напечатана была во «Вперед» в виде отдельной статейки: «Из письма к редактору «Вперед» (№ 44, 4 ноября 1876 г.).

Письмо от 23 января 1882 г. показывает, с каким уважением относился Маркс к Лаврову. В последние годы своей жизни он так подробно писал только Энгельсу, старшей дочери и Зорге, в письме которому от 15 декабря 1881 г. он также пишет, но менее подробно о Баксе и Рэе.

Из сохранившихся писем Энгельса,— а их было несомненно гораздо больше, как это видно из писем Лаврова к Энгельсу, которые мы в свое время опубликуем,— первое относится к периоду между Коммуной и «Вперед». Лавров доставлял Энгельсу французские издания или выписывал для него газеты, как «Gazette des Tribunaux», в которой помещались отчеты о судебных делах коммунаров. В свою очередь Энгельс выписывал для Лаврова книги, в которых последний нуждался для своей литературной работы. Наибольший интерес — теоретический — представляет письмо от 12 ноября 1875 г. Оно написано по поводу статьи Лаврова во «Вперед» (№ 17, 15 сентября 1875 г.): «Социализм и борьба за существование». В то время как Энгельс — годом позже — в «Анти-Дюринге» подчеркивает все плюсы теории Дарвина, он в этом письме подробно разбирает ее слабые стороны. Особенно интересны возражения Энгельса против применения дарвинизма в обществознании и против перенесения законов животного общества в человеческое общество. Известные статьи Каутского о дарвинизме и общественных инстинктах, написанные им в 80-х годах прошлого столетия, дают только развитие этих взглядов Энгельса.

В письме от 10 августа 1878 г. мы находим дополнение к письму о дарвинизме.

13 февраля 1882 г. Лавров был выслан из Парижа и переехал в Лондон. Маркс в это время лечился в Алжире. С Гартманом, который одно время был официальным представителем «Народной воли», Маркс и в особенности Энгельс не мало возились, помогая ему в различных предприятиях. Немецкий текст предисловия к «Коммунистическому манифесту» Энгельсу не удалось получить. Только по возвращении в Париж Лавров мог послать копию,— оригинал он сохранил для себя,— но Энгельс не дождался ее, и для нового издания Манифеста сам перевел предисловие с русского на немецкий.

Д. Рязанов.

Письма К. Маркса к П. Л. Лаврову

1

Лондон, 27 февраля 1871.

Милостивый государь,

Лопатин уехал в Соединенные штаты, и я не получил еще от него известий.

Остаюсь преданный вам Карл Маркс.

2

12 июля 1871.

Дорогой друг,

Не будете ли Вы так добры прийти обедать к нам в следующее воскресенье в 5 часов вечера?

Вы встретите у нас нескольких наших парижских друзей.

С братским приветом Карл Маркс.

3

11 февраля 1875.

Дорогой друг,

Сегодня посылаю Вам немецкое издание в одном томе (у меня больше не имеется отдельных выпусков «Hefte») и шесть первых выпусков французского издания. В последнем много изменений и прибавлений (см., напр., выпуск 6, стр. 222 против Дж.-Ст. Милля — блестящий пример того, как буржуазные экономисты, даже с самыми лучшими намерениями, инстинктивно идут по ложному пути именно в тот момент, когда они, казалось бы, нашли истину). Но самые важные изменения, содержащиеся во французском издании, находятся, однако, в неопубликованных еще частях, а именно в главах о накоплении.

Искренне благодарен Вам за издания, которые Вы прислали мне. Что меня более всего заинтересовало, это статьи «Что делается на родине»[1]). Если бы у меня было время, я сделал бы из них извлечения для «Volksstaat'a». «Не наши»[1]) славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет отношение к этой статье.

Мне послали целый пакет книг и официальных изданий из С.-Петербурга, но он был украден, вероятно, русским правительством. Между прочим там име-

---

[1]) В тексте напечатано по-русски. — Прим. ред.

лись доклады: «Комиссии по сельскому хозяйству и сельской производительности в России» и «По поднатому Вопросы» [1]) — вещи абсолютно необходимые для той главы второго тома, где я говорю о земельной собственности и т. д. в России.

Мое здоровье значительно поправилось со времени моего пребывания в Карлсбаде, но, с одной стороны, я принужден еще сильно ограничивать часы труда, а с другой стороны, я со времени моего возвращения в Лондон схватил простуду (cold), которая не перестает меня донимать.

Я приду к Вам, когда погода будет лучше.

Ваш Карл Маркс.

4

Дорогой друг,

Милейший Леблан очень болен и любит, чтобы его навещали. Последние листы (т. е. последний—44—выпуск французского издания «Капитала») имели установленные размеры. Лашатр утверждал, что по условию с типографией нельзя дать больше 44 листов. Таким образом я должен был пожертвовать предметным указателем, который был уже составлен. Если я найду экземпляр, я пошлю его вам.

Ваш К. М.

5

8 мая 1875.

Дорогой друг,

Я получил письмо из Берлина от одного коммерсанта (очень честного человека и не имеющего никакого политического значения в глазах общества и полиции, по крайней мере), который просит у меня некоторых разъяснений по поводу некоторых пунктов «Капитала». Я ответил ему немедленно; но при этом я воспользовался случаем в свою очередь попросить у него верный адрес для Ваших писем из России. Мое письмо пойдет еще сегодня.

Ваш Карл Маркс.

6

18 июня 1875.

Дорогой друг,

Когда я был у Вас третьего дня, я забыл сообщить Вам важную новость, которая, может быть, еще неизвестна Вам. Физиологу Траубе в Берлине удалось сделать искусственные клеточки. Это, конечно, еще не натуральные клеточки; в них нет ядра.

Смешивая коллоидные растворы, напр., желатин с сернокислой медью и т. д., получают шарики, окруженные оболочкой, которые растут посредством всасывания питательных веществ. Таким образом образование оболочки и рост клеточек вышли уже из области гипотез! Это большой шаг вперед особенно ввиду того, что Гельмгольц и другие собирались уже провозгласить абсурдную доктрину, что зародыши

---

[1]) В тексте по-русски. Вероятно описка; должно быть, имелось в виду «По податному вопросу». — Прим. ред.

земной жизни падают в готовом виде с луны, т. е. что они принесены были к нам аэролитами. Я ненавижу объяснения, которые решают задачу перенесением ее в другую, неизвестную область.

Коммерческий кризис надвигается. Теперь все зависит от известий, которые получатся с азиатских рынков, в особенности ост-индских рынков, которые в течение ряда лет все более и более переполнялись. При известных условиях, наличие которых, впрочем, не особенно вероятно, окончательный крах мог бы, пожалуй, еще затянуться до осени.

Действительно замечательным является падение периодической цифры общих кризисов. Я всегда рассматривал эту цифру не как постоянную величину, а как падающую; но особенно приятно то, что она обнаруживает такие очевидные признаки своего падения; это дурное предзнаменование для долговечности буржуазного мира.

Привет г-же и г-ну Ноель.

Ваш К. М.

7

15 июня 1876.

Дорогой друг,

Я был очень рад узнать из Вашего письма, что подозрения против Р. совершенно нелепы.

Либкнехт сперва написал Энгельсу, что имеются подозрения против Р. и что он (Энгельс) должен был бы конфиденциально предупредить об этом русских друзей в Лондоне. Энгельс ответил ему, что он ничего этого не сделает до тех пор, пока Либкнехт не сообщит ему фактов, послуживших поводом для этих подозрений. Тогда Л[ибкнехт] написал, что однажды вечером, находясь в компании с несколькими членами экспедиции «Volksstaat'a» и с другими рабочими, Р., будучи в нетрезвом виде, старался похитить пакет писем (от «Volksstaat'a»), предназначенных для отправки на почту, что друзья не мешали ему в этом, но сопровождали его на почту и заставили сдать там пакет. Факт этот был передан Л[ибкнехту], так что подозрение было высказано не им, а рабочими, до тех пор относившимися с полным доверием к Р. Либкнехт сам пишет, что пословица «in vino veritas» далека от того, чтобы быть евангелием, но что тем не менее случай этот наводит на размышления. Вы хорошо знаете, что раз возникает подобного рода подозрение, то всегда находятся более или менее неопределенные признаки, которые можно истолковать в очень неблагоприятном смысле.

По моему мнению Либкнехт только исполнил свой долг, сделав предупреждение; ни он (до известной степени так было и со мной) ни его друзья не знали о близких связях Р. с Вами; иначе он, конечно, не считал бы нужным предупреждать Вас. Чтобы рассеять подобного рода недоразумения, самое лучшее откровенно высказаться. В жизни воинствующей партии можно всего ожидать; я, по крайней мере, совершенно не был удивлен, когда меня обвинили в том, что я состою агентом Бисмарка.

Энгельс был у меня вчера вечером. Я спросил его, писал ли он Вам. Он ответил, что не писал; что он не считал себя в праве писать Вам по этому делу, потому что Либкнехт поручил ему сообщить Вам об этом конфиденци-

ально, и что у него не было еще времени зайти к Вам. Я сказал ему, что написал Вам, и тогда он выразил также желание написать Вам.

Я напишу также Либкнехту в духе Вашего письма. Но вместе с тем я нахожу, что лучше было бы, чтобы Р. не узнал ничего о том, что произошло. Когда Либкнехт сообщит мое письмо своим друзьям, последние — я уверен в этом — сделают все (это честные рабочие), чтобы исправить то зло, которое они причинили своему товарищу.

В «Pall Mall Gazette» за последнюю неделю была громовая статья о русских финансах.

Ваш К. Маркс.

8

3 февраля 1875.

Дорогой друг,

Фурункул (на соске с левой стороны груди), который Вы сами можете видеть, посетив меня, не дает мне возможности выйти вечером и принимать участие в митинге 4 декабря. Впрочем, я мог бы только повторить мнение, которое я защищаю уже тридцать лет, заключающееся в том, что освобождение Польши есть одно из условий освобождения рабочего класса в Европе. Новые заговоры Священного Союза дают новое доказательство этого.

Ваш Карл Маркс.

9

14 июня 76.

Дорогой друг,

Энгельс, вероятно, сообщил уже Вам, что Либкнехт и его друзья имеют основания *подозревать* Рихтера в шпионаже. Если бы это подтвердилось, я мог бы также объяснить, почему со времени последнего посещения, которым удостоил меня Рихтер, исчезла моя книжка с адресами, в которой находились *адреса* моих корреспондентов в разных странах. Вопрос этот сильно меня беспокоит только по поводу нескольких лиц в России.

Нужно еще также предупредить Пио.

Ваш К. М.

10

8 октября 1875.
41 Maitland Park Road, N. W.

Дорогой друг,

Я очень сожалею, что ни я, ни жена моя не были дома, когда Вы заходили к нам.

Эти «Quelques mots d'un groupe... Russe etc» (несколько слов... русской группы и т. д.) я взял у Энгельса и с Вашего разрешения сообщу еще одному из моих друзей, прежде чем отошлю обратно. Ответа это ученическое писание не заслуживает.

Преданный Вам К. М.

11

7 октября 1876.

Дорогой друг,

Я получил письмо из Парижа (от служащего в книжном магазине Лашатр), из которого видно, что запрещение «Капитала» только миф, миф, впрочем, усердно распространяемый полицейскими и самим господином Квестом, судебным администратором, при секвестре которого покойный Бюфе взял книжный магазин Лашатр.

Так как «Капитал» издавался при осадном положении, то, с тех пор как осадное положение снято, он может быть запрещен только обыкновенным судом, а такого скандала боятся. Поэтому стараются изъять книгу подпольными путями интриг.

Вы очень обяжете меня, сообщив мне письмо, в котором ваш комиссионер Гюйо говорит о запрещении книги. Ковалевский, с своей стороны, имеет русских друзей в Париже, которые готовы засвидетельствовать, что даже в книжном магазине Лашатр им отказали в продаже этой книги.

Имея эти доказательства, я буду в состоянии угрожать г-ну Квесту, — который очень скуп, несмотря на свои миллионы, — законными мерами и требованием убытков и процентов. Только под давлением таких угроз он, наконец, согласился печатать последние 15 выпусков. По французскому закону он по отношению ко мне является только представителем г-на Лашатра, его заместителем и должен выполнить все условия, содержащиеся в моем договоре с последним.

В сентябрьской книжке «Revue des deux Mondes» помещена, с позволения сказать, критика «Капитала» г-на Лавеле. Нужно прочитать ее, чтобы составить себе понятие об идиотизме наших буржуазных «мыслителей». Г-н Л[авеле], однако, довольно наивен, чтобы признать, что раз допустить доктрины Адама Смита и Рикардо, или даже — horribile dictu — доктрины Кери и Бастиа, то невозможно избежать превратных выводов «Капитала».

Поздравляю Вас с Вашей передовой статьей в последнем номере «Вперед» о панславистском лиризме в России. Это не только шедевр, но это прежде всего великий акт морального мужества.

Ваш Карл Маркс.

Как здоровье Смирнова?

12

21 октября 1876.

Дорогой друг,

При сем прилагаю вырезку из «Pall Mall Gazette»; это извлечение из Вашей передовой статьи (в № 42 «Вперед») плохо сделано, хотя оно сделано сэром и т. д. Раулинсоном. Ковалевский сообщил мне об этом и послал мне также эту вещь. Он просил меня дать ему № 42 Вашего журнала, но «самая прекрасная девушка во Францити может дать только то, что она имеет». Я уже послал этот номер Утину (в Льеж).

Ковалевский сообщил мне также, — Вы можете использовать это в Вашем журнале, — что дрянная русская клика, претендующая быть представительницей самых крупных русских литературных сил, объявила о своем предприятии в этом

смысле Раулинсону и другим английским светилам, — намерена издавать в Лондоне журнал, чтобы познакомить англичан с сущностью действительного политико-социального движения в России. Главным редактором будет Голохвастов вместе с другими сотрудниками гнусного журнала «Гражданин» и, говорят, князь Мещерский.

Русское правительство обнаружило уже признак своей несостоятельности, объявив через Петербургский банк, что он не будет платить золотом по иностранным векселям (или серебром). Я этого ожидал, но превосходит всякую меру тот факт, что это правительство, прежде чем дойти до этой «неприятной» меры, опять сделало глупость, стараясь в течение двух или трех недель искусственно поддерживать свой курс на лондонской бирже. Это стоило ему около двадцати миллионов рублей; это все равно, как если бы оно бросило эти деньги в Темзу.

Эта бессмысленная операция — искусственная поддержка курса за счет правительства — принадлежит к восемнадцатому столетию. В настоящее время только алхимики русских финансов прибегают к ней. Со времени смерти Николая эти периодически повторяющиеся бессмысленные манипуляции стоили России по крайней мере 120 миллионов рублей. Но это дело рук правительства, которое еще серьезно верит во всемогущество государства. Другие правительства знают, по крайне мере, что «деньги не имеют хозяина».

Ваш Карл Маркс.

13

24 февраля 1877.

Дорогой друг,

Вы нас очень обяжете, мою жену и меня, если придете к нам обедать завтра (в воскресенье) в два часа. Я тогда объясню Вам свое долгое молчание — болезнь горла и работа, которую мне навязали отчасти против моей воли.

Ваш Карл Маркс.

14

16 марта 1877.

Дорогой друг,

Член Палаты общин (ирландец) хочет внести предложение — на следующей неделе — по поводу того, что английское правительство требует от русского правительства введения (в России) реформ, которые оно считает необходимыми по отношению к Турции. Он хочет воспользоваться этим случаем, чтобы говорить об ужасах, творящихся в России. Я уже сообщил ему некоторые подробности о мерах, принятых русским правительством по отношению к полякам, отпавшим от унии. Не могли ли бы Вы сделать краткое резюме — по-французски — о судебных и полицейских преследованиях, происходивших за последние годы в России? Так как времени мало, — я только сегодня был оповещен об этом деле, — и так как что-нибудь лучше, чем ничего, то не могли ли бы Вы, который знает больше таких случаев, чем я, сделать это «что-нибудь»? Я думаю, что это принесло бы большую пользу Вашим несчастным соотечественникам.

Что касается г-жи Утиной, то я ничего не понимаю, но я подвергну ее перекрестному допросу при следующем свидании. Если бы она не говорила много раз моей жене и мне о своем желании видеть Вас, мы ни слова бы не говорили об этом.

Ваш Карл Маркс.

15

23 марта 1877.

Дорогой друг,

Я получил статью, и она находится уже в руках члена Палаты общин, которому я, между прочим, доставлю и поправку.

Бисли был вчера у меня, я говорил ему о Вашей статье для «Fortnightly». Он сказал мне, что он будет говорить о Вас с Джоном Морлеем, главным редактором, но — и это очень неприятно — статья должна быть написана по-английски или переведена на английский язык, прежде чем посылать ее редактору. Что же касается размера статьи, то 16 страниц составляют обычный размер.

Алсопп не дал нам своего последнего адреса; может быть, Ле Блан мог бы его добыть.

Я получил вчера письмо из С.-Петербурга с сообщением о посланном мне пакете из нескольких книг. К сожалению, я ничего не получил.

Ваш Карл Маркс.

16

27 марта 1877.

Дорогой друг,

Очень благодарен Вам за записку, которую я получил вчера вечером. Вы и понятия не имеете о трусости и шатаниях «свободной» английской прессы. Это единственная причина, почему я не могу еще дать Вам определенного ответа о судьбе вашей статьи.

Ваш К. М.

17

29 марта 1877.

Дорогой друг,

Можете ли Вы сообщить мне имя Игнатьева, а также некоторые подробности о его семье и о нем самом. Что же касается его политической деятельности, то я более или менее осведомлен о ней.

В Москве были порядочные торговые и промышленные крахи.

Ваш К. М.

18

17 апреля 1877.

Дорогой друг,

Посредник только что вручил мне гонорар в 2 ф. 10 ш., следуемый Вам от «Vanity Fair», прилагаю этот гонорар в виде почтового перевода.

Меня поистине удивило Ваше письмо. Вы по моей просьбе написали и немедленно прислали не только напечатанную статью, но и рукопись для члена

парламента, и Вы еще считаете себя обязанным мне! Обязанным являюсь, наоборот, я.

Мы поговорим о деле Пио, когда Вы выполните свое обещание и придете ко мне.

Ваш Карл Маркс.

Если в почтовой конторе спросят фамилию «отправителя», надо указать мою фамилию и адрес.

19

23 апреля 1877
(день рождения Шекспира).

Дорогой друг,

Посылаю Вам от имени моей дочери Тусси билет (на двух человек) в кресла «Lyceum Theatre». Это на сегодняшний спектакль (понедельник). Ставят Ричарда III. Было бы хорошо, если бы Вы были там немного позже 7 часов.

Ваш Карл Маркс.

20

16 августа 1881.

Дорогой Лавров,

Я должен уехать завтра и поэтому не буду иметь возможности повидаться с Вами еще раз. Но, побывав раз в Париже, я буду приезжать сюда от поры до времени.

Пока до свидания.

Ваш К. Маркс.

21

23 января 1882.
41 Maitland Park Road, London, N. W.

[Часть письма написана по-немецки, часть по-английски.]

Дорогой друг,

При сем прилагаю несколько строк к русскому изданию Коммунистического манифеста; так как это следует еще переводить на русский язык, то они написаны не таким слогом, который был бы необходим для опубликования их на отечественном немецком языке.

Я только несколько дней тому назад вернулся в Лондон. Так как я недавно перенес плеврит и бронхит, то у меня остался хронический катарр бронх. Мой врач хотел бороться с ним, отправив меня в Вентнор (на острове Уайте), место, где обыкновенно тепло даже зимой. На этот раз однако — во время моего трехнедельного пребывания там — в Вентноре была холодная сырая серая туманная погода, между тем как в то же самое время в Лондоне была почти летняя погода, которая, однако, изменилась при моем возвращении в Лондон.

Теперь предполагается послать меня куда-нибудь на юг, может быть в Алжир. Очень трудно сделать выбор, потому что Италия недоступна мне (в Ми-

лане один человек был арестован, потому что его фамилия сходна с моей); я не могу поехать даже на пароходе отсюда в Гибралтар, потому что у меня нет паспорта, а там даже англичане требуют паспорт.

Несмотря на все настояния врачей и близких мне людей, я бы ни за что не согласился на такое предприятие, связанное с такой потерей времени, если бы не эта проклятая «английская» болезнь, которая действует даже на мозг. Кроме того возобновление болезни, если бы я даже выздоровел, отняло бы еще больше времени. Несмотря на все это я сперва хочу произвести еще здесь некоторые эксперименты.

Посылаю Вам номер «Modern Thought» со статьей обо мне. Мне незачем Вам говорить, что биографическая заметка автора совершенно неверна. Моя дочь, Ваш корреспондент Элеонора, которая шлет Вам привет,— взялась исправить в посылаемом Вам экземпляре неправильные английские цитаты из «Капитала». Но, как бы плохо м-р Бакс ни переводил,— я слышал, что он еще совершенно молодой человек,— он, конечно, первый английский критик, который действительно интересуется новейшим социализмом. В группе, в которой он вращается, вы видите поражающие Вас искренность речи и глубокое убеждение. Некий Джон Ре,— мне кажется он состоит лектором политической экономии в каком-то английском университете,— несколько месяцев тому назад поместил в «Contemporary Review» статью на ту же тему, очень поверхностную (хотя он претендует цитировать многие из моих трудов, которых он, очевидно, никогда не видал), но полную того превосходства, которым проникнуты истинные британцы, благодаря особенному тупоголовию. Однако он снисходительно допускает, что я по убеждению, а не из корыстных мотивов в течение почти сорока лет обманывал рабочий класс ложными учениями! Вообще публика здесь начинает интересоваться социализмом, нигилизмом и т. д. Ирландия и Соединенные штаты, с одной стороны, с другой стороны — предстоящая борьба между фермерами и лэндлордами, между земледельческими рабочими и фермерами, между капитализмом и лэндлордизмом; некоторые признаки оживления среди класса промышленных рабочих, как, напр., при некоторых недавних частичных выборах в Палату общин, где официальные кандидаты рабочих (особенно ренегат Интернационала, несчастный Гоуелль), предложенные известными лидерами тред-юнионов и публично рекомендованные мистером Гладстоном «народным Вильямом»,— были с презрением отвергнуты рабочими; демонстративно возникающие в Лондоне радикальные клубы, составленные, главным образом, из рабочих, англичан и ирландцев без разбора, выступающие против «великой либеральной партии», о ф и ц и а л ь н о г о тред-юнионизма и народного Вильяма и т. д. и т. д.,— все это заставляет британского филистера именно теперь стремиться приобрести некоторые сведения о социализме. К сожалению, обозрения, журналы, газеты и т. д. эксплоатируют этот «спрос» только для того, чтобы «предложить» публике писания продажных, невежественных, лживых писак, получающих по пенни за строчку (допустим даже, что они получают по шиллингу за строчку).

Здесь выходит «еженедельник» под заглавием «Радикал», преисполненный добрых намерений, смелый по языку (смелость заключается в бесцеремонности (sans gêne), а не в силе), старающийся пробить брешь в британской прессе, но при всем том имеющий слабое влияние. В чем газета нуждается, это в интелли-

гентных редакторах. Несколько месяцев тому назад эти господа обратились ко мне. Я находился тогда в Истборне вместе с моей дорогой женой, затем в Париже и т. д., так что они еще не виделись со мной. В сущности я считаю это бесполезным. Чем больше я читаю их газету, тем более я прихожу к убеждению, что она неисправима.

Моя дочь напоминает мне, что уже давно пора кончить это письмо, так как приближаются последние минуты отправки писем.

Привет.

Карл Маркс.

Письма Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову

1

122 Regent's Park Road, N. W.
Лондон, 19 января 1872.

Дорогой друг,

Вы вероятно получили уже книги по прилагаемому списку, стоимость которых на сумму в 1 ф. 16 ш. 5 п. я записываю на Ваш счет.

С другой стороны, я вписываю в Ваш счет (еще неполученную от Вас сумму) 2 ф. 8 ш.

Труд Hodgson'а мне совершенно неизвестен, я нигде не читал о нем объявления. Постараюсь, однако, навести о нем справки.

Наши счеты теперь приблизительно урегулированы. Я Вам напишу по поводу la G. des Tr. [1]), я думаю, что газета эта не будет нам больше нужна, срок ее абонемента истекает в конце января.

Вы вероятно получили газеты E. P. [2]), которые я вам послал, а также и оттиски, которые я иногда вкладывал в них.

Что касается интриги, то все в порядке. Интриги Б. [3]) не будут иметь серьезных результатов. Этот человек забывает, что нельзя вести рабочие массы, как можно было бы вести небольшую группу доктринеров сектантов. Мы, впрочем, получили весьма ценные сведения о его происках в России — и получили их из первых рук. Это более чем гнусно.

Всегда готовый к услугам

Ваш Ф. Э.

2

122 Regent's Park Road, N. W.
24 сентября 1875.

Дорогой господин Лавров,

По возвращении из Рамсгейта (Ramsgate), где я провел несколько недель, я нашел Ваше письмо от 20-го и кроме того целую массу газет, книг и т. д., получавшихся во время моего отсутствия. Я сперва приведу их в порядок и возможно скорее примусь за чтение Вашей статьи в журнале «Вперед», тогда я буду иметь возможность сказать Вам, в чем мы согласны и в чем расходимся

---

[1]) «Gazette des Tribunaux».

[2]) Вероятно «Eastern Post».

[3]) Речь идет о Бакунине.

в наших взглядах об отношении социализма к борьбе за существование по Дарвину. Если Вы этого письма не получите в ближайшие дни, то прошу извинить меня, потому что мне надо написать много писем и привести в порядок другие залежавшиеся дела, так как я в течение месяца не мог делать ничего кроме того, что абсолютно необходимо было делать безотлагательно.

Я не знаю брошюры, о которой Вы мне говорите. Вы очень меня обяжете, прислав ее мне по почте на несколько дней.

У нас опять есть португальский журнал: «O Protesto» («Протест») из Лиссабона, которого вышло шесть номеров (один раз в неделю) — редакция Rue do Bem formoso, 110, во втором этаже, контора Rua dos Cardaes de Jesus (!) 69, во втором этаже. Я не просмотрел еще 4 полученных номеров.

Прошу засвидетельствовать мое почтение г-ну и г-же Смирновым.

Ваш Ф. Энгельс.

3

Лондон, 12 ноября 1875.

Дорогой господин Лавров,

Вернувшись, наконец, из поездки в Германию, я принялся за Вашу статью, которую я прочел с большим интересом. Посылаю Вам мои относящиеся к ней замечания, которые я пишу по-немецки, что дает мне возможность быть более кратким.

1) Я признаю в учении Дарвина теорию развития, но способ доказательства (struggle for life, natural selection) [1]) Дарвина принимаю лишь как первое, временное, несовершенное выражение недавно открытого факта. До Дарвина именно те господа, которые теперь везде видят только борьбу за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и др.), видели как раз взаимодействие органической природы, как, напр., мир растений доставляет животному миру кислород и пищу и, наоборот, животный мир доставляет растениям углекислоту и удобрение, как это в особенности доказал Либих. Оба эти взгляда в известных границах правильны, но оба одинаково односторонни и ограниченны. Взаимодействие тел природы, — как мертвой, так и живой, — включает в себя и гармонию, и коллизию, и борьбу, и кооперацию. Если поэтому так называемый естествоиспытатель позволяет себе резюмировать все разнообразное богатство исторического развития в односторонней и сухой формуле: «борьба за существование», в формуле, которая даже в области природы может быть принята лишь cum grano salis, то такое отношение само себя осуждает.

2) Из трех названных убежденных дарвинистов [2]) внимания заслуживает только Гельвальд. Зейдлиц в лучшем случае мелкая величина, Роберт Бир романист, роман которого «Drei Mal» (Три раза) только что появился в журнале «Ueber Land und Meer». И там и уместно все его бахвальство (Rodomontade).

3) Не отрицая преимуществ Вашего метода критики, который я назвал бы психологическим, я выбрал бы другой метод. Каждый из нас испытывает на себе

[1]) Борьбу за существование, естественный подбор.

[2]) У Энгельса написано латинскими буквами по-русски: uběšdennyie Darwinisty.

Прим. ред.

влияние той интеллектуальной среды, в которой он преимущественно вращается. Для России, где Вы лучше меня знаете свою публику, и для пропагандистского журнала, который обращается к связующему аффекту [1]), к нравственному чувству, Ваш метод, вероятно, является самым лучшим. Для Германии, где ложная сентиментальность уже причинила и продолжает еще причинять такой неслыханный вред, он бы не годился, он был бы неправильно понят, был бы истолкован как сентиментальность. У нас скорее нужна ненависть, чем любовь,— по крайней мере, прежде всего и в первую очередь необходим отказ от последних остатков немецкого идеализма, восстановление материальных факторов в их исторических правах. Поэтому я бы следующим образом обрушился на буржуазных дарвинистов,— и может быть в свое время и сделаю это.

Все учение Дарвина о борьбе за существование есть просто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о bellum omnium contra omnes (войне всех против всех) и буржуазно-экономического учения о конкуренции, рядом с теорией народонаселения Мальтуса. Проделав этот кунстштюк (безусловную правильность которого я оспариваю, как уже было указано в 1 пункте, в особенности по отношению к теории Мальтуса), опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, что доказана их верность как вечных законов человеческого общества. Наивность этой процедуры бросается в глаза, на это не стоит тратить слов. Но если бы я хотел подробнее остановиться на этом, то я прежде всего назвал бы их плохими экономистами, а затем уже плохими естествоиспытателями и философами.

4) Самое существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае накопляют, между тем как люди производят. Но уже одно это капитальное отличие делает невозможным простое перенесение законов животного общества в человеческое общество. Благодаря этому различию возможно, как Вы верно заметили, чтобы человек не только вел борьбу за существование, но и за наслаждение и за увеличение своих наслаждений... и был готов отречься от низших наслаждений для высшего наслаждения [2]). Не оспаривая Ваших дальнейших выводов отсюда, я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы: человеческое производство на известной ступени достигает такой высоты, что могут быть произведены не только предметы для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сперва хотя бы и для меньшинства. Борьба за существование,— если мы еще на момент оставим в силе эту категорию,— превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения, не в борьбу за одни только средства существования, а в борьбу за средства развития, за общественно производимые средства развития, а к этой ступени категории из мира животных не могут быть применены. Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, производит гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, потому что оно искусственно отстраняет огромную

[1]) У Энгельса латинскими буквами написано: sviazujuščy affekt. — Прим. ред.

[2]) У Энгельса эта фраза написана по-русски латинскими буквами: čelověk vel borjbu ne toljko za susčestwovanie, no za naslaždenie i za uveličenie svojich naslaždeniju... gotov byl dlja vysšego naslaždenija otrečsja ot nisšich. — Прим. ред.

массу действительных производителей от пользования этими средствами существования и развития; если это общество своим собственным законом жизни вынуждается постоянно расширять и без того уже чрезмерное производство и поэтому вынуждено само периодически, каждые десять лет, уничтожать не только массу продуктов, но и производительных сил,— то какой же смысл имеет здесь разговор о «борьбе за существование»? Борьба за существование может еще заключаться в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением от класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но неспособного уже более продолжать его, а это уже будет социалистическая революция.

Между прочим уже одного рассмотрения предыдущего хода истории как непрерывной классовой борьбы достаточно для полного выяснения всей поверхностности понимания этой истории как незначительной вариации проявлений «борьбы за существование». Поэтому я никогда не сделал бы такого одолжения этим псевдонатуралистам.

5) По той же причине я соответственно иначе формулировал бы Ваш по существу верный тезис, гласящий, что идея солидарности для облегчения борьбы могла... вырасти, наконец, до того, чтобы охватить все человечество и противоставить его как солидарное общество братьев остальному миру минералов, растений и животных [1]).

6) Но я не могу, наоборот, согласиться с Вами, что борьба всех против всех [2]) была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку мы можем углубиться в глубь веков, мы находим, что так и было.

---

17 ноября. Мне опять помешали, и я опять принимаюсь за это письмо, чтобы отправить его Вам. Вы видите, что мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее сущности. Я надеюсь, что Вы найдете их достаточно ясными, я писал их второпях и, перечитывая их, хотел бы изменить некоторые слова, но я боялся сделать это письмо слишком неудобочитаемым.

Шлю Вам сердечный привет.

Ф. Энгельс.

4

122 R. P. R. 16 июня 1876.

Дорогой господин Лавров,

Несколько времени тому назад Либкнехт писал мне и просил предупредить Вас, что Р. возбуждает подозрения. Но так как я не мог взять на себя подобное поручение, не имея возможности указать Вам какие-либо данные, я откровенно высказал ему это.

---

[1]) Последняя фраза у Энгельса написана по-русски латинским шрифтом: što ideja solidarnosti dlja oblegčenija borjby mogla... vyrosti nakonec do togo, štoby ochwatitj vce čelovečestwo i protivustavitj jego kak solidarnoje obscestwo bratjew ostalnomu miru mineralov, rastenij i zivotnych.— Прим. ред.

[2]) В тексте: borjba vsech protiv vsech.

Вот его ответ, который я под секретом сообщаю Вам:

Р. довольно странным образом старался завладеть пачкой писем, которые должны были прошлой зимой быть отправлены мне в Берлин. Он был пьян и поэтому очень неловко принялся за дело, так что его поймали. В опьянении его в течение многих часов преследовала idée fixe завладеть этой пачкой; и это ему даже удалось; но его спутники принудили его опустить пакет в почтовый ящик после того, как потерпела неудачу его попытка подменить этот пакет. Лица, присутствовавшие при этом случае, до тех пор твердо настаивали на его честности, и теперь были поражены. В состоянии опьянения иногда, правда, приходят в голову странные вещи, однако, ничего такого, чего не было бы там в трезвом состоянии. In vino veritas уже не совсем лишено основания. Я не хочу говорить здесь о других очень подозрительных обстоятельствах, так как они не так вески, как то, что я рассказал. Должен еще только заметить, что Р. неоднократно предлагал свои услуги по передаче писем и просил рекомендаций ко всяким партийным товарищам.

Я очень сожалею, что разные препятствия мешали мне раньше передать Вам это сообщение, о котором я не знаю что и думать.

Я надеюсь, что это письмо застанет Вас в добром здоровии. Привет г-ну Смирнову.

Ваш Ф. Энгельс.

5

122 Regent's Park Road, N. W.
Лондон, 10 августа 78.

Дорогой господин Лавров,

Надеюсь, что Вы получили экземпляр моей брошюры против Дюринга, которую я вчера послал Вам. Я бы давно уже послал ее Вам, если бы у меня был Ваш теперешний адрес. Я писал Смирнову, 4 Lower Charles St., а затем Лопатину, 6 Rue Linné, чтобы получить Ваш адрес, но ни тот ни другой не ответили мне. Не сообщите ли Вы мне, куда я должен отправить экземпляр, предназначенный Лопатину? Его молчание причиняет нам некоторое беспокойство, потому что одно из предыдущих писем по тому же адресу было послано ему в Швейцарию, где он, как он сам писал, предполагал оставаться только до июня месяца а после этого «Начало» писало, что он был арестован в России. Хотя в этом известии имеются хронологические неточности, однако молчание его нас сильно беспокоит.

Вы, вероятно, уже заметили, что немецкие дарвинисты в ответ на призыв Вирхова решительно ополчились против социализма.

Геккель, брошюру которого я только что получил, ограничивается тем, что в общих чертах говорит о бешеной собаке социализма, но Оскар Шмидт из Страсбурга собирается нас уничтожить con amore на собрании естествоиспытателей в Касселе. Это напрасный труд. Если реакция в Германии будет беспрепятственно развиваться, то дарвинисты, вслед за социалистами, будут первыми жертвами. Впрочем, что бы с ними ни случилось, я буду считать своим долгом ответить этим господам. Во всяком случае, мы имеем все основания быть довольными этим событием, как и вообще всеми событиями. Г. Бисмарк, который в течение семи лет

так работал в нашу пользу, как если бы мы платили ему за это, теперь, очевидно, уже не может себя сдерживать в своих усилиях ускорить наступление социализма. «После меня хоть потоп», повидимому, уже не удовлетворяет его, он хочет наступления этого потопа еще при жизни,— да будет воля его! Боюсь только, что он слишком хорошо работает и что потоп наступит раньше естественного срока.

Ваш Ф. Энгельс.

6

18 февраля 1882.

Дорогой господин Лавров,

Бесконечно сожалею, что не застал Вас сегодня после обеда; однако, если, как я надеюсь, настоящее письмо получится сегодня вечером, я прошу Вас прийти ко мне завтра, в воскресенье, вечером между 7 и 8. Вы встретите у меня друзей. Мы все будем очень рады видеть Вас.

Ваш Ф. Энгельс.

7

122 Regent's Park Road, N. W.
23 февраля 1882.

Дорогой друг,

«Financial Reform Almanach» за 1882 г. дает следующие адреса:

Dilke, W. Ashton, 1, Hyde Park Gate, S. W. do Sir Ch., 76 Sloane St. S. W.

Вернувшись от Вас, я застал письмо от д-ра Донкина, того, который лечил Гартмана некоторое время тому назад, а также семью Маркса. Он пишет:

«Я получил письмо от Гартмана несколько дней тому назад (помеченное 14, Huntley St., Bedford Sq.), в котором он спрашивает, может ли он прийти ко мне. Я немедленно ответил на его письмо, предложив ему на выбор два дня, но после этого не имел от него никаких известий.

«В случае, если мои письма затерялись, не можете ли Вы сообщить мне, не знаете ли Вы, что с ним. Если Вы увидите его, передайте ему, что он может прийти ко мне в любой день (60, Upper Berkeley St. W.), между 11 и 12 ч. утра».

Не будете ли Вы так добры сообщить Гартману вышеприведенное письмо? Так как письмо Донкина не получилось, я думаю, что в нем был указан неправильный номер, относительно чего я ничего не могу сказать, ибо знаю его только от Донкина. Я, таким образом, лишен возможности непосредственно сноситься с Г[артманом] и поэтому обращаюсь к Вашей помощи, в особенности потому, что, как Вы говорили, это очень близко от Вас.

Я пишу Д., что надеюсь через несколько дней дать ему более точные сведения; если возможно, постарайтесь дать мне сведения по этому делу в воскресенье вечером.

Ваш Ф. Энгельс.

8

122 Regent's Park Road,
10 апреля 1882.

Дорогой Лавров,

С благодарностью возвращаю Вам корректурные листы. Я сделал бы это раньше, если бы не надеялся видеть Вас вчера вечером и сказать Вам: Христос, воскрес ли он? [последние 3 слова в тексте написаны по-русски].

Не будете ли Вы так добры и не дадите ли мне на несколько дней немецкий текст предисловия? «Социал-демократ» просил нас послать ему это предисловие, а так как вещь эта появилась в «Народной воле» (мы гордимся тем, что состоим ее сотрудниками), то это не может представить никаких неудобств.

Искренне Ваш Фр. Энгельс.

Наша мысль, по-моему, очень хорошо передана.

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

1918—30 мая—1928

Г. ПЛЕХАНОВ

ДВА СЛОВА ЧИТАТЕЛЯМ-РАБОЧИМ [1])

Давно уже известно, что у всякого народа есть своя поэзия и что чем развитее и образованнее данный народ, тем более глубокое содержание вкладывается в его поэтические произведения. С таким же правом можно сказать, что у каждого общественного **класса** также есть **своя поэзия**, в которую он вкладывает свое особое содержание. И в этом нет ничего удивительного, потому что каждый общественный класс имеет свое особое положение, свой особый взгляд на окружающий его порядок вещей, свое горе, свои радости, свои надежды и стремления, — словом, как говорится, свой особый **внутренний мир**. А этот-то внутренний мир и находит свое выражение в поэзии. Вот почему поэтические произведения, очень нравящиеся одному классу или слою общества, часто теряют почти всякий смысл для другого. Вот пример.

У нас в России еще в недавнее время почти все богатства, все почести, все высшие служебные места сосредоточивались в руках дворянства, которое было **господствующим классом**. Но у нас дворянство все-таки никогда не достигало такой огромной власти, как в некоторых других европейских государствах. Несколько сот лет тому назад — в течение всего так называемого средневекового периода — более крупные дворяне-аристократы (бароны, герцоги, графы) совсем не признавали над собой власти государей. Они были настоящими царьками в своих огромных имениях, к которым принадлежали целые области и города. Они считали, — как считает теперь наш царь, — что властвуют «божиею милостью», сами творили суд и расправу над своими подданными, по своему собственному произволу вели войну или заключали мир с своими соседями. Можно сказать, что война была их ремеслом, их единственным занятием. Все остальные роды деятельности они считали низкими и недостойными их звания. И вот это-то богатое, праздное, воинственное и независимое — феодальное, как его называют — дворянство выработало свой особый род поэзии, способный увлекать только его, а не другие классы общества. Один из таких владетелей, когда-то знаменитый своим задором и своими песнями, говорит в одной из этих песен, что «человек только и ценится по числу полученных и нанесенных им ударов» (конечно, мечом, а не кулаком). Мне

---

[1]) Статья представляет предисловие Г. В. Плеханова к сборнику стихотворений различных авторов «Песни труда», предполагавшемуся к изданию группой «Освобождение труда» в Женеве в 1885 г. Тогда был напечатан только первый лист брошюры, имеющийся в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Перепечатывается впервые.

нравится, — говорит он далее в той же песне, — когда люди и стада разбегаются перед скачущими воинами... еда, питье, сон — ничто так не манит меня, как вид убитых, в которых торчит пронзившее их насквозь оружие!» Вы понимаете, читатели, что такого рода поэзия, такие песни могли восхищать только господ-дворян и едва ли нравились их крестьянам, тем самым «людям», которым приходилось «убегать перед скачущими воинами». Эти «люди» имели свои песни, свои сказки и предания, не возбуждавшие ничего кроме презрения в высшем классе общества.

Другой пример. Одним из лучших произведений нашего русского поэта А. С. Пушкина по справедливости считается роман в стихах под названием «Евгений Онегин». Роман этот написан прекрасно, стих у Пушкина превосходный. Но главным действующим лицом в романе — его **героем** — является барин (этот самый Онегин), о характере которого вам, людям тяжелого подневольного труда, не легко даже составить себе понятие. Это — изволите ли видеть — человек «хандрящий», «разочарованный», т. е. попросту ни к какому делу не склонный, не способный и потому не знающий, куда девать себя от скуки. От скуки он таскается по белу-свету, от скуки ухаживает за барышнями, от скуки выходит на дуэль. В свое время роман этот наделал много шуму, да и теперь еще его с удовольствием читают люди высших классов. Но если, пользуясь воскресным отдыхом, за него возьмется человек, проработавший целую неделю на фабрике, то его вряд ли займут похождения «разочарованного» барина. Такой человек видел много настоящего, неподдельного горя, но он не знает «хандры» и «разочарования», точно так же, как не знали этих мудреных вещей те крепостные крестьяне, с которых получал оброк господин помещик Онегин. Рабочий просто не поймет внутреннего содержания этого романа.

Возьмем третий пример, еще более к нам близкий. Наша так называемая интеллигенция очень любит стихотворения Н. А. Некрасова. Эти стихотворения действительно очень недурны, хотя Некрасов и не имел большого таланта. Но опять-таки вам, живущим трудом рук своих, будут непонятны многие из некрасовских стихотворений. И не потому непонятны, что вы менее образованы, чем «интеллигенция». Нет, это различие происходит из особенностей вашего **общественного положения**. В своих произведениях Некрасов часто изображает те страдания «интеллигентного» человека, которые происходят от сознания его «вины перед народом». Откуда взялось такое сознание, откуда явились причиняемые им страдания? Дело, вообще говоря, понятное. Целые сотни лет высшие и средние классы — чиновничество, дворянство, духовенство, купечество — только и делали, что давили народ; целые сотни лет народные нужды и бедствия не вызывали в них ни малейшего **сострадания**. Но вот, с развитием образования, — по причинам, о которых говорить здесь не место, — некоторым более честным личностям сделалось, наконец, стыдно за дела их отцов, им стало невыносимо в кругу угнетателей народа, в этой среде

... ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови.

Они сознали, что все их благосостояние основано на бедствиях и нищете народа. Их мучило это сознание, и потому естественно, что им нравились те

стихотворения, в которых выражались их страдания. Для них прочитать такое стихотворение было все равно, что отвести душу в разговоре с сочувствующим и умным человеком. Но вы, трудящиеся дети тружеников-отцов, — перед каким «народом» и в чем вы «виноваты»? Вы сами «народ», вы сами принадлежите к числу «обиженных и униженных» и будете виноваты только перед своими детьми, если не завоюете для них лучшего будущего. Вот почему — только поэтому — вас не затронут многие из тех стихотворений, которые так глубоко трогают нашу интеллигенцию. За вами нет невольной вины интеллигентных людей, а потому вы и не знаете мук их раскаяния. А не испытавши этих мук, вы не можете восхищаться теми стихотворениями, в которых они выражаются.

У вас должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихотворения. В них вы должны искать выражения своего горя, своих надежд и стремлений.

Чем сознательнее станете вы относиться к своему положению, чем больше гнева и негодования будет возбуждать в вас ваша современная участь, — тем настойчивее будут эти чувства проситься наружу, тем богаче будет ваша поэзия.

И не одно только горе, не одно отчаяние найдет в ней свое выражение. Понявши, что такое есть работник, вы поймете, чем он может и должен быть. Рядом с недовольством настоящим в вас будет расти вера в то великое будущее, которое открывается теперь перед рабочим классом всех цивилизованных стран. И эта вера также отразится в вашей поэзии; она-то и сделает ваши песни громкими, могучими и гордыми, как победный клич всеобщей свободы, истинного равенства и нелицемерного братства.

В ожидании этого желанного времени мы предлагаем вам, что можем: маленький сборник стихотворений, изображающих как ваше современное положение, так отчасти и ваши задачи в будущем. Стихотворения Некрасова, Гуда, Гейне, Морозова изображают ту печальную долю, которая тяготеет теперь над рабочими всех полов, возрастов и национальностей. Собственный опыт подскажет вам, что прав был поэт, воскликнувший:

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля [1])

В этих же стихотворениях вы найдете и ответ на вопрос, — как же вам добиваться лучшей участи? Они призывают вас к упорной, беспощадной борьбе с вашими угнетателями:

Довольно вы гнулись под игом судьбы,
Разбейте оковы! Смелее! [2])

Но ваша борьба не имела бы смысла, если бы вы не дали себе ясного отчета о том, во имя чего вы ее начинаете, к каким целям вы

---

[1]) См. стихотворение «Размышление у парадного подъезда» Н. Некрасова, помещенное в нашем «Сборнике».

[2]) См. «Тюремные видения» Н. Морозова, также помещенные в «Сборнике».

стремитесь. Конечно, ошибкой было бы думать, что какие бы то ни было стихотворения могут выяснять такие сложные понятия. Но они могут служить выражением той мысли, которая должна руководить вами в борьбе. Это и делает, например, первая глава стихотворения Гейне «Германия». Автор советует читателям «отбросить гнилые поверья» относительно загробной жизни, в которой человек вознаграждается будто бы за испытанные им на земле несправедливости. Он говорит, что те, которые поддерживают эту веру, только

> ... морочат ребенка-народ,
> Чтоб гнул он покорнее шею.

«Царство небесное», т. е. счастливая, свободная, независимая жизнь, будет «здесь», на земле, если только народ сумеет восторжествовать над своими врагами. Другого рая нет и быть не может. А в этом земном раю будут жить одни лишь трудящиеся люди. В нем не будет места праздным лентяям, эксплоататорам чужого труда.

> Ленивому брюху мы есть не дадим,
> Что добыли дельные руки,
> И царство небесное здесь создадим
> Себе мы без слез и без муки.

Когда установится такой счастливый порядок, люди перестанут вырывать — как они это делают теперь — друг у друга кусок изо рта, подобно хищным зверям. Они будут работать сообща на общую пользу, наслаждаясь земною жизнью и не думая о небесной. Тогда ни для кого не будет недостатка ни в пище, ни в других предметах потребления, ни в образовании, ни в удовольствиях, —

> У щедрой кормилицы нашей земли
> Для всех нас довольно и хлеба,
> И миртов зеленых, и роз, и любви, —
> К чему торопиться на небо?

Такова мысль этого стихотворения, которая есть в то же время руководящая мысль современного рабочего движения во всех цивилизованных странах. Именно этою мыслью должны проникнуться наши рабочие, пристающие к социал-демократии: им не нужно ни царя ни бога; они должны стать своими собственными господами и, завоевавши себе свободу действия, создать новый, социалистический порядок.

Теперь вы понимаете, читатель, какой смысл имели наши слова о том, что всякий общественный класс вкладывает в поэзию свое особое содержание. Только что разобранное стихотворение Гейне есть лишь слабый зачаток поэзии рабочих; а между тем попробуйте сравнить ее с вышеприведенными отрывками из песни феодального поэта. Одного вдохновляет мысль о просвещении, равенстве и счастьи людей. Другой ничем так не восхищается, как видом трупов, «в которых торчит пронзившее их оружие». Похожи ли эти два рода поэзии один на другой? Какой из них лучше и возвышеннее?

Правда, цивилизованные люди давно уже перестали восхищаться кровожадными песнями феодального дворянства. Но только рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть истинным представителем идеи т р у д а и р а з у м а.

Проникнитесь же важностью этого сознания и дружнее принимайтесь за предстоящее вам трудное, но великое дело своего освобождения. В а ш а п о б е д а принесет счастье всему человечеству!

Женева, 21 апреля 1885 г.

Г. БАКАЛОВ

Г. В. ПЛЕХАНОВ В БОЛГАРИИ

Не о личном пребывании Г. В. Плеханова в Болгарии будем мы говорить. Никогда в Болгарии Плеханов не был, хотя было время, когда крайне стесненное материальное положение эмигранта заставляло его подумывать о кафедре в Софийском университете. Это было в 1892 и 1893 гг. Царскому правительству удалось добиться высылки его из Швейцарии, и он проживал на одной квартире с В. И. Засулич в деревне Морнэ, во Франции, на самой границе Женевского кантона. Нужда, в которой жили Плеханов и Засулич, достигала того, что не всегда у них бывал к чаю сахар. Немного раньше, в 1889 г., открылось Софийское «высшее училище», переименованное потом в университет. Это было при режиме Стамбулова, чья руссофобская политика привела к назначению профессором русского эмигранта Михаила Драгоманова; это обстоятельство могло возбудить и у Плеханова надежды побывать профессором в Болгарии. Летом 1892 г. болгарский студент т. Слави Балабанов, поехал из Женевы на каникулы в Болгарию, где он должен был позондировать почву о приглашении Плеханова в Софийский университет. Но и т. Балабанов и я, взявшийся в следующем году за то же самое дело, убедились, что преследования Стамбуловым нас, учеников Плеханова, не позволяют надеяться на получение нашим учителем профессорской кафедры. Таким образом кафедра не могла привести Г. В. Плеханова в Болгарию.

То поколение, которое впервые образовало студенческую социалистическую группу в Женеве, еще в Болгарии считало Плеханова своим учителем. Слави Балабанова и Христиана Георгиевича Раковского исключили из шестого класса Габровской гимназии (1890 г.) за распространение брошюры Энгельса «Развитие научного социализма», переведенной на болгарский язык с русского перевода В. И. Засулич. В том же году пишущий эти строки, в то время ученик шестого класса гимназии в Филиппополе, выписал в ученическую библиотеку заграничные русские издания (впрочем, полиция Стамбулова их задержала), между которыми на первом плане были издания группы «Освобождение труда»: сборник и № 1 журнала «Социал-демократ», плехановские полемические брошюры и книги и т д. «Наши разногласия» подействовали на меня как откровение. У болгарских студентов того поколения Плеханов пользовался уже славой великого учителя, который шел на смену Чернышевскому. Плеханов раскрывал им марксистское миросозерцание. И у них не было повода в последующие десятилетия сожалеть, что именно через Плеханова они приобщились к марксизму. Колоссальный полемический талант Плеханова помог им освободиться от всяких вредных заблуждений и легче ориентироваться в усложняющихся событиях и отношениях последующих десятилетий.

Многие из болгарских социалистов лично познакомились с Г. В. Плехановым. Я упомяну только о близких к Плеханову его первых учениках. Они составляли часть группы болгарских студентов-социалистов в Женеве (Groupe des étndiants socialistes bulgares à Genève). У меня сохранилась фотография всех членов этой группы 1893 г. Тесный круг лиц, находившихся в непосредственной близости к Георгию Валентиновичу, состоял из X. Г. Раковского, Слави Балабанова, Стояна Нокова и пишущего эти строки. Из них т. Балабанов покончил с собою в 1896 г. в Женеве, а все остальные здравствуют до сих пор и работают как коммунисты.

Плеханов, с своей стороны, ценил этот круг своих молодых болгарских учеников. Особенно восторженно он отзывался о т. Раковском. Его высокое мнение о т. Раковском видно, между прочим, из писем, в которых Плеханов рекомендовал его Вильгельму Либкнехту и Жюлю Гэду. (Письма эти ныне опубликованы.)

По пути на Международный социалистический конгресс в Лондоне (1896 г.), куда я был послан делегатом от болгарской партии, я завернул в Женеву, чтобы увидеться с Г. В. Плехановым, и оттуда мы вместе поехали в Лондон. В его кабинете среди немногих портретов на стенах и на столе находилась и фотография группы упомянутых болгарских социалистов. А расстались мы давно: Балабанова не было уже в живых, я возвратился в Болгарию осенью 1893 г., в следующем году вернулся и Ноков, а Раковский уехал во Францию. Плеханов, должно быть, видел в болгарах одних из первых своих верных учеников.

Я припоминаю, что за время моего студенчества в Женеве (1891—1893 гг.) он два раза выступал по инициативе болгар. 14 марта 1893 г. болгарский социалистический клуб (Club des socialistes bulgares) организовал вечер воспоминаний по случаю десятилетия со дня смерти Маркса. Вечер имел интернациональный характер. В числе ораторов, по нашему приглашению, Г. В. Плеханов выступил с великолепным докладом о философии Маркса [1]).

Всего лишь неделей позже, 21 марта 1893 г., Плеханов выступил от имени русских социал-демократов на свежей могиле Слави Балабанова...

В 1892 г. в Болгарии начал выходить журнал «Социальдемократ» при ближайшем сотрудничестве упомянутой группы плехановских учеников. Нечего и говорить, что этот журнал носил на себе печать личного влияния самого Плеханова: то же заглавие, та же, с небольшим изменением, виньетка, те же формат и объем; были выпущены четыре книжки. Между прочим в «Социальдемократе» появилась статья Плеханова по поводу шестидесятилетия смерти Гегеля, в переводе с рукописи.

Во время Цюрихского конгресса в 1893 г. мы условились с Плехановым пойти на большой ледник Mer de glace, у подошвы Монблана. Я поселился недалеко от Шамони, в затерянном савойском шалэ на берегу Арвы, куда ко мне приехали с женой Плеханов и т. Ноков, чтобы вместе взобраться на Ледяное море. В этом деревянном крестьянском домике Плеханов написал по-французски на следующее по приезде утро свое письмо в «L'Ere nouvelle», включенное теперь в IV том его сочинений под названием «Военный вопрос на конгрессе в Цюрихе».

---

[1]) См. нашу корреспонденцию — отчет об этом вечере — в газету «Работник», II г., №№ 22 и 23 (Търново, 27 марта и 3 апреля 1893 г.). Там дано резюме плехановского доклада

Связи болгарских социалистов с Г. В. Плехановым не прекратились после того, как эта группа товарищей расселялась; напротив, связи эти расширялись и углублялись: Г. В. Плеханов стал первым общепризнанным и любимым учителем болгарского марксизма. Мы найдем его влияние везде в болгарском социалистическом движении. Все основные идеи болгарского движения — программные, тактические, организационные — восходят к Плеханову. Никакой иностранец не имел такого глубокого и сильного влияния в истории болгарских народных движений, как Г. В. Плеханов. Необходимо было бы выявить во всех подробностях его идеи в истории болгарского социализма.

Для первомайского номера газеты «Другарь» («Товарищ»), органа болгарской рабочей социал-демократической партии, Плеханов передал через т. Стояна Нокова специальную статью-письмо. Мы приводим здесь этот «Привет болгарским рабочим» (под таким названием было помещено не имеющее в подлиннике заглавия плехановское письмо).

ПРИВЕТ БОЛГАРСКИМ РАБОЧИМ [1]

Привет вам, дорогие болгарские товарищи! Привет от человека, который с самого начала вашего движения следил за ним с величайшим интересом и глубочайшей симпатией; привет в день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется нами солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Первое мая — великий день, это — настоящий праздник рабочих. Правда, требования, которые предъявляют в этот день работники своим эксплоататорам, еще не осуществлены: восьмичасовой день не сделался еще нигде законным рабочим днем. Но теперь уже нет, теперь уже не может быть сомненья в том, что требование рабочих будет удовлетворено. Буржуазия уже начинает сдаваться; она, четыре с половиною года тому назад встретившая решение Парижского международного социалистического конгресса как самую нелепую, как самую несбыточную утопию, видит себя теперь вынужденной понять, что восьмичасовой день не представляет собою ровно ничего невозможного. И она уже старается, как говорят французы, faire bonne mine à mauvais jeu. Она делает вид, что сама в этом случае идет нам навстречу. Она сама высказывается за восьмичасовой день. Только... только и здесь она надеется еще обмануть историю. Буржуазия одной страны льстит себя надеждою, что горькая чаша будет выпита не ею, а иностранной буржуазией. Так, некоторые французские буржуа уверяют теперь рабочих, что восьмичасовой день хорош для Англии, но не соответствует условиям производства во Франции. Наверное, недалеко то время, когда немецкие буржуа станут толкать вперед французских, австрийские — немецких и т. д., и т. д. Пусть себе перекоряются эти господа! Мы смеемся над ними теперь совершенно так же, как смеялись, когда они уверяли нас, что требование наше совершенно неосуществимо. Мы знаем, что оно осуществится повсюду; мы знаем также, что этой победой далеко не закончится еще поход пролетариата против капитализма: взяв эту крепость, мы немедленно обложим другую, взяв другую, нападем на третью, и не успокоимся до тех пор, пока в наших руках не окажется вся неприятельская территория.

Буржуазия до сих пор еще не поняла характера современного социализма. Она все еще воображает, что имеет дело с утопистами, которые, занимаясь подробной разработкой планов будущего общественного устройства, оставались в действительной общественной жизни людьми совершенно безвредными для буржуазного режима. Они прежде всего старались обратить на путь истины самое буржуазию, которая смеялась

[1]) «Другарь». София, I г., №№ 33—34, 15 апреля 1894 г., подлинник передан в Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

над ними, лишь по временам, лишь в добрую минуту соглашаясь признать, что они не совсем дураки и что есть у них некоторые мысли, которые, может быть, в неизвестной стране и в неизвестное время и найдут себе практическое приложение. Мы поступаем совсем иначе. Мы опираемся не на добросердечие эксплоататоров, а на сознание эксплоатируемых. Мы развиваем это сознание, и каждый новый шаг в его развитии знаменуется для нас новой практической победой. Время утопий безвозвратно прошло; настало время борьбы, которая окончится лишь торжеством нового общественного порядка.

Когда буржуазия восстает против сокращения рабочего дня, она рассматривает вопрос исключительно с точки зрения уровня прибавочной стоимости. В действительности самое скромное требование рабочих в этом смысле затрогивает вопрос о самом существовании прибавочной стоимости, о самом существовании капитализма. Раз начав ставить преграды господству слепых экономических сил, производители не остановятся до тех пор, пока не станут полными господами этих сил, а следовательно, и своих продуктов, которые теперь подчиняют их своему господству. Каждое самое незначительное ограничение рабочего дня есть, во всяком случае, победа политической экономии труда над политической экономией капитала.

Вся сила капиталистического строя заключалась в неразвитости классового сознания пролетариата. Едва это сознание стало пробуждаться, капитализм вошел в неустойчивое равновесие, из которого есть только один выход: полное падение существующего буржуазного порядка.

Вот почему, как ни велико в наших глазах то непосредственное значение, которое будет иметь для рабочего класса восьмичасовой рабочий день, еще большую важность приписываем мы тому классовому сознанию рабочих всего цивилизованного мира, которое так блистательно проявляется в день Первого мая. Первое мая — великий день; это настоящий праздник для рабочих; это — торжество совершеннолетия пролетариата.

Людям XIX века, а особенно нам, живущим во второй его половине, выпала счастливая доля видеть самое важное, самое многознаменательное явление, какое только знает история. Все прежде совершавшиеся революционные движения совершались, как говорит Маркс, меньшинством и в интересах меньшинства. В XIX веке дело приняло другой оборот. Революционное движение этого века совершается большинством в интересах большинства. И это революционное большинство жадно усваивает величайшие открытия современной общественной науки. В первый раз с тех пор, как наш мир существует, искра сознания запала в трудящуюся массу; но раз запав туда, она быстро разгорелась огромным пламенем, и вчерашние рабы завтра станут господами; нынешние предметы эксплоатации завтра положат конец всякой эксплоатации человека человеком.

Весело жить в такое время! Весело видеть, как с каждым днем увеличивается наша великая армия свободы, как почти с каждым годом социализм проникает все в новые и новые страны! Социализм — недавний гость на Балканском полуострове, а между тем посмотрите, как он уже окреп в Румынии, как он окреп в Болгарии, где он делает поистине великое просветительное дело, где его литература является едва ли не самой богатой литературой страны.

Привет вам, болгарские товарищи, привет в великий день Первого мая, когда с особенною силою чувствуется наша солидарность, связывающая нас, социалистов всего мира!

Г. Плеханов.

В следующем году Г. В. Плеханов послал нам статейку для первомайского номера редактируемой нами газеты «Работнически другарь» («Товарищ рабочего»), выходившей в г. Сливене. Как приведенное выше письмо к болгарским рабочим, так и эта статейка и последовавшая за ней полемика с газетой «Молодая Волга-

рия» до сих пор печатались только на болгарском языке. Теперь, когда заботливо собираются все труды Г. В. Плеханова, пора опубликовать их на русском языке, как материал для изучения. К сожалению, рукописи двух помещенных в «Работническом другаре» статей Г. В. Плеханова хотя и сохранились, однако не находятся пока в моих руках и при теперешних обстоятельствах не могут быть получены. Вот почему я принужден переводить их с болгарского перевода.

«Заметка», как Плеханов в письме ко мне называет свою статейку, была помещена в № 27 «Работнического другаря» 26 апреля (ст. ст.) 1895 г. Вот она, в переводе с болгарского:

«ЗАМЕТКА»

Дорогие товарищи!

Снова пришел день 19 апреля (1 мая), —день международной рабочей манифестации, настоящий праздник международного братства.

Вы знаете обязанности, налагаемые на вас международной солидарностью. Не позволяйте другим злоупотреблять великими словами, не давайте обманывать болгарских рабочих.

В Болгарии все чаще и чаще начинают говорить теперь о примирении с Россией.

Я родился в России и горячо люблю эту страну, хотя русские жандармы и их единомышленники называют меня изменником. Мои силы посвящены русскому народу.

Но именно потому, что я люблю Россию и русский народ, я вижу яснее, чем равнодушные к благу нашей страны, насколько интересы *русского правительства* противоположны интересам *русского народа*.

В международных сношениях представителем России является русское *правительство*. Вот почему сближение с Россией для всех других стран означает сближение с русским правительством, с русским царизмом — злейшим врагом русского народа.

Французская буржуазия сблизилась с Россией; но этим она только показала, насколько низко пала она в настоящее время; она показала, что уже созрела для гибели, которую ей готовит французский пролетариат.

Болгарская социал-демократия, полная свежих сил, юношеской энергии и искреннего энтузиазма к свободе, не пойдет по стопам развращенной французской буржуазии.

Она всеми силами будет сопротивляться сближению Болгарии с Россией по той простой причине, что *каждый новый союзник русского правительства есть в то же время новая опора царизма*.

Она выполнит свой международный долг, *сочувствуя русскому революционному движению и поддерживая его всеми зависящими от нее средствами*.

До тех пор, пока русский царизм не перешел в область преданий, социал-демократы всех стран должны стараться *изолировать Россию*. Другой политики по отношению к ней у них нет и не может быть.

Некоторые болгарские «демократы» осуждают теперь эту политику болгарской социал-демократии. Покажите им, товарищи, что *они или не искренни или совсем близоруки*.

Да здравствует русское революционное движение! Да здравствует социал-демократическая Болгария!

Г. Плеханов[1].

---

[1]) Характерным для тогдашнего отношения болгарских марксистов к Г. В. Плеханову является примечание редакции «Работнического другаря», которое мы здесь приводим: «Это письмо *многоуважаемого и любимого нашего товарища и учи-*

В приведенном письме Плеханов с присущим ему полемическим задором бросает перчатку тогдашним болгарским «руссофилам», т. е. приверженцам царизма. Один из них, не по разуму усердный, — Дмитрий Ризов [1]) — принял вызов Г. В. Плеханова. Сожалел ли он потом — не знаю. Думаю, что — да. Когда была напечатана вызванная плехановской «заметкой» статья Ризова об отношении социал-демократии к русскому царизму, мы послали ее Г. В. Плеханову с просьбой ответить автору. Вот этот

«ПРИЯТНЫЙ» ОТВЕТ «МОЛОДОЙ БОЛГАРИИ».

В № 12 «Молодой Болгарии» мне было поставлено несколько вопросов по поводу моего письма, напечатанного в № 37 «Работнического другаря». Лишь теперь я имею возможность ответить на эти вопросы. Недостаток времени принудил меня отложить свой ответ, хотя я часто вспоминал заключительное слово заметки, посвященной мне в «Молодой Болгарии»— чакаме (мы ждем).

Автор заметки говорит, что ему приятна полемика со мной, потому что я будто бы, в отличие от болгарских социалистов, уважаю мнение своих противн не стараюсь представить их намерения в некрасивом свете. Хорошо еще и то, что я, в борьбе со своими противниками, не прятался за псевдонимами и начальными буквами. По всему видно, что автор заметки очень не любит псевдонимов и начальных букв. Он настолько их ненавидит, что предпочитает напечатать свою заметку анонимно. Я не скажу, чтобы вследствие этого обстоятельства полемика с ним мне стала особенно приятной. Но это не имеет большого значения. Перехожу прямо к вопросам, которые задает мне не любящий псевдонимов и начальных букв неизвестный автор.

«1. Имеет ли интеллигенция нравственное право силой навязывать народным массам свои чувства и убеждения, какими бы спасительными они ни были? И если она имеет это право, то какая тогда разница между русским царизмом, стамбуловским «внутренним убеждением», стоиловским «моральным влиянием» [2]), турецким деспотизмом и социализмом?»

Можно подумать, что в своем письме я советовал болгарской интеллигенции насильно навязывать свои чувства и убеждения болгарскому народу. Ничего подобного я не говорил, как может убедиться всякий, кто потрудится прочитать мое письмо. Неизвестный автор, который не любит псевдонимов и начальных букв, решился, как видно, применить насилие над своими чувствами и, отступая от прекрасного своего правила, выступить против меня с инсинуацией. Это большая самоотверженность с его стороны; для честного человека нет большей жертвы, чем жертвы своими правилами и убеждениями.

теля Георгия Валентиновича Плеханова послано нам специально для нашего красного майского номера. Но так как оно получилось поздно, мы его помещаем теперь».

[1]) Полемика Д. Ризова была помещена в его газете «Молодая Болгария» без подписи, но все болгарские читатели знали, что автор — Ризов. Дмитрий Ризов в сущности не был руссофилом, как можно заключить из его четвертого вопроса к Г. В. Плеханову. Скорее он был руссофобом, хотя политическая позиция его была очень шаткой. Во всяком случае, свою политическую карьеру он начал с выступления против царско-русской политики в Болгарии — с участия в присоединении Восточной Румелии (Южной Болгарии) к Северной Болгарии (6/19 сентября 1885 г.) и кончил эту карьеру берлинским послом Болгарии во время войны.

[2]) Во время своей диктатуры в Болгарии Стамбулов заявлял, что он правит страной, сообразуясь только со своим «внутренним убеждением». После падения Стамбулова (18/31 мая 1894 г.) министром-президентом Болгарии стал основатель консервативной буржуазной «народной» партии Стоилов, назвавший «моральным влиянием» террор, при помощи которого он производил выборы. — *Г. Б.*

Ни я, ни болгарские социал-демократы не имеем ничего общего с анархистами, которые, действительно, не отказываются силой навязывать свои взгляды (динамитом и т. п.) кому бы то ни было. Если бы наш неизвестный автор понял смысл задачи, которую мы себе ставим, он бы не упрекнул нас в стремлении к насилию над «народом». Правда, с нашей точки зрения рабочему классу, который понимает свои экономические и политические интересы, принадлежит право расправиться, как он хочет, т. е., между прочим, и насильно, с своими врагами. Но о насилии над народом в этом случае не может быть и речи.

Самое противопоставление интеллигенции народу показывает, насколько автор не понимает современного социализма и насколько он находится под влиянием нелепых представлений, свойственных части русской «интеллигенции».

«2. Если допустим, что интеллигенция имеет упомянутое нравственное право, то какие исторические факты устанавливают, что насильно навязанные массам чувства и убеждения могут пустить глубокие корни?»

Если, как это очевидно, первый вопрос не имеет никакого смысла, то нет смысла и во втором вопросе, который только прикрывает инсинуацию своей готовностью пуститься в исторические споры.

«3. Может ли маленькое государство, находящееся в вассальных отношениях к крупным государствам, находиться в неприятельских отношениях с некоторыми из них, не попадая в политические и социальные кризисы, которые составляют путь их развития?»

Противопоставление «интеллигенции» «народу» позволяет мне думать, что анонимный автор заметки знаком с русской литературой. Если мое предположение правильно, то он, должно быть, читал знаменитую у нас и поистине замечательную комедию Грибоедова «Горе от ума». Он помнит представленный там тип мелкого чиновника — Молчалина, у которого два таланта — «умеренность и аккуратность» и который старается угождать «без изъятья» всем, стоящим выше его. Политика Молчалина, как видно, та же политика, которую неизвестный, не любящий псевдонимов автор желал бы навязать — не знаю, насильно или как-нибудь иначе — Болгарии. Эта политика очень не сложна. С начала мира ее придерживались все рабы по «чувству и убеждению». Но напрасно автор думает, что если Болгария придерживается ее, то она избежит «политического и социального кризиса». Совершенно напротив, — Россия не помирится с Болгарией иначе, как при условии, чтобы последняя вполне ей покорилась. А покорность Болгарии означает полновластие русских чиновников в этой стране. А полновластие русских чиновников означает полный кризис в глазах каждого, кто не считает, что нормальное развитие страны, это — ее подчинение кнуту и палке. Неизвестный автор забыл, как видно, болгарский кризис 1881 года. Если же он его не забыл, то он должен знать, какое участие приняло в нем русское правительство и его чиновники.

Автор оставляет «в стороне» исторический вопрос: «что бы представляла теперешняя Болгария, если бы не было русского царизма», и не является ли болгарская социал-демократия порождением именно русского царизма? Напрасно он оставляет этот вопрос в стороне. Это очень существенный вопрос. Что русская политика привела к свержению турецкого ига, тяготевшего над Болгарией, в этом нет никакого сомнения, это — исторический факт. Но для чего русская дипломатия стремилась свергнуть турецкое иго, тяготевшее над Болгарией? Чтобы заменить его русским игом. Болгаре должны были понять это и принять свои меры против намерений русской дипломатии, а не заменять ненависть к турецкому игу подстановкой своей шеи под иго русского царя. Русское иго прочнее турецкого. Дед ван умеет крепко держать свои жертвы. Если неизвестный автор не знает этого, пусть он обратится к полякам: они ему расскажут много поучительного о политике деда Ивана.

«4. Если когда-нибудь «русский царизм» прижмет Болгарию несколькими тысячами сыновей «русского народа», то сколько человек «социал-демократов всех стран«

явится в Болгарию, чтобы оберечь «свободу» болгарского «пролетариата» и неприкосновенность «болгарской социал-демократии?»

Этот вопрос вполне достоин Молчалина, каким показал себя еще в третьем вопросе сотрудник «Молодой Болгарии». Молчалин, разумеется, всегда согласился бы, что помощь русского полицейского вернее помощи международной социалистической партии. Но Молчалин был и останется наивным невеждой. В сущности социал-демократия и теперь имеет огромное влияние как на внутренние отношения западноевропейских стран, так и на их взаимные, т. е. международные, отношения. Эта вполне заслуженная ненависть, которую социалисты всех стран питают к русскому правительству, и теперь еще очень значительно охлаждает воинственные порывы и завоевательные планы последнего. И с каждым днем политическое значение социал-демократии увеличивается, а потому и ослабляется влияние русского царизма. Но, может быть, автор заметки предпочитает влияние русского полицейского участка влиянию социал-демократов? Тогда, понятно, он должен мириться с Россией.

Заметка нашего автора дает нам повод думать, что болгарские социалисты считали его не чуждым влиянию русского рубля. Если это действительно так, то мои болгарские товарищи не правы. Зачем русское правительство, вечно нуждающееся в деньгах, станет покупать людей, которые сами лезут в капкан или увлекаются бесстыдными фразами об освобождении Болгарии царем, будто бы не имевшим в виду ничего другого, кроме славянской свободы? Таких людей не покупают, их берут даром.

В своем письме я говорю: «Французская буржуазия сблизилась с Россией; но этим она только показала, насколько низко она пала в настоящее время, показала, что уже созрела для гибели, которую ей готовит французский пролетариат». Неизвестный автор заметки, приводя мои слова, искажает их несколькими строчками ниже. Он приписывает мне фразу: «Как низко пала в настоящее время французская республика». По-моему, французская республика не пала и не упадет до тех пор, пока в ней есть пролетариат, который своим движением уже оказал столь великие неоценимые услуги всему человечеству. Но французская буржуазия воистину пала, что доказывает ее союз с царем. К чему мой противник искажает мои слова? У нас в России, да и во всем цивилизованном мире, такие поступки называют недобросовестными.

Я кончил. Не знаю только, будут ли «приятны» неизвестному автору заметки мои ответы.

Г. Плеханов.

Полемическую статью «Приятный ответ Молодой Болгарии», на которую «неизвестный автор», т. е. редактор «Молодой Болгарии» Дмитрий Ризов, не ответил, Г. В. Плеханов послал нам с письмом; письмо это ныне находится в Институте Маркса и Энгельса. Оно — без указания времени и места, однако по конверту видно, что оно было послано из Женевы, а штемпель станции г. Сливена, где оно было получено, свидетельствует, что письмо дошло до места назначения 20 апреля (ст. ст.) 1895 года.

Вот это письмо:

Милый человек!

Посылаю Вам заметку для «Другаря». Простите, что не послал ее раньше. Я был: 1) страшно занят; 2) болен, что мешало мне работать. Надеюсь, что «Млада Болгария» удовлетворится моим ответом. Во всяком случае, следите за нею и пришлите мне ее ответ тотчас по его выходе. Я теперь буду отвечать им скорее.

Что Вы поделываете? Следите ли Вы за полемикой, которую ведут марксисты в России с Михайловским и компанией? Пишите. Моя жена шлет Вам горячий привет.

Преданный Вам

Г. Плеханов.

Г. В. Плеханов спрашивал: слежу ли я за полемикой русских марксистов с народниками? Конечно! Болгарские социалисты, знавшие русский язык, внимательно следили за ней. В ее процессе вырабатывалось идейное оружие марксизма в экономически отсталых странах. Эта полемика различными путями проникала в Болгарию, и на ней воспитывалось целое поколение убежденных болгарских марксистов.

На первом плане в этой полемике выступало блестящее сочинение Г. В. Плеханова, вышедшее легально в России под псевдонимом Н. Бельтова, под заглавием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Влияние этой книги в Болгарии было громадным. Только что получив книгу, мы поспешили выпустить ее болгарский перевод, под другим названием.

Книге, — пишет со слов издателя т. Д. Б. Рязанов в предисловии к седьмому тому сочинений Плеханова, — дано было «умышленно неуклюжее имя», чтобы легче протащить через цензуру, — «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», — имя, которое одинаково могло относиться к идеалистическому или материалистическому пониманию истории. «Проще было сказать, — пишет по этому поводу Плеханов в предисловии к изданию, которое должно было выйти во время войны, — в защиту материалистического взгляда на историю или в защиту марксизма».

Такое же название дали бы мы болгарскому переводу «книги Бельтова», если бы для нас была существенна полемика («в защиту»), а не само изложение. Вот почему мы назвали книгу в болгарском переводе «Философско-исторические взгляды Карла Маркса», против чего автор не возражал.

Я обращался к Г. В. Плеханову с просьбой написать предисловие к болгарскому изданию и позволить выпустить перевод под другим названием, а также, — если это можно сделать, никому не повредив, — объявить автором Плеханова вместо Бельтова. Вот ответ Плеханова (из Женевы, печать сливенского почтамта 16 октября ст. ст. 1895 г.):

Дорогой Бакалов!

Заглавие переменить Вы, конечно, можете: это часто делается в переводной литературе. Но предисловия написать автор не может: это его сильно скомпрометировало бы в глазах русских властей. Изменять имя тоже невозможно: об этом нечего и думать. Если от себя сделаете предисловие, то не называйте автора социал-демократом и вообще не третируйте его как человека, занимающегося политикой: все это его скомпрометирует и, — что всего хуже, — далеко не одного его. Говорите о нем только как о теоретике: это единственный тон, в котором можно говорить о нем. Противникам своим он не отвечал по обстоятельствам, от него не зависящим. Мне очень приятно видеть из Ваших писем, что Вы все так же неутомимо работаете на пользу болгарской социал-демократии. Итак, еще раз: осторожность и благоразумие.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Г. Плеханов.

Возражения Плеханова — «Несколько слов нашим противникам», помещенные в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПБ, 1895 г.), не вошли в болгарское издание, так как этот сборник был арестован и

сожжен, и в Болгарию не попало ни одного экземпляра из той сотни, что удалось спасти.

Откуда мы знали, что Н. Бельтов — это Г. В. Плеханов? Блестящее талантливое изложение и такая же полемика выдавали Плеханова во всех многочисленных его работах, которые он подписывал все новыми и новыми псевдонимами. Никто другой не мог написать «Монистического взгляда»! Безошибочно мы, болгарские ученики Плеханова, узнавали все его псевдонимы. И те его труды, которые не имели специфически русского характера, мы подносили в переводе болгарским читателям в журналах, сборниках или в отдельных книжках. Таким образом Г. В. Плеханов оставался непрерывно в продолжение двух десятилетий добрым учителем болгар. Для нас он был своим: мы поддерживали с ним непосредственные связи, держали его в курсе болгарских партийных дел, посылали ему болгарскую марксистскую литературу.

Интересно, что свой взгляд на всемирную войну 1914 г. Г. В. Плеханов впервые и обстоятельно развил в виде письма к болгарскому «товарищу» [1]) и что даже по этому вопросу, по которому мы должны были разойтись и разошлись с нашим учителем, — его авторитет был настолько большим, что эта его статья-письмо помещена была в журнале партии «Новое время», выходившем под редакцией Д. Н. Благоева.

Для молодых сторонников марксизма в Болгарии Г. В. Плеханов не мог быть тем, чем был он для ряда поколений, начиная с Благоева и кончая социал-демократией до войны. Некоторым из тех, кто пришел в революционное движение после войны, имя Плеханова известно только по наслышке, да и то более как имя противника, чем как имя учителя по теории марксизма. Однако и в Болгарии намечается поворот к Плеханову — революционному марксисту. То, что делает Плеханова бессмертным учителем, — его блестящие теоретические работы, — снова привлекает к себе болгарских революционеров. Коммунистическая молодежь в Болгарии начинает тоже учиться у Плеханова, как учились у него первые болгарские социал-демократы, старая гвардия марксистов. Его время не прошло. Как в прошедшем, так и в будущем гений Г. В. Плеханова будет окрылять его болгарских учеников.

---

[1]) Кстати об этом «товарище». Это — врач, Захарий Петров, кончивший медицинский факультет в Цюрихе в середине 90-х годов. Плеханов знал его по Цюриху, где З. Петров находился в близких отношениях с П. Б. Аксельродом. Приехав в Болгарию, З. Петров сразу отошел от социалистического движения, сделался военным врачом и не принимал никакого участия в политической жизни. Перед войной он вдруг начал сотрудничать в германофильской газете «Камбана» («Колокол»), содействуя Родославову и Фердинанду в их политике толкнуть Болгарию на сторону Германии. Предполагая, что Г. В. Плеханов как революционер выскажется против русского царизма и что его авторитет поможет Болгарии, отделившись от Антанты и России, примкнуть к Германии, доктор Захарий Петров обратился к Г. В. Плеханову с просьбой высказаться о войне. Плеханов высказался в письме к З. Петрову, считая его, по старой памяти, все еще социал-демократом. Ответ Плеханова, конечно, не понравился З. Петрову, и он, вместо того чтобы воспользоваться им в «Камбане», передал плехановское письмо «тесным социалистам», которые и напечатали его в журнале «Ново време». Взгляд Плеханова на войну так не понравился доктору Петрову, что Петров ругал Плеханова циничной бранью. Доктор Петров кончил жалко: его судили во время войны за взяточничество, и он покончил с собою.

Из всех великих русских писателей и общественников, имевших большое влияние на болгарское революционное движение, первое место по времени занимает Н. Г. Чернышевский, затем идет М. А. Бакунин. Их воздействие ограничилось, однако, только кучкой интеллигентов, хотя между этими людьми находился человек такого крупного масштаба, как Христо Ботев. Затем приходит Г. В. Плеханов. Его влияние гораздо глубже и прочнее. Оно простирается на ряд поколений. Еще у колыбели болгарского рабочего движения вырастает его могучая фигура, и все движение развивается под непосредственным его влиянием. С этим влиянием может сравниться только влияние В. И. Ленина, которое, по времени следуя за влиянием Г. Плеханова, сейчас уже перерастает его по широте охвата.

М. М. КОВАЛЕВСКИЙ О КНИГЕ БЕЛЬТОВА

(Сообщение Б. Н—ского)

В литературе не имеется никаких указаний относительно характера отношений, существовавших между Г. В. Плехановым и М. М. Ковалевским, — неизвестно даже, существовали ли вообще между ними какие-нибудь личные отношения. Тем больший интерес представляет печатаемое ниже письмо М. М. Ковалевского к Г. В. Плеханову, которое не только дает некоторые данные для суждения об этих отношениях, но и содержит отзыв о книге Бельтова, не лишенный интереса с точки зрения изучения тех откликов, которые книга эта в свое время встретила в русском обществе.

Письмо это воспроизводится с подлинника, сохранившегося в той части архива старого, середины 90-х гг., «Союза русских с.-д. за границей», которая ныне находится в русском с.-д. архиве в Берлине. Beaulieu, откуда это письмо написано, — маленькое дачное местечко под Ниццей, где у М. М. Ковалевского была своя дача.

23 Fév. 95
Beaulieu, villa Batava.

Многоуважаемый товарищ!

Благодарю Вас за присылку мне Вашей интересной монографии о Чернышевском. Я пока прочел несколько глав из второй части, которые убедили меня в Вашем ученом беспристрастии и способности отрешиться от национальных предрассудков, даже весьма почтенных. Пришла также книжка Бельтова почти одновременно с книгой Струве, доставленной мне одним петербургским профессором. Боюсь, чтобы теоретические споры, поднятые по общей вине их авторов и Н. К. Михайловского, не внесли рознь в малочисленный лагерь русских радикалов и социалистов [1]) что, разумеется, было бы вполне на руку всем его врагам.

В обмен на Вашу книгу посылаю Вам свой том о происхождении современной демократии и прошу верить истинному уважению

Максима Ковалевского.

PS. Засвидетельствуйте мое почтение г-же Засулич.

---

[1]) Неясно, надо ли читать «радикалов и социалистов» или «радикалов-социалистов»: в подлиннике имеются и тире и союз, но что зачеркнуто, разобрать нельзя.— Б. Н.

ПИСЬМА М. А. БАКУНИНА к КОССИЛОВСКОМУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже 17 писем М. А. Бакунина к Коссиловскому представляют значительный интерес для биографии знаменитого русского революционера. За исключением последнего письма, написанного после разгрома польского восстания, все остальные относятся к периоду неудержимого назревания и подготовки этого трагического события в истории Польши. Но письма эти говорят не столько о самом польском восстании, сколько об отношении к нему тогдашних передовых русских людей и, в первую голову, самого автора этих писем.

Капитан Коссиловский, которому они адресованы, был польским эмигрантом; в тот момент он состоял секретарем польской военной школы, устроенной в одном из парижских кварталов (в Батиньоле). Познакомился с ним Бакунин, вероятно, во время своей поездки в Париж из Лондона летом 1862 г. Как видно из содержания писем, Коссиловской примыкал к «белому», консервативному и клерикальному крылу польской эмиграции, руководимому гр. А. Замойским, Чарторыйским и т. п. Но под влиянием событий в нем, как и во многих рядовых представителях эмиграции, повидимому, совершался некоторый перелом.

В высшей степени интересно, что именно русский, Бакунин, должен был просвещать польского эмигранта насчет значения и роли польского Центрального комитета, впоследствии превратившегося в Ржонд Народовый (национальное правительство). В этом отношении особенно замечательно 8-е письмо, в котором Бакунин объясняет, почему он и его друзья подали руку этому комитету безвестных героев и заключили с ним союз. Неоднократно Бакунин подчеркивает, что он и его товарищи смотрят на Центральный комитет не как на представителя какой-либо партии, а как на представителя всей польской нации в целом.

Симпатии Бакунина к борьбе поляков за свою национальную самостоятельность общеизвестны. Печатаемые письма дают им новое подтверждение и характерные иллюстрации. Даже ошибки самих польских деятелей, более того, их несправедливое отношение к русским революционерам и в частности к самому Бакунину (которого объявили шпионом впервые именно польские эмигрантские круги) не в состоянии поколебать его сочувствия героической борьбе польского народа. И основывалась эта симпатия не только на общих идеалистических мотивах, но и на твердом убеждении в солидарности польских и русских революционеров, на уверенности, что польское восстание даст сигнал к революции в России.

Надежды на близкое военно-крестьянское восстание в России пробиваются и в письмах к Коссиловскому. «Прямую цель» действий своих и своих друзей он определяет как стремление вызвать восстание в русских войсках, которые вместо угнетения завоеванных царизмом национальностей должны двинуться на Москву одновременно с польским восстанием (письмо 7-е). И Бакунин высказывает надежду, что лето 1863 г. не пройдет без громадной катастрофы (письмо 11-е).

Письма к Коссиловскому кстати вносят поправку в установившееся мнение, что Бакунин витал в области фантазий и не видел темных сторон польского восстания, в успехе которого он был якобы твердо уверен. В письме 11-м он сообщает, что русские, Бакунин в том числе, совместно с поляками решили оттянуть восстание елико возможно. И если оно вспыхнуло преждевременно, то виновата в этом провокация царского правительства (рекрутский набор).

Он и его друзья, сообщается в письме 3-м, «с тревогою в сердце» смотрят на Польшу. Что-то будет? Что-то будет? Они опасаются неудачного восстания. Но Бакунин был человеком революционного долга: «Если восстанию, удачному или неудачному, суждено быть, я буду с Вами»,—пишет он Коссиловскому. И, как мы знаем, он сдержал свое слово.

Для Бакунина, как, впрочем, и для Герцена с Огаревым, вопрос об отношении к польскому восстанию был вопросом не только политики, но и морали,—вопросом чести. При выборе между палачом и жертвой их решение было ясно. В письме 14-м Бакунин прямо говорит, что на успех восстания надеется мало. Но он хочет, чтобы в случае неудачи как можно больше русских пало в борьбе за освобождение Польши, и чтобы братство польских и русских революционеров скреплено было пролитою кровью. А так как у него слово не расходилось с делом, то скоро и он понес свою голову на алтарь общей борьбы, и не его вина, если ему не удалось добраться до театра военных действий.

Как известно, к полякам Бакунина толкали и его славянские симпатии. «Польша нужна славянам,—говорит он в письме 14-м,—нужна человечеству». И он (в письме 11-м) мечтает о скорейшем наступлении русской революции, которая, освободив захваченную Россией часть Польши, даст возможность полякам, опираясь на русское революционное движение, повернуть фронт против немцев, этого главного, по убеждению Бакунина, врага славянского мира (как известно, польские повстанцы 1863 г. объявили войну только русскому царизму, а не прусскому и австрийскому правительствам).

Первоначально Бакунин завязал переписку с Коссиловским по совершенно специальному поводу, а именно по вопросу о доставке зарубежной литературы в Россию. Собственных налаженных контрабандных путей тогдашняя русская эмиграция не имела. Приходилось переправлять литературу случайно, в небольшом количестве и с большим риском для тех путешественников, которые решались брать ее с собой (достаточно вспомнить провал Ветошникова, погубивший Н. Серно-Соловьевича и Н. Чернышевского). Понятно, что содействие поляков, имевших в этом отношении широкие возможности, было чрезвычайно важно для русских эмигрантов. И письма Бакунина к Коссиловскому переполнены просьбами относительно пересылки писем и нелегальной литературы в Турцию (откуда отчасти ее мог отправлять дальше В. Кельсиев, поселившийся на Балканах) и в Россию (например, письма 1, 2, 3, 5, 6, 7). К услугам того же Коссиловского Бакунин прибегал и для распространения некоторых изданий, например, своей брошюры против ген. Мерославского, среди польской эмиграции. А затем рамки переписки естественно расширились, она начала касаться более общих политических вопросов, и именно это обстоятельство и придало ей значительный интерес.

Оригиналы писем хранятся в Польском национальном Раперсвильском музее.

Ю. Стеклов.

1

Le 20 Octobre 1862. Londres.
1C. Paddington Green. W.

Ага! наконец-то пронял жестокого. Любезный друг, Вы не поверите, с какою радостью я прочел Ваше письмо. Кельсиев [1]) мне ничего не писал, Вы молчали, Шумлянский [2]) Ваш презрел меня. Не вправе ли я был удивляться и, так как я искренно полюбил Вас, огорчиться? Но Ваше письмо вполне успокоило и утешило меня, а вместе и засуетило.

Откуда Вы взяли, ради бога, чтоб я не любил поляков за то, что они католики и поляки? Где высказал я такую ересь? Вся жизнь моя, мое неизменное, постоянное и, право, ничем, даже обвинением в шпионстве [3]), непоколебимое стремление к полякам не есть ли доказательство противного? До Вашего католицизма мне нет дела. В моих глазах он не лучше, но зато уж и нисколько не хуже православия и протестантизма. Вот ультрамонтанизм, иезуитизм, т. е. не религиозный, а политический католицизм, в основе своей систематически отрицающий всякую свободу,—другое дело: я не люблю его, как не люблю всякого деспотизма. Что ж касается до польской национальности, то я люблю поляков именно за то, что они — поляки, и ненавижу поляков обрусевших или онемечившихся. Итак, берите свое обвинение назад или признайтесь, что Вы бросили его на меня в виде мщения за мои обвинения.

Vous me demandez, cher ami, ce que je pense et ce que nous pensons de la lettre du «Comité Central Polonais» à la rédaction du «Kolokol» [4]). Mais nous le regardons comme un grand acte historique, comme un acte à la fois de justice et de haute politique, comme un pas immense fait dans la voie de la réconciliation si nécessaire de nos deux nations, et nous esperons fermement, que cette lettre précieuse va inaugurer une nouvelle ère de délivrance et d'harmonie mutuelle pour vous, comme pour nous. Vous avez lu notre réponse, ainsi que notre lettre aux officiers russes dans le № 147 du «Kolokol» [5]) et j'espère, qu'elles vous ont satisfait. Dans deux jours il y aura dans le même journal un document également remarquable: l'adresse des officiers et des soldats russes dans le royaume de Pologne au grand duc Constantin, qu'ils previennent de l'impossibilité pour eux de servir plus longtemps de bourreaux contre la noble nation polonaise. Cette adresse sera probablement suivie dans un mois par une autre adresse des mêmes officiers et soldats, non plus au Grand Duc, mais à la nation et

à toute l'armée russe, adresse, dans laquelle ils exposeront les raisons, qui les feront prendre le parti de la nation polonaise contre le gouvernement russe. Cependant, je vous prie de ne parler à personne de cette seconde adresse, car le bruit, qu'on en ferait, pourrait en paralyser l'effet et même en empêcher la publication. Vous voyez donc, cher ami, que nous prenons fort au sérieux et sans equivoques, comme sans arrière-pensée l'alliance polonaise, et je suis charmé que la lettre du Comité Central, qui pour nous en est le fondement et le point de départ, vous aye plu. J'en suis d'autant plus heureux, que j'entends dire, que le G-l Mieroslawski [6]) et le parti du «Przegląd» se proposent de soulever contre elle une opposition formidable.

21 Octobre.

Ошибся: «Przegląd» выразился насчет нашего союза очень гуманно. Поторговался немного, но да и похвалил. А главное, радует меня, что он не отрицает власти и права Народного Комитета, власти и права людей, стоящих на бреши и подвергающихся всякий день очевидной опасности со стороны врага подлого и беспощадного. Да, Коссиловский, наш союз действителен, и мы Вам это скоро докажем. И теперь, когда мы нашли, наконец, целую партию, которая нам поверила так же, как и мы ей поверили — широко и безусловно, — мы Вам докажем, что мы не торгаши, останавливающиеся на тесных, самолюбивых соображениях, и что мы не намерены урезывать кусков Польши, а отдадим Вам с радостью рукою широкою все, что собственным движением к Вам потянет. Теперь я и друзья мои не думаем более о границах, а только о возможно скорейшем и успешном низвержении общего врага общими силами. Времена становятся горячи, будем же и мы горячи, и да здравствует вольная и целая Польша!

Мой милый друг, Шумлянский — миф, он не существует. А мне необходимо теперь посылать Вам и нашему отцу Василию [Кельсиеву] письма, которые не должны подвергаться опасности быть затерянными. И потому молю Вас, научите меня, кому из Ваших друзей в Лондоне отдавать эти письма, и предупредите своего друга, чтоб от меня не бежал, письма принимал и отсылал их немедленно к Вам верными путями. О брошюре своей [7]), худо понятой Вами, напишу старому Пиотровскому [8]). Клячке [9]) пожмите руку: он вел себя превосходно, по рассказу Голынского. Я рад, что он не убил подлеца Таньского [10]): ведь для человека такого набожного это было бы нестерпимо.

Ваш М. Бакунин.

Жду скорого ответа, а то опять рассержусь.

Пиотровского обнимаю и напишу ему завтра.

2

29 октября 1862 [года]. Лондон
10. Paddington Green. W.

Друг Коссиловский!

Письмо это передаст Вам опять Сохновский [11]), которому захотелось посетить нас. Пожалуйста, похлопочите же, наконец, действительным образом о доставлении ему местечка при железной дороге. Не можете ли Вы

представить его Галензовскому [11-а]), которого я просил о том же через Голынского? [11-б])

Французских журналов я здесь совсем почти не имею, и потому, если Вы можете без больших издержек посылать мне статьи, касающиеся до России и до Польши, которые должно принять к сведению и на которые должно по Вашему мнению отвечать, то присылайте. Это тем более нужно, что русское правительство пустилось явно в рекламы, которыми хочет надуть и Россию, и Польшу, и все человечество.

Klaczko, не спи! Вот тут его дело, он должен писать во все французские журналы, чтоб разоблачить петербургскую подлость, которая наперед забрасывает общественное мнение фразами, чтоб под шумок их легче задушить Польшу.

Мой милый Коссиловский, с нетерпением жду названия того человека в Лондоне, которому Вы мне прикажете передавать письма, бумаги, журналы и брошюры для верной пересылки в Париж и в Константинополь.

А в ожидании крепко Вас обнимаю.

Ваш М. Бакунин.

3

10. ноября 1862 [года]. Лондон.
10 Paddington Green. W.

Добрый друг и брат Коссиловский!

Сперва обнимемся по-братски. Ну, а теперь станем браниться. Получили мы от нашего Василия Ивановича [Кельсиева] письмо из Константинополя от 17 октября. Он жалуется, что не получил еще от нас ни одного письма. А между тем месяц тому назад, приблизительно, Герцен послал к Вам письмо его жены, а потом неделю или две спустя еще письмо от себя, с просьбою переслать к нему в Константинополь. Когда я уезжал из Парижа, Вы дали мне письмо к капитану Шумлянскому с обещанием, что все пакеты и письма, которые я ему передам, будут верным способом доставлены к Вам в Париж, а Вами — в Константинополь. К. Шумлянский, как Вам известно из моих писем, оставшихся в этом отношении без объяснения и без ответа, — Шумлянский, несмотря на все мои старания, решился остаться для меня мифом, химерою, persona incognita. Убедившись в этом окончательно, я отослал Ваше рекомендательное письмо к нему Вам назад в надежде, что Вы не откажетесь дать мне другой, менее фиктивный, путь для переписки и для пересылок в Париж и в Константинополь. Я Вас просил об этом, но Вы упорно молчите.

Милостивый Государь, теперь я требую от Вас категорического ответа, можете Вы или нет открыть нам сии пути сообщения? Если можете, то давайте их. Если не можете, то скажите откровенно и ясно.

А теперь, kochany bracie, еще раз обнимемся. Я не забыл Вашего приветливого гостеприимства и не теряю веры в Вашу дружбу.

Надеюсь, что с этим же письмом буду в состоянии послать Вам маленькую книжку, весьма интересную, и еще более интересный листок. Прочитав их, узнаете их содержание, а узнав, скажете Ваше мнение. Пишу брошюру под названием «Россия и Польша» [12]); как только будет напечатана, пришлю.

Мы с тревогою в сердце смотрим на Польшу... Co to będzie? Co to będzie?

Боимся неудачного восстания. Но если восстанию, удачному или неудачному, суждено быть, я буду с Вами. Обнимите друга и брата Пиотровского. Что же Сиераковский [13]) не едет?

Прощайте. Еще раз Вас обнимаю, но жду ответа.

Ваш М. Бакунин.

4

15 ноября 1862 [года]. Лондон.

Любезный друг!

Благодарю Вас за Ваше доброе дружеское письмо и за истинно дружеское предложение, которым мы непременно воспользуемся. Теперь отвечу Вам коротко, послезавтра напишу более с Сохновским, который теперь здесь.

Странно и досадно, что я не получил Вашего большого письма. На какой адрес Вы его послали? Пишите вперед на следующий адрес, в двух конвертах. На внешнем конверте:

London. — Miss Venn.

I. Norfolk Road. Villa Bayswater. — W.

На внутреннем:

B. A. Baldonin Esqir.

Или, если невинно, прямо на мое имя, как Ваше последнее письмо, которое я получил аккуратно.

Странно, однако, что Василий Иванович [Кельсиев] не получил письма?! После [н]его Искандер [14]) и жена В. И. [Кельсиева] писали ему прямо на адрес Иордана. Ответа еще не было.

Я был бы очень рад встретиться с Замойским [15]), но итти к ним мне неприходится. Мы посреди польской эмиграции стоим в меньшинстве; к тому мы знаем, что мало поляков нас искренно терпит и принимает, и потому обязаны, не ради своего личного самолюбия, а ради чести нашего дела, быть чрезвычайно воздержанными и осторожными, дабы не навлечь на себя упрека в навязчивости. Мы продолжаем делать свое дело по чистому убеждению, не ожидая ни похвал, ни признания, и не смущаясь слишком незаслуженными попреками. Дай только бог, чтоб дело наше, наша святыня, увенчалась успехом. Тогда было бы хорошо равно вам, как и нам. А до тех пор будем работать.

Сейчас иду к Шульчевскому [16]), чтобы с ним познакомиться — авось, найду его дома.

Прощайте. Обнимаю Вас и старого Пиотровского с искренним братским чувством.

М. Бакунин.

5

Le 17 Novembre 1862. Londres.
10. Paddington Green. W.

Mon cher ami!

Слава богу, наконец письмо от Василия Ивановича, в котором он пишет, что он получил письмо от жены. Вчера был у Шульчевского. Если бы говорил с Вами, то сказал бы Вам, может быть, с глазу на глаз, какое он на меня произвел впечатление, а теперь скажу Вам только одно, что я полагаю, что было бы очень полезно, еслиб Вы ему написали именем графа Замойского, что граф согласен, желает и требует, чтоб он принимал посылки, которые нами будут посылаться на Ваше имя, а то он мне сказал, что может принимать только самые маленькие пакеты. Как же тут быть? А нам бы надо было послать в Константинополь — c'est tout-à-fait entre nous — большой пакет с адресом Военного Комитета в Царстве Польском на имя целой русской армии. Эта прокламация должна быть разбросана большими массами в Новороссии, т. е. в Одессе и в Крыму, а также и на Кавказе и на Дону. И мало ли что нам послать надо будет! Как решите?

Сохновского посылаю опять к Вам, он Вам расскажет свои новые планы. В чем можете, помогите ему. Однако это скверно, что Ваше письмо ко мне пропало. Как Вы его адресовали? Не помните ли?

Прощайте, любезный друг, обнимаю Вас, и дай нам бог обоим увидеть счастливою, свободною и великою Вашу бедную, истерзанную мученицу Польшу.

Ваш М. Бакунин.

Вам и старому другу Пиотровскому посылаю по брошюре.

6

21 ноября 1862 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

В понедельник пошлется к Вам, по данному Вами адресу через Шульчевского, пакет с пятью или шестью номер[ами] «Колокола», которые прошу Вас переслать в Константинополь. Большего пакета Шульчевский принять не хочет; может быть, Вы ему прикажете, так примет. Вы писали мне в последний раз, что, может быть, Вы найдете верный путь в Питер? Если так, о отец мой, на колени стану и буду на Вас молиться. Нам это до зарезу нужно — только действительно верный путь.

Скажите, правда ли, что Клячко поколотил Калинку [17]), который будто бы вследствие этого идет в монахи? Який этот Клячко стал воинственный! То генерала [18]), то иезуита — молодец, право! Обнимаю Вас братски и жду ответа.

Скоро пришлю Вам солдатские песенки, которые, равно как и другую маленькую брошюру о союзе Польши с русской революцией, должно бы массою послать в Константинополь, а оттуда через Одессу, а особливо Кавказ, к русскому войску. Да вот Шульчевский на дороге. Еслиб мы были уверены, что Иордан [19]) — аккуратный деловой человек и что он возьмется распространить их, мы послали бы ему. Как вы думаете?

Обнимаю старого Пиотровского. Ваш М. Бакунин.

7

23 ноября 1862 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Друг Коссиловский!

Вы меня возненавидите, так я начал надоедать Вам своими письмами. Пишу Вам теперь, чтобы известить Вас, что завтра ж через Шульчевского к Вам пошлется небольшой пакет с несколькими номерами «Колокола» и с письмом к Василию Ивановичу [Кельсиеву] для доставления в Константинополь, — пошлется, как вы приказали, князю Чарторижскому [20]) для передачи Вам.

В последнем письме я Вас просил сказать мне по-дружески, можно ли вполне положиться на деловой смысл Иордана в Константинополе, который предлагает нам через Василия Ивановича [Кельсиева] устроить у него в доме, под его личною ответственностью и под ведением его секретаря — позабыл фамилию — торговое складочное место книг и журналов — для пропаганды в Одессу и на Кавказ, так, чтоб деньги, вырученные продажею, посылать к нам в Лондон каждый месяц. Если Вы скажете, что на деловую способность и на аккуратность секретаря Иордана положиться можно, то мы схватимся за это предложение обеими руками. А это для нас, да, пожалуй, и для вас, чрезвычайно важно. Необходимо теперь как можно быстрее и как можно сильнее действовать на новороссийско-бессарабское, особенно ж на кавказское войско, дабы они восстали вместе с польским восстанием и вместо того, чтобы душить черкесов, бессарабов, грузинов и украинцев, шли бы освобождающим ополчением прямо на Москву. Вот прямая цель наших действий. Вы нам можете и должны помочь, не правда ли?

На-днях я вам пришлю великолепное воззвание Русского Военного Комитета войск, расположенных в Царстве Польском, ко всей русской армии. «Колокол» выйдет 1 декабря, Вы найдете в нем это воззвание и сильную статью Герцена о рекрутском наборе в Царстве Польском [21]). А, впрочем, мы живем здесь тихо, как подобает кротам землекопам. Авось, подкопаемся так, что в один прекрасный день все императорское здание, давящее равно и вас, и нас, рухнет.

Василий Иванович [Кельсиев] не может нахвалиться радушным, братским приемом Иордана. Поблагодарите его от всех нас. А старого друга Пиотровского поцелуйте за меня в блестящую лысину.

Ваш М. Бакунин.

8

19 декабря 1862 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

Теперь моя очередь просить у Вас прощенья: так долго не отвечал я на такое славное, дружеское письмо, как последнее Ваше. Ну, бог простит, не правда ли? Тем более, что и в моем случае, равно как и в прежних Ваших, сердце не виновато. Так приступлю ж к ответу.

Козиковского Вашего я искал, но не нашел, и если он еще в Лондоне, то напишите ему, любезный друг, пусть он придет ко мне, а я ему передам много вещей, интересных для Вас. Секретарь константинопольского Иордана зовется, кажется, Пионсецким.

Теперь приступлю к самой сущности Вашего последнего письма. Я сам бесконечно жалею, что не получил Вашего большого письма. Пусть те удавятся, кто его украл. Я с большим бы удовольствием и с искренним, глубоким почтением встретил бы маститого и заслуженного старца Замойского [22]), но — хочу говорить с вами совершенно откровенно — не думаю, чтоб из нашей встречи могла произойти такая существенная польза. Вы говорите, что за графом Андреем Замойским стоит теперь весь край, исключая г-на Война-бесславского [23]). Если это так, то теперь граф Замойский идет с Центр[альным] Народным Комитетом, потому что весь живой край стоит теперь за этим Комитетом. Мы это положительно знаем. И если граф теперь за него, тогда я сам бесконечно жалею, что проклятая потеря Вашего письма лишила меня возможности ему поклониться. Но если он не признает Варшавского Комитета, то, скажу Вам откровенно, я рад, что не встретился с ним. Я знаю всю жизнь этого доблестного старика и мое уважение к нему безгранично, но чем глубже оно, тем бы больнее мне было, встретившись с ним, разойтиться. Nous avons donné notre main à ce noble comité des héros obscurs, journaliers, mais dont le devouement sans borne, affrontant les plus terribles dangers, a su créer une formidable puissance polonaise au centre même de l'oppression moscovite-pétersbourgoise. Nous lui avons donné et nous lui garderons notre foi.

Вы жалеете, любезный друг, о том, что Комитет состоит из людей темных, никому неизвестных. А апостолы из кого состояли? И разве Вы позабыли евангельское изречение, что вино новое требует мехов новых? Что Вам до имени людей? Смотрите на их дела. И в то время, как другие спорили, толковали, византийствовали, одним словом, или, говоря по-русски, переливали из пустого в порожнее, а иногда делали еще хуже, служа своему родовому или личному эгоизму, когда должно было всем думать о спасении отечества, — в это самое время эти темные, неизвестные люди силою веры, силою безграничного самоотвержения, воскресали польскую силу и теперь создали такую могущественную организацию, что польское дело опять стало действительностью. Не будьте же вы гордыми язычниками и преклонитесь перед чудом, перед святым делом, совершенным во спасение вашего края этими людьми темными и неизвестными.

Вы укоряете их за то, что они наложили подать на край. А я хвалю их за это. Подать эта не падет насильственно на бедных. Бедные люди, как всегда, сами отдают последнее: и последнюю копейку, и последнюю каплю крови. А вот фарисеи и саддукеи ваши, les orgueilleux représentants de l'intelligence retrospective et du capital, эти не хотят ничем жертвовать, а только всем управлять, и если их посрамят да попугают немножко, тем лучше — им по делом: по заслугам и честь; шкура у совести и у патриотического сердца их толстая, так и средства нужно употребить против них крепкие.

Я рад, бесконечно рад, что Вы также благословляете наш союз с вами. Верьте, любезный друг, кроме добра для него ничего не может выйти ни для вас, ни для нас. Вы, без сомнения, прочли в «Колоколе» адрес нашего Военного Комитета к армии. На-днях я Вам пришлю один из оригиналов. А теперь посылаю Вам новые солдатские песни.

Ну, что скажу Вам еще? Что за слухи о троне, который будто бы конфекционируется в Париже для Константина? [24]) Что слышно о рекрутском наборе:

отложен или нет? [25]) А я послал в Париж статейку против Мерославского; своею последнею выходкою он, несмотря на все наше желание молчать, вырвал-таки нас из молчания [26]). Посмотрим, напечатают ли французские журналы? А если нет, то я напечатаю здесь.

Иордан писал Герцену, что он скоро будет в Лондоне: мы ждем его. Клячку обнимите; Пиотровского, седовласого или, скорее, лысого друга, поцелуйте, а сами будьте здоровы и мне отвечайте.

Ваш М. Бакунин *).

9

A M-r Hitier, 56 Boulevard des Batignolles, à M-r Kossilowsky.
26 декабря 1862 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

Что случилось с Таерцякевичем [27]) и Миловичем? [28]) За что их арестовали? [29]) Что у них открыли? Какое участие русского посольства в этом деле? Какие возможные результаты этого ареста? Где их держат, долго ли их держать будут и что их вообще ожидать может? Надеюсь, что Вы все узнаете в подробности и обо всем подробно напишете.

Ваш М. Б[акунин].

10

28 декабря 1862 [года]. London.
10. Paddington Green. W.

Да, Вы друг настоящий. После Вашего последнего письма я Вас вдвое люблю и вдвое Вас уважаю и вдвое Вам верю. Впрочем, простите, я не имел никакой причины сомневаться в том, что Вы — добрый поляк, для которого святыня и дела отечества выше всех интересов партии. Дайте руку, мой благородный друг, и станем еще ближе друг к другу.

Поблагодарите от нас генерала Замойского [30]) за то, что он сделал, и скажите ему, что в самом деле серьезные интересы не партии, а вашего и нашего края замешаны в этом деле. Центральный Комитет не есть глава какой-нибудь партии. Центральный Комитет есть энергическое выражение священных прав, святого негодования и великой жизненности Польши,— выражение, которое тем более будет полнее, умнее, серьезнее, важнее, чем более умных и серьезных польских патриотов к нему пристанут. Теперь это Ваше единственное смело и высоко поднятое знамя, свидетельствующее и перед польским народом, и перед всею Европою о польском политическом и социальном бессмертии. Берегите же его, поддерживайте его всеми совокупными силами и не дайте ему упасть в московскую грязь. Мы соединились с ним не во имя Москвы, а также и не во имя петербургской Империи, а во имя вольного народа русского, который по освобождении

*) Копия этого письма через Балашевича-Потоцкого попала в руки III отделения. — *Ю. С.*

своем устроится и организуется, как захочет. Наше же дело разрушить ту Империю, которая сковывает его так же, как и польский народ.

Адресы офицеров — не миф, не наша выдумка, а факт серьезный. Русский Военный Комитет существует в самой Варшаве, и мы имеем с ним постоянные отношения. Действия его распространились во все стороны, и главное военное общество в одном Царстве Польском считает около 400 офицеров. Кроме того, скажу Вам одну вещь, которую прошу Вас сохранить в величайшей тайне и сказать только Замойским и своему тесному кругу Ваших доверенных, молчаливых друзей. Месяц тому назад Центральный петербугский Комитет «Земская Дума» выслал своих депутатов в Варшаву и пригласил в Петербург депутатов от Польского Центр[ального] Комитета, равно как и депутатов от Русского Военного Комитета, на общее совещание и на заключение союза оборонительного и наступательного во имя целой России, говорить за которую этот Комитет действительно имеет право. Таким образом союз, заключенный поляками с нами, ратификован на тех же самых основаниях в самой России [31]). Союз наш теперь составляет более не мечту, а грозную для империи и спасительную для обоих народов действительность, которая выразится, надеюсь скоро, в солидарности торжественных, победоносных действий. Я жду из Варшавы от наших русских, равно как и от польских друзей, во-первых, писем из Петербурга, во-вторых, все подробности, касающиеся до заключения этого исторического акта. Получил уж извещение о присылке писем, но писем самих еще не получил и нахожусь в страшной тревоге: не захвачены ли они?

Вы правы, парижское coup d'état [32]) находится в тесной связи с варшавскими действиями. Они в Варшаве что-то открыли, но что именно, нам неизвестно. Multipliez vous, cher ami, mettez en action toutes vos influences et tous vos amis и старайтесь узнать всю подноготную и в Париже, и в самой Варшаве. Где держат Цверцякевича? Что с ним делают? Есть ли надежда, что его et l'ainsi nommé Шмита [33]) скоро выпустят? Не думаю, чтоб Наполеон решился их выдать. Что делает Милович, и что делают с ним? Постарайтесь с ним увидеться и возьмите от него письмо ко мне. Пусть он мне все напишет, а Вы возьмитесь переслать ко мне его послание, только не по почте.

Еще одна просьба. Я послал с Цверцякевичем свою статью «Lettre au journal le «Siècle» в ответ Мерославскому и польский перевод для «Przeglądu». Писал «Соколовскому», представителю Шляхетского Комитета, чтоб он похлопотал о помещении моей статьи в «Przegląd». Спросите у Миловича, у г-на Высоцкого [34]), у Соколовского [35]) (64 Rue de l'Ouest), где это все, и постарайтесь, прошу Вас на коленях, о помещении французского письма, если не в «Siècle», то в другом французском журнале, а польского перевода — в «Przęglądzie». Если ж и то, и другое пропало, то вышлю Вам копию, но чтоб непременно было помещено. Пошлите также и в Познаньскую Газету.

Клячку обнимите за его великолепную статью о Замойском и Виелепольском: отличная, благородная статья, заставляющая в 100 раз более любить и уважать Замойского. Обоим почтенным братьям, генералу и графу Андрею, передайте мое искреннее и глубокое уважение. Иордану поклонитесь и скажите ему, что мы все его ждем. Отвечайте скорее.

Ваш М. Бакунин.

11

5 января 1863 [года]. London.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

Прилагаемое письмо к Миловичу прошу Вас передать ему как можно скорее и как можно вернее, не откладывая со дня на день по нашему общему славянскому обычаю. Второй раз пишу Вам сим путем, т. е. через князя Чарторижского,— для писем сколько-нибудь интересного содержания не верьте даже тем [пути?] через г-на Hitier. А впрочем, и последним пользоваться буду.

Надеюсь, что с этим письмом буду в состоянии послать Вам 100 или даже 200 экземпляров моей брошюры в ответ Мерославскому на французском языке [36]), и прошу Вас, любезный друг, с помощью Миловича и других знакомых разошлите ее по всем углам польской эмиграции не только в Париже, но и во Франции, а также и во все редакции парижских, а если найдете нужным, провинциальных французских журналов. Пошлите ее также в редакции познаньских и галицийских журналов и, если можете сделать, чтоб ее целиком перевели и поместили в одном из них, сделайте. Если не успею послать Вам ее теперь, то непременно вышлю в пятницу.

После многих горьких вестей наконец доходят и приятные. Была полицейская буря и в Царстве Польском, и в Варшаве, но, кажется, слава богу, нашего благородного Центрального Комитета миновала, и он сильнее и деятельнее, чем когда-нибудь. Связь его с русскою революционерною партиею, уже освященная и ратификованная в Петербурге, перестала быть pium desiderium, но стала действительною. Вместе решили оттянуть, сколько будет возможно, варшавско-польское восстание, даже, может быть, несмотря на рекрутский набор. Но это большая тайна, которую должно хранить, дабы не взбаламутить Вашу взбалмошную эмиграционную молодежь и не дать повода к интригам Мерославского. В России буря полицейских гонений не переставала со времени пожаров, но она никого не пугает; напротив, все готовится и организуется в смысле адреса офицеров: «Земля да воля» — и кажется, кажется... не пройти будущему лету без громадной катастрофы. Дайте нам только расшевелиться; опираясь на наше движение, вы можете смело повернуть фронт свой против немцев, насмеяться над всем западным дипломатическим староверством.

Жаль мне было бы, еслиб Вы не получили моего последнего письма: я излил в нем все чувства, пробужденные во мне благородным поступком графа Замойского (в Вас-то я никогда не сомневался), и открыл Вам вместе несколько важных и для Вас интересных вещей.

Старого друга Пиотровского целую в светлую лысину и прошу верить, что, называя его другом, я действительно чувствую его и себя таким. Он, старый, занят, но пусть напишет мне несколько слов. За моим ответом дело не станет.

Обнимаю Вас и жду ответа.

М. Бакунин.

12

11 января 1863 [года]. [Лондон].

Любезный друг!

В настоящий раз посылка не для Василия Ивановича [Кельсиева], все для Вас, а именно мои брошюры в ответ Мерославскому. Прошу Вас, именем дружбы, какого бы Вы мнения о моей брошюре ни были, разослать их немедленно по всем главным редакциям парижских и французских журналов и в главные гнезда польской эмиграции как в Париже, так и во Франции. В будущую пятницу пришлю Вам столько ж экземпляров моей брошюры. Этим же путем я Вам написал уж два письма, на которые ответа еще не имею. Также и Василий Иванович [Кельсиев] жалуется, что письма наши, посланные через Вас, до него не доходят. Узнайте и объясните причину. Теперь спешу, но завтра напишу по адресу, Вами мне недавно присланному.

Ваш М. Бакунин.

Всякий четверг и всякий понедельник посылаются нами к Вам через Шульчевского письма и посылки. Следите и не давайте им пропадать.

13

12 января 1863 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

Сегодня отправляется к Вам через Шульчевского пачка моих брошюр против Мерославского с письмом к Вам. Еще прежде, две недели сряду, два раза, я Вам писал через него же. И так как на оба письма содержания довольно важного (особливо в первом письме) не имею ответа, то начинаю бояться, что письма мои, равно как и посылки наши к Василию Ивановичу [Кельсиеву], посылаемые аккуратно два раза в неделю, каждый понедельник и каждый четверг, затерялись. Тем более боюсь этого, что Василий Иванович [Кельсиев] в последнем письме жалуется, что не получает наших писем, а мы ему пишем почти всякую неделю. Разберите, прошу Вас, откуда такое недоумение.

Брошюры мои прошу Вас разослать по всем редакциям парижских [и] французских журналов, а также и по всем партиям польской эмиграции как в Париже, так и в целой Франции. Пошлите также и в редакции польских познаньских и галицийских газет. Вы, без сомнения, согласитесь со мною насчет Мерославского, но не насчет Центрального Комитета, становящегося, кажется, для многих людей Вашей партии предметом проклятия. Но я, как беспристрастный и действительного возрождения Польши горячо желающий москаль, сказал то, что из верных источников знаю, и то, что думаю. Мое дело было сказать правду так, как она является мне. Судить же о ней — Ваше дело. Надеюсь, что разногласие наше не помешает Вам распространить по возможности мою брошюру, которых еще пачку вышлю Вам в будущий четверг.

Адресуйте теперь письма Ваши так: London.— Stephen L. Koe, Esqw. 10. Orsett Terrace, Hyde Park, а на внутреннем конверте: Mistress Fanny Althorp. Будет лучше. В ожидании ответа Вашего обнимаю Вас крепко, а старого Пиотровского целую в светлую лысину.

Ваш Б.

14

23 января 1863 [года]. Лондон.
10. Paddington Green. W.

Любезный друг!

Вы человек драгоценный, и Ваша доверенность тронула меня до глубины сердца. Факт, переданный Вами и который останется в тайне между нами тремя, в высшей степени замечателен и важен. Да, они попали в cul-de-sac, из которого с целыми головами не выйдут. Поверьте мне, наш общий враг рушится от своей собственной тяжести, глупости и своею собственною гнилью. Умные люди сделались бы дураками в таком дурацком положении, а дурни умными не сделаются. Правда, Виелепольский [37]) далеко не дурак, но он мешается и окончательно сойдет с ума. Первозванный [38]) — с ног до головы благородный, святой, патриот. Разумеется, что он на старости лет в грязь не пойдет. А теперь вне движения народного, во главе которого стоит Центр[альный] Комитет, в Польше все грязь.

Будет ли, не будет восстания, я Комитета винить не стану. Теперь говорит не ум и не воля того или другого члена тайной организации — теперь изрекает решения судьба Польши, воля народа... Теперь все должны преклонить голову перед святая святых и повиноваться... Бог да сохранит святую мученицу! Он сохранит Польшу, каков бы ни был исход настоящего дела. Польша нужна славянам, нужна человечеству. Надежды на успех, на настоящий успех, признаюсь, во мне немного. И знаете, о чем я молю? Чтоб в случае неудачи как можно более русских погибло в борьбе за польское дело, чтоб братство наше освятилось делом и кровью, — и рад бы умереть вместе с ними... А бог знает... ну, да об этом еще говорить не станем.

Сообщения наши все прекратились... и мы в настоящую минуту почти ничего не знаем, и потому, любезный друг, более чем когда-нибудь молю Вас, пишите чаще и подробнее обо всем, что услышите... больше подробностей, больше фактов, пишите чаще, через день, если возможно.

Посылаю Вам письмо нашего друга и обнимаю Вас братски, а также и старого Пиотровского. Клячку поблагодарите за похвалу. Он сам мастер, и его похвала доставит хоть кому удовольствие [39]). Статьи его еще не читал, но по Вашему уведомлению готовлю пистолеты.

Ваш М. В.

15

25 января 1863 [года]. London.
10. Paddington Green. W.

Добрый друг!

Вы мне сказали, что я в важных случаях могу рассчитывать на Вашу дружбу. На этом основании я Вас прошу принесть мне большую жертву. Приезжайте на один день, безотлагательно, в Лондон. Я знаю, что Ваше время дорого, и, несмотря на это, прошу Вас приехать, т. е. пожертвовать мне три дня. Поверьте, что без важной причины, важной и для меня, и для самого дела, я не решился бы Вас тревожить. А теперь обращаюсь к Вам с верою, что Вы победите все трудности и через несколько дней будете в Лондоне. О получении этой записки и о том, что Вы едете по моему зову, молю Вас, никому ни слова [40]).

М. Бакунин.

16

Le 4 Fevrier 1863. Londres.
10. Paddingtion Green. W.

Любезный друг! Вы, право, молодец, спасибо Вам. Поблагодарите за меня и Мельхиора *), и иностранного друга. Скажите последнему по поводу рекомендательных писем, о которых я ему с Вами писал, что нужны только один-два человека, но совершенно верных, не болтливых и практически умных, и что, если он намерен дать мне эти письма, чтобы он спешил и прислал бы мне их через верного человека. Ну, если Сук хорош, то пусть себе переговаривает Сук,— посмотрим каковы будут плоды его красноречия, а за симпатию ему также спасибо. Только не болтлив ли он? А ведь болтливость беда. Каким образом вся эмиграция узнала, что я к Вам телеграфировал? Оно, разумеется, не беда, потому что у нас с Вами важных секретов нет. Да зачем они узнали? Узнали и закопошились и вообразили себе бог знает что! Уж об этом писали сюда беспардонные демократы. Ну, да бог с ними. Александру Ивановичу [Герцену] согласие Ваше на печатание передам сегодня же. А что, ведь в Польше-то дела идут трудно [недурно?]: чем дальше в лес, тем более дров? Дай Вам бог успеха. Дай бог бедной измученной Польше победу и отдых от 100-летнего страдания! А мы здесь, в Лондоне, будет делать свое дело и сближать русских с вами печатною пропагандою, покамест не восстанет Россия; для нас, к несчастию, другого дела быть не может.

Ваш М. Бакунин.

Не переменить ли Вам свой адрес? В таком случае пришлите новый.

17

Samedi 10 décembre, 1864. Firenze.
13 Via dei Pucci. 2° piano.

Мой милый Коссиловский!

Вы меня браните и имеете на то полное право. Я обещал прислать Вам немедленно 140 франк[ов], взятые мною у Вас в день отъезда, и до сих пор не только что ничего не прислал, но даже ничего не написал. Причину Вы сами себе скажете. Я не нашел во Флоренции тех денег, которые мне были так торжественно обещаны, что я не мог сомневаться в их прибытии. Стал искать денег, и мне обещали день ото дня, и вследствие [этого] я откладывал писать Вам день ото дня и таким образом дотянул до сегодняшнего дня. Но, впрочем, не думайте, чтоб это письмо было доказательством, что я отказался от надежды выслать Вам в наискорейшее время должную сумму. Напротив, я уверен теперь, что вышлю Вам их впродолжение каких-нибудь 10 дней, может быть, даже послезавтра. Пишу ж Вам, чтобы положить конец Вашему удивлению и чтоб попросить Вас о снисходительном прощении. Пожалуйста, не сердитесь. Вы оказали мне столько постоянной

---

*) Не имеется ли здесь в виду будущий первый диктатор восстания Мариан Мельхиор Лангевич? Мы знаем, что позже Бакунин писал ему, прося дать ему возможность отправиться в Польшу для участия в борьбе. — Ю. С.

дружбы, что я жду с нетерпением случая, когда и мне можно будет доказать Вам, что я умею ценить эту дружбу. Ну, довольно объясняться, не правда ли?

Жену свою нашел я здесь в полном здоровьи. После трехмесячной разлуки весело мне было с нею свидеться. Поляков здесь немного. Есть несколько польских дам, с которыми мы не видимся, потому что они живут слишком весело, а нам кажется, что теперь не время для веселья. Познакомились мы с Босаком[41]) и его женою. Он человек честный, правдивый и сердечный, без всякой претензии. Она милая женщина. Кроме этого, познакомились также с m-me la comtesse Sierakowska и с ее дочерью. Тех еще мало знаем. Ленартович все хворает, и жена за ним ухаживает[42]). Не говорю ничего о графине Старжинской и о приятельнице ее, m-lle Léonie Netyksa. С ними живем вместе, как с сестрами. Польских партий здесь нет, и потому нет той беспрестанной, несносной войны, от которой не знаешь, куда уйти в Париже. Зато нет почти и никаких новостей. Польские журналы пусты, как голова... ну, придумайте сами, самого пустого человека из Ваших знакомых... Слышим только, что русское правительство душит и губит попрежнему, пожалуй даже пуще прежнего, и не в одной Польше, но и в самой России, по случаю пожаров; слышно также, что оно становится втупик перед возобновившимся крестьянским вопросом. Интересно было бы знать, мы же не знаем: правда ли, что Милютин назначен в России министром внутренних дел?[43]). Я бы от души этому порадовался, потому что он станет и по всему положению своему — réputation oblige — должен будет гнуть русских дворян, как гнул польских. Если что знаете, напишите. А здесь готовятся к войне с Австриею. Последние речи Mensdorf-Poully[44]) всех взбудоражили. Близость перенесения столицы[45]) еще почти совсем не чувствуется. Все глухо и душно — уж не перед грозою ли? А я не сплю, делаю все, что могу, и жду у моря погоды.

Прощайте, обнимаю Вас, а жена Вам кланяется.

Ваш М. Бакунин.

Были ли еще раз у нашей доброй графини?[46]).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Кельсиев, Василий Иванович (1835—1872) — русский писатель; эмигрант; знаток раскола; в Лондоне сблизился с Герценом и Огаревым, вместе с которым редактировал 1-й номер «Общего веча»; в 1862 г. ездил нелегально в Россию; затем переселился на Балканы («Тульчинская агенция») для доставки зарубежной литературы в Россию; об этом и говорится в печатаемых письмах Бакунина. Впоследствии разочаровался в революции, в 1867 г. добровольно отдался в руки правительства, написал «Исповедь» и был прощен царем.

[2]) Польский эмигрант.

[3]) Этим Бакунин подтверждает, что обвинение его в шпионстве вышло из польских кругов в связи с его стремлением к совместной работе с поляками (в 1847 г.)

[4]) Письмо Польского Центрального Народного Комитета к редакторам «Колокола» было помещено в № 146 «Колокола» от 1 октября 1862 г. (по-французски в № 2 «La Cloche»). Им устанавливается союз польских и русских революционеров на основе признания за крестьянами Польши права на обрабатываемую землю и права всех народов Польши на самоопределение.

[5]) Статья Герцена «Русским офицерам в Польше» напечатана в № 147 «Колокола» от 15 октября 1862 г. (в № 3 и 5 «La Cloche» и в № 7 «Kolokol», а по-польски в «Przegląd» от 15 ноября). В ней рекомендовалось офицерам русской армии не выступать против поляков и русского народа, укреплять организацию тайных кружков и готовиться к революции.

[6]) Мерославский, Людовик (1814—1878) — генерал, известный польский революционер, кандидат в диктаторы 1863 г.; считался крайним демократом, но был ярым националистом и выступал против признания права на самоопределение за бывшими провинциями польского королевства. На этой почве у него произошел разрыв с польским Центральным Комитетом и с Бакуниным.

[7]) «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель». Некоторые поляки, как Мерославский, повидимому, и Коссиловский, истолковали ее как посягательство на права Польши ввиду того, что в ней провозглашалось право наций на самоопределение. Об этом, очевидно, и говорит Бакунин.

[8]) Пиотровский, Руфин — польский политический деятель; род. в 1806 г.; участвовал в революции 1831 г.; затем эмигрировал во Францию; по возвращении в Россию в 1843 г. был сослан на каторгу; уехал во Францию; в 1860 г. издал трехтомные воспоминания; в 1863 г. был в Польше, а затем до 1866 г. жил во Франции.

[9]) Клячко, Юлиан (1827—1906) — польский критик и публицист; принимал активное участие в польской национальной борьбе.

[10]) Таньский, Иосиф — польско-французский публицист; род. в 1805 г. в Варшаве, служил в польских войсках, а с 1831 г. выехал за границу и поступил во французскую армию, где дослужился до капитанского чина. Выпустил свои воспоминания на французском и польском языках.

[11]) Сохновский, Александр — эмигрант, офицер, участвовал в кружке Арнгольда, Сливицкого и т. д.; бежал за границу в 1862 г., где сблизился с кружком «Колокола»; умер в 1867 г.

[11-а]) Галенцовский, Северин — член Польского Комитета в Париже, сторонник кн. Вл. Чарторыйского.

[11-б]) Голынский, Александр Викентьевич, род. в 1818 г.— польский общественный деятель и путешественник; помещик Могилевской губернии; оставил Россию в 1846 г.; в 1848 г. участвовал в парижских демократических клубах; был близок к Герцену и Головину, помогал (вместе с Герценом) при основании типографии Польского демократического общества.

[12]) Такая брошюра не появилась. Бакунин и после, видимо, писал ее; в его бумагах остались отрывки брошюры «La question révolutionnaire dans le pays russe et en Pologne», но она не была закончена.

[13]) Сераковский, Сигизмунд (1827—1863) — польский революционер, в 1848 г. сослан в Оренбург рядовым; выслужился в офицеры и впоследствии способствовал введению более гуманных порядков в русской армии; в 1863 г. ушел в восстание, был арестован после боя и повешен.

[14]) А. И. Герцен.

[15]) Замойский, Андрей, граф (1800—1874) — польский политический деятель; участник восстания 1831 г.; в 1862 г. за оппозицию политике Велепольского выслан за границу.

[16]) Польский эмигрант.

[17]) Калинка, Валериан (1826—1886) — ксендз, польский историк, секретарь кн. А. Чарторыйского, принадлежал к аристократическому крылу эмиграции.

[18]) Повидимому, намек на политические статьи Клячки против генерала Мерославского.

[19]) Иордан, Сигизмунд (1824—1866) — польский политический деятель, в 1846 г. участвовал в Краковском восстании; принимал активное участие в австро-венгерской и крымской войнах, а также в восстании 1863 г., в рассматриваемый момент находился в Константинополе.

[20]) Чарторыйский, Владислав, кн., сын кн. Адама Ч., проживал тогда в Париже; был одним из лидеров аристократического направления среди польской эмиграции.

[21]) Статья Герцена «Подтасованный набор» напечатана в № 151 «Колокола» от 1 декабря 1862 г. и по-французски в № 9 «La Cloche».

[22]) Гр. Андрея (см. примечание 15).

[23]) Т. е. генерала Мерославского.

[24]) Вел. кн. Константин Николаевич, брат царя Александра II, был назначен наместником в Польшу. Кое-какие круги в России и Польше прочили его на пост польского короля.

[25]) По совету Велепольского, русское правительство назначило в Польше рекрутский набор, принявший характер проскрипции. Решено было произвести его только в городах и забрать революционную рабочую и интеллигентную молодежь. Этот набор вызвал преждевременный взрыв восстания (в январе 1863 г.).

[26]) Мерославский поместил в ряде французских газет («Siècle», «Opinion Nationale», «Presse») письмо, пытавшееся набросить тень на Варшавский Комитет, задевавшее «Колокол» и издевавшееся над союзом русских и польских революционеров. Ответ Бакунина разросся в целую брошюру.

[27]) Цверцякевич, Иосиф — польский политический деятель, эмигрант в 1863 г. был полномочным представителем польского революционного правительства в Лондоне (псевдоним Кард).

[28]) Милович, Владимир — польский революционер, б. студент Киевского университета; эмигрант; в 1862 г. вместе с А. Гиллером и С. Падлевским ездил в Лондон для заключения вышеупомянутого союза с русскими революционерами; проживал в Париже; был агентом Польского Центрального Комитета; участвовал в восстании 1863 г., после подавления которого снова бежал за границу; умер в 1884 г.

[29]) Речь идет об аресте Цверцякевича, Миловича и Игнатия Хмелинского в Париже французскою полициею, отобравшей у них письмо Мадзини к Этьену Араго. Взятые у них бумаги были сообщены русскому правительству. Сидели они всего несколько дней, а затем их выслали из Франции.

[30]) Замойский, Владислав, граф (брат гр. Андрея) — адъютант в. кн. Константина, в эмиграции играл видную роль среди сторонников кн. Чарторыйского.

[31]) Неясно, о каком факте говорит здесь Бакунин. «Земля и Воля» (а не «Земская Дума», как ошибочно сказано у Бакунина) поддерживала сношения с польскими революционерами, но к чему относится сообщение Бакунина, неизвестно. Оно не может говорить о поездке А. Слепцова, члена «Земли и Воли», в Варшаву (по дороге за границу), ибо эта поездка состоялась только в январе 1863 г. Не имеет ли здесь Бакунин в виду какую-нибудь поездку А. Потебни, руководителя русской офицерской организации в Польше? Иадлевский действительно был в Петербурге в декабре 1862 г. Указание относительно одобрения «Землей и Волей» договора лондонцев с поляками верно.

[32]) Т. е. арест названных трех поляков в Париже.

[33]) Игнатий Хмелинский (арестованный с фальшивым паспортом). Его выпустили через неделю.

[34]) Высоцкий, Иосиф — польский эмигрант, проживавший в Париже.

[35]) Соколовский, Мариас — польский эмигрант.

[36]) Письмо Бакунина к главному редактору «Европейского курьера», вышедшее затем отдельной брошюрой на русском, французском и польском языках под заглавием «Варшавский Центральный Комитет и Русский Военный Комитет» в начале января 1863 г. На эту брошюру Мерославский ответил брошюрою «La dernière réponse à M. Michel Bakounine» Paris, 1863. Окончательно они свели счеты через 5 лет, когда в ответ на брошюру Мерославского «Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz» Бакунин выпустил «Un dernier mot sur M. L. Mieroslavski» (Женева, 1868).

[37]) Велепольский, Александр (1803—1877) — польский политический деятель консервативного направления, пытавшийся в 1861—1862 гг. проводить в Польше политику царского правительства.

[38]) Т. е. Андрей (гр. Замойский).

[39]) Намек на литературный талант Клячки.

[40]) Повидимому, это решение лично свидеться с Коссиловским объяснялось решением Бакунина двинуться в Польшу, для чего он решил использовать Коссиловского в качестве одного из посредников для переговоров с поляками.

[41]) Босак — фамилия, принятая Иосифом Гауке (1834—1871), польским политическим деятелем, бывшим полковником русской службы, вышедшим в 1861 г. в отставку, активно участвовавшим в восстании, проживавшим в 1864 г. в Швейцарии, затем бывшим деятелем Лиги мира, наконец генералом во французской армии в Вогезах, находившейся под командою Гарибальди; был убит под Дижоном.

[42]) Ленартович, Теофил (1822—1893) — известный польский поэт; жена его — известная художница.

[43]) Милютин, Николай Алексеевич (1818—1872) — русский государственный деятель, участвовавший в проведении крестьянской реформы; в Польше вел социальную демагогию, наделяя крестьян землею в большем размере, чем в России, чтобы отвадить их от участия в восстании. Слух, о котором передает Бакунин, оказался неверным.

[44]) Менсдорф-Пульи, Александр, граф (1813—1871) — австрийский государственный деятель; будучи наместником Галиции, противодействовал полякам; с 1864 г. министр иностранных дел Австрии.

[45]) Флоренция была объявлена столицею нового итальянского королевства (до занятия Рима).

[46]) Повидимому, у графини Е. Салиас.

Х. РАППОПОРТ

ВОСПОМИНАНИЯ О ФРИДРИХЕ ЭНГЕЛЬСЕ

Это было в 1893 г. Прусское правительство, чтобы достойно почтить тогдашнего наследника царского трона, позднее царя Николая Второго, изволившего удостоить Берлин своим полувысочайшим визитом, арестовало дюжину русских революционеров, в том числе мою жену Фанни Ратнер и меня (а также, между прочим, тогдашнего левого соц.-дем. Парвуса) с целью высылки в 24 часа из столицы, где будущий царь не мог терпеть наше присутствие.

Заметьте, что непосредственно до ареста и высылки почти каждый из нас получил «печатное» предложение поступить за 400 марок в месяц на «службу» к гостеприимному прусскому правительству в качестве «осведомителя». В случае принятия предложения мы оказались бы достойными жить в городе, осчастливленном присутствием полувысочайшей особы. Тем, которые указали на дверь прусским шпионам, власти открыли настежь двери тюремного дома на Alexanderplatz, а затем и самой Пруссии.

Оттуда я решил через Берн поехать в Лондон, чтобы поработать в Британском музее. П. Л. Лавров мне дал короткую, но очень лестную для меня рекомендацию к Фридриху Энгельсу, который за два года пред тем отпраздновал вместе с мировым социализмом свой семидесятилетний юбилей (Фридрих Энгельс родился в 1820 г.).

Я поспешил, конечно, по приезде в Лондон воспользоваться письмом П. Л. Лаврова. Энгельс тогда жил 122 Regent Park Str., в особняке. Он меня принял очень любезно и так легко, по-товарищески заговорил, как будто мы были давнишние знакомые. Мне было тогда 27 лет, и я был известен лишь в интимном кругу молодых народовольцев. Ничего я тогда еще не напечатал, и меня, конечно, приятно поразил такой неожиданно радушный, почти фамильярный прием. В первый же визит Энгельс сказал мне следующее: «Вот мы сидим здесь, и я не уверен, что вот-вот не откроется дверь и не зайдет Герман Лопатин». Это был намек на неоднократные бегства из царской тюрьмы и ссылки знаменитого революционера и друга Маркса и Энгельса, который в то время находился в Шлиссельбурге.

Тогда же меня Энгельс пригласил зайти к нему в один из ближайших вечеров. Когда я к нему явился во второй раз, он меня пригласил к себе наверх, в свой рабочий кабинет-библиотеку. Там я застал — в этот или следующий раз, не помню — Эд. Бернштейна, Элеонору Маркс, ее мужа Эвелинга, Минну Каутскую, одного австрийского товарища.

Энгельс поражал своей оживленностью, бодростью, свежим юмором. Высокого роста, стройный и здоровый на вид, он скорее походил на старого студента, всегда готового пошутить, поспорить за стаканом вина или пива, чем на семидесятидвухлетнего вождя и теоретика мирового пролетариата. Его речь была живая, даже бурная, пересыпанная остротами и едкими замечаниями о книгах, событиях и личностях.

Вспоминаю следующие разговоры и замечания. Будучи тогда в философских вопросах настроен скорее антимарксистски (я примыкал к группе молодых социалистов-революционеров, вместе с Хаимом Житловским), я добивался ответа у Энгельса на вопрос: «Как надо понять отношение между «базисом» и «надстройкой»? Есть ли между ними «статическое» отношение или «динамическое?»

В ответ Энгельс направился к одной из полок своей громадной библиотеки и преподнес мне физику Кирхгофа, указывая на то место, где «статика» рассматривается как «один из случаев» динамики.

Не помню уже, по поводу какого выражения или замечания «о недостаточной обоснованности» марксовой философии Энгельс даже рассердился и едко заметил, что «подобные мысли могут появиться лишь в голове русского студента». Но Энгельс немедленно смягчился, заметив: «Чего вам еще надо? У вас есть «Капитал» Маркса, Моисей и пророки! Изучайте!» и предложил мне при ближайшем свидании поставить ему какой угодно вопрос из области происхождения «идеологии», обещав показать экономическое и материалистическое происхождение данной идеологии.

Когда я явился на следующий раз, я попросил Энгельса объяснить мне «материалистический базис» пуританского движения в Англии. Ни на минуту не задумываясь, он мне, в течение по крайней мере часа времени, читал лекцию о тогдашнем экономическом положении Европы. Не помню теперь ни частностей, ни общего хода мыслей Энгельса, одно лишь наверное помню: культ воскресения у пуритан связывался им с крайней бережливостью английских буржуа.

Когда Энгельс кончил свою «лекцию», в высшей степени живую и занимательную, где факты и мысли лились целым непрерывным потоком, он меня спросил: «Ну, убеждены ли вы теперь?» Я со смелостью молодого читателя «в оригинале» Канта, Гегеля и других светил немецкой философии самоуверенно ответил: «Все эти связи возможны, но надо еще доказать, необходимы ли они?» На этот раз Энгельс не рассердился и, вероятно, махнул рукой на молодого кантианца, как на безнадежного идеалиста.

Мы в этот или другой вечер перешли на другие темы. Я, как ярый социалист-революционер, добивался мнения Энгельса насчет заявления старого Либкнехта на Эрфуртском съезде (см. протокол, стр. 206, кажется) о том, что «Das Revolutionäre liegt nicht in den Mitteln, sondern in dem Ziel. Gewalt ist seit Jahrtausenden ein reaktionärer Faktor» (цитирую на память). Энгельс категорически заявил свое несогласие, сказав: «Маркс и я всегда оставались революционерами». И прибавил сердито: «Liebknecht kann alles sagen». (Интересно сопоставить это замечание с отношением Маркса и Энгельса к старому Либкнехту, которое не всегда было благоприятным.) Слова эти меня поразили, и я часто себе их мысленно повторял.

Другой раз говорили о Бакунине. Энгельс заявил с симпатией: «Он понимал Гегеля», но прибавил: «В борьбе был готов на все средства» (он при этом проявил явно отрицательное отношение к методам борьбы Бакунина).

О Лаврове: «Он наш друг, но он милый эклектик. Он нас хотел даже с Бакуниным примирить».

Энгельс хорошо отзывался о Г. В. Плеханове, противопоставляя его боевую готовность и ясность мысли примиренчеству Лаврова.

Об Ог. Конте: «Ein Esel!» (а я в ужасе). Приблизительно то же о Лотце и современной ему немецкой философии и очень неважный отзыв о Дж. Ст. Милле. «После Гегеля никто ничего положительного (или другое в этом смысле выражение.— *X. Р.*) не дал в «Логике».

О Марксе: «Все оригинальные мысли, вся наша доктрина принадлежит Марксу. Я ничего особенного не открыл» (таков смысл, если не буквальное заявление).

Когда я спросил, когда появится третий том «Капитала», Энгельс мне преподнес огромный том рукописей и предложил прочесть хоть одну строчку. Я ничего не мог разобрать, почерк был совсем неразборчив. «Вы понимаете теперь,— сказал Энгельс, — сколько у меня трудностей при одном установлении текста».

Других разговоров не помню. Больше не удалось видеть великого мыслителя и прекрасного человека. Я помню также, что он тогда изучал русскую экономическую литературу, — если не ошибаюсь, по вопросу об общине.

Когда я приехал в следующий раз в Лондон, великого друга Маркса уже не было в живых.

Париж, 23/X 1927.

PS. Заканчивая мои отрывочные воспоминания, за верность которых я ручаюсь, так как часто мысленно их воспроизводил,—я вспоминаю еще следующее.

«Маркс и я, — говорил Энгельс, — никогда не хотели называть себя социал-демократами, предпочитая название коммунистов. Мы уступили лишь полицейским условиям Германии»,—«Вечерняя лондонская пресса продана американским капиталистам».—Энгельс очень дурно отзывался о круге, в котором вращался «prince» Петр Кропоткин. О русской революции, о русских марксистах говорил с большим уважением, выше я уже упомянул о Плеханове. Энгельс жаловался на ослабевающую память, замечая при этом, что «память имеет определенную емкость», и что новые знания вытесняют старые. Мы вкратце касались русского движения. У меня осталось впечатление, что все свои надежды он тогда возлагал на Г. В. Плеханова и его группу.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. О ПИСЬМАХ В. И. ЗАСУЛИЧ к Г. В. ПЛЕХАНОВУ

Сборники «Группа „Освобождение труда"» тт. IV и V. Публикуемые в настоящее время Л. Г. Дейчем письма В. И. Засулич к Г. В. Плеханову являются в высшей степени ценным вкладом в литературу по истории группы «Освобождение труда». К сожалению, в том виде, в каком они теперь опубликованы, они почти совершенно не пригодны для пользования, — в них не только не сможет разобраться средний читатель-любитель, но порою запутается и человек, специально работающий над эпохой. Причиною этого является та самая небрежность редакторской работы, которая у Л. Г. Дейча, в связи с изданием им писем Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову, уже была отмечена Д. Б. Рязановым, — только в отношении писем Засулич эта небрежность проявилась в несравненно большей степени. Не говоря уже о том, что комментарий, данный к этим письмам, не только не выдерживает никакой критики, он порою прямо сбивает читателя (много ошибок, неразъясненными обычно оставлены именно те места, которые в таких разъяснениях больше всего нуждаются), — сами письма в отношении хронологическом напечатаны в таком хаотическом беспорядке, а их текст выверен настолько небрежно, так полон ошибками, что делать какие-либо выводы на основании этих писем можно каждый раз только после большой работы по их критической поверке со всех точек зрения.

Надо оговориться: редактирование этих писем В. И. Засулич, действительно, представляется делом исключительно трудным: дат на них почти нигде не поставлено; в тексте о многих событиях говорится туманными намеками; почти все проходящие в них лица фигурируют под псевдонимами или прозвищами, часто специально им данными самим автором писем. Тем не менее в огромном большинстве случаев расшифровка этих темных мест, а следовательно, и установление более или менее приблизительной датировки писем, при внимательном отношении к работе и при хорошем знакомстве с эпохою, является делом вполне возможным. А ведь без такого знакомства нельзя и браться за издание исторических материалов. Насколько плохо справился с этой работой редактор, мы и хотим показать в настоящей заметке.

Ошибочное чтение текста чувствуется в очень многих местах; полное исправление их возможно, конечно, только при внимательной сверке с оригиналами писем. Но в целом ряде случаев ошибки, искажающие смысл, настолько грубы и очевидны, что исправление их, при знакомстве с литературой вопроса, вполне возможно и без такой сверки. Если мы встречаем, например, такую фразу Засулич: «А что у Н. — она делает «аналогию вместо денег» [1]), то каждый, знакомый с полемикой «Русского богатства» против книг Струве и Бельтова, поймет, что у Засулич написано совсем иное, — не непонятная «аналогия вместо денег», а «апология власти денег» (название статьи Н. — она в №№ 1 и 2 «Русского богатства» за 1895 г.). Не менее очевидна и другая ошибка: в проредактированном Дейчем тексте в двух

---

[1]) Сборник, т. IV, стр. 291.

местах фигурирует статья Михайловского «Суб. лит.», что в расшифровке Дейча означает «Субъективная литература» [1]). Искать такую статью в сочинениях Михайловского было бы, конечно, непроизводительной тратою времени, — там ее нет, да и вообще смысл выражения «субъективная литература» не ясен и темен. Но для всякого не совсем беззаботного по части истории наших умственных течений 70-х годов, ясно, что в этой безграмотности Засулич неповинна, — она писала, конечно, не о «Суб. лит.», а о «Суб. мет.», т. е. о «Субъективном методе». О не меньшей беззаботности по части знакомства с литературой — на этот раз с социал-демократической — свидетельствует третья грубая ошибка, допущенная редактором: в одном из писем он вкладывает в уста В. И. Засулич замечание о «бумажном мяче» (т. V, стр. 193); чтобы у читателя не осталось сомнения, что и в данном случае он имеет дело с ошибкою именно редактора, а не корректора, в скобках к «мячу» поставлен недоуменный знак вопроса. Между тем всякий, кто читал «Vademecum» Плеханова, конечно, поймет, что В. И. Засулич говорила не о мяче, а о мече, — выражение «бумажный меч» употребил С. Н. Прокопович в своем разборе брошюры П. Б. Аксельрода.

Еще более существенное значение имеет ошибка, допущенная редактором издания в письме, фигурирующем под № 28 (Сборник, т. V, стр. 153—154): под видом этого письма явно дана окрошка из двух писем, относящихся к разным годам: абзацы 1—3-й и 7-й, несомненно, писаны в начале 1896 г. (в них речь идет о № 28 «Листка» Фонда вольной русской прессы, помеченном 18/I 1896 г.), а абзац 4-й — летом 1898 г. (в нем Засулич упоминает о своей с Плехановым поездке в Италию, которую они сделали в апреле 1898 г.). Если поверить редактору, отнесшему все письмо к началу 1896 г., то исследователь, который этим письмом будет пользоваться, будет совершенно спутан замечанием В. И. Засулич о разногласии «огромной важности», которое стоит между нею и Плехановым. Он напрасно будет искать основу таких разногласий в начале 1896 г., — их тогда не было и в помине (летом 1898 г. разногласия были по вопросу об отношении к «молодым» деятелям Союза русских социал-демократов).

Мы выбрали только наиболее выразительные примеры таких ошибок, бесспорное установление которых возможно без помощи оригиналов писем [2]). Легко понять, насколько увеличится их число, если корректуру писем можно было бы продержать на основании этих оригиналов, прочесть которые редактор явно не смог.

Если так трудно доверять изданию в отношении соответствия попавшего в печать текста с текстом действительным, то еще более осторожно следует относиться к тем замечаниям редактора, которые должны играть роль комментариев. Такого рода замечания часто только путают читателя. Вот несколько примеров.

Письмо В. И. Засулич, помеченное редактором как № 8, начинается следующими словами:

«А какая лиса! Она даже Гегеля не читала и воображает, что не придут собаки и не вытащат ее за морду! А славная книга — мне в первый раз случается прочесть книгу этого происхождения, как читателю, а то я всегда заранее знала, что в ней будет» (Сборник, т. IV, стр. 288).

Редактор писем к слову «книга» делает примечание: «повидимому, Бельтов». Почему для редактора это «повидимому», — не пояснено. Но тот, кто ему поверит и будет делать соответствующие выводы, жестоко запутается: на самом деле у Засулич речь идет не о Бельтове, а о Волгине. К Бельтову это замечание относиться не может уже по одному тому, что эту книгу В. И. Засулич почти всю читала в рукописи (как известно, она почти вся написана Плехановым в Лондоне); свое впечатление от получения этой книги в печатном виде В. И. Засулич высказала

---

[1]) Сборник, т. V, стр. 161 и 165.

[2]) Мелких ошибок мы не отмечаем, хотя из них многие режут ухо: на стр. 165 (вторая строка снизу) у В. И. Засулич, несомненно, стояло ироническое «Южакова с чадами», а не грубое: «с гадами»; на стр. 161, вторая строка сверху, не «его», а «что» и т. д.

в письме к Плеханову, которое Дейч напечатал под № 21. То, что интересующее нас примечание относится именно к Волгину, явно следует из слов о лисе, не читавшей Гегеля: кто хоть мельком заглядывал в Волгина, не может не помнить красивого заключительного абзаца в авторском предисловии: «Мы похожи на г. Воронцова в том отношении, что никогда не читали Гегеля, а отличаемся от него тем, что не решаемся судить о неизвестных нам предметах» [1]).

Равным образом мешает правильному пониманию письма и примечание, сделанное редактором к письму № 52; в этом письме Засулич говорит о «любителе рабочих брошюр», которого деятели Фонда вольной русской прессы пытаются убедить в злокозненности В. И. Засулич и других сторонников группы «Освобождение труда» Дейч к этому месту делает примечание: «Вероятно, Лазарь Гольденберг, объявлявший себя с.-д. и входивший в группу фонда» (Сборник, т. V, стр. 180). Ошибочность этого замечания очевидна при мало-мальски внимательном чтении письма Засулич. Гольденберг в 1896—1897 гг. жил в Лондоне и не только входил в группу Фонда, но и заведывал в ней всей хозяйственной частью; писать ему письма и уверять его в своей готовности на всякие услуги «фондистам», конечно, не приходилось, — он сам такие письма писал от имени Фонда. Из письма Засулич ясно, что речь идет о каком-то социал-демократе, постороннем Фонду, который жил, очевидно, где-то вне Лондона и мечтал об издании литературы для рабочих. Этих данных достаточно для того, чтобы отвести примечание Дейча. Засулич, несомненно, имела в виду кого-то из «молодых» с.-д. деятелей, вернее всего — Кричевского или Грозовского, которые в те годы были горячими сторонниками развития издательской деятельности в этом именно направлении.

Не так сильно путает читателя, но все же, несомненно, ошибочна и еще одна попытка Дейча раскрыть употребляемые Засулич псевдонимы: эта последняя в двух местах (Сборник, т. V, стр. 179 и 190) упоминает о ком-то, кого она называет «Кошеня». Дейч при первом упоминании поясняет: «Кажется, псевдоним т. Бухгольца». Между тем из текста писем видно, что речь идет о женщине и что к Бухгольцу замечание, следовательно, ни в каком случае относиться не может. На деле — в письмах Засулич о лице, скрытом под этим псевдонимом, дано столько указаний, что в расшифровке его едва ли может быть ошибка: женщиной с.-д., жившей в начале 1897 г. в Берлине, имевшей знакомства в редакции «Vorwärts'а» и настолько близко стоявшей к русским с.-д. делам, что она могла информировать «господина из столицы» [2]), — могла быть только Е. Д. Кускова.

Мы отметили только те явные ошибки в примечаниях, которые сбивают с толку читателя; тех мест, к которым пояснений не сделано, хотя они в них весьма и весьма нуждаются, мы перечислять не можем, — для этого пришлось бы писать такой комментарий наново. Но насколько теряют от этого письма Засулич, можно судить по следующему, думаем, достаточно убедительному примеру.

Как известно, в литературе до сих пор не упоминается ни об одном сохранившемся от тех лет документе, который говорил бы нам о приеме, оказанном членами группы «Освобождение труда» знаменитым «Материалам», сожженным цензурой в 1895 г.; ряд отзывов о них, главным образом о статье Ленина, имеется, — но все они относятся к значительно позднейшим временам. В письмах Засулич отзывы об этом сборнике вообще и о статье Ленина в частности имеются, но Засулич их давала, не ставя точек на «i»; редактор ее намеков (довольно прозрачных, кстати сказать) не расшифровал, и в результате для среднего читателя эти любопытнейшие отзывы совершенно пропадают (они имеются в письмах №№ 48 и 50, причем в последнем письме Ленин фигурирует под кличкой «Крепыш», а под инициалами Ин—в скрывается, несомненно, Струве-Инородцев).

Но наиболее серьезным дефектом в редакторской работе являются не эти ошибки и промахи в расшифровке текста и комментировании писем, а полнейшая произвольность в определении их дат. Нам трудно подыскать соот-

[1]) «Сочинения» Плеханова, т. IX, стр. 51.

[2]) Им, кстати, был, очевидно, Тахтарев.

ветствующий термин для надлежащей квалификации того, что с письмами в этом отношении сделано, — читатель ничего не потеряет, если будет читать их не в том порядке, в каком их ему подносит редактор, а в любом другом. От этого он скорее даже выиграет, так как тогда, по крайней мере, он будет знать, что читает их в беспорядке; следуя же порядку, в котором они даны редактором, он будет уверен, что читает их в приблизительном порядке, в то время как на деле он будет их читать все равно в хаотическом беспорядке.

Какими соображениями руководствовался редактор, располагая так письма, — понять невозможно. При отсутствии каких-либо дат, ему следовало внимательно проанализировать содержание писем, установить последовательность событий на отдельных частных моментах и сверить имеющиеся в них фактические указания с различными другими источниками, — таким путем он мог бы с известной степенью приближенности определить их даты во времени и их последовательность в отношении друг к другу. Такая работа редактором ни в какой степени не проделана, — вот несколько выразительных примеров: о Селитреином сначала речь идет как об уже уехавшем (письмо № 4), а затем следом дается сообщение об его отъезде (письмо № 5); о возвращении В. И. Засулич домой от Ф. М. Степняк, где она прожила несколько дней в период похорон С. М. Степняка, мы узнаем раньше (письмо № 26), чем прочитываем письмо, написанное Засулич во время этого самого пребывания у Степняка (№ 27); о Шмулевиче мы сначала читаем как об уехавшем в Америку (письмо № 8), а потом, что его присутствие в Лондоне нервирует Засулич (№ 13); о Иотресове сначала сообщается, что дело его усложняется и арест затягивается (№ 43), а сообщение о самом аресте дается только позднее (№ 45) и т. д.

Если такие грубые ошибки делаются в таких элементарных вещах, то легко себе представить, как верна датировка писем в случаях несколько более сложных. Мы уже говорили выше о письме (№ 8) с отзывом о Волгине, которое Л. Г. Дейч принял за отзыв о Бельтове, — это письмо им отнесено к началу 1895 г., в то время как оно относится к началу 1896 г. (оно при хронологически правильном расположении писем должно стоять не под № 8, а под № 28!). Подобных примеров можно привести сколько угодно. Например, письма №№ 12, 16, 18 относятся тоже не к 1895, а к 1896 г. (в них речь идет о статье Э. Маркс-Эвелинг, напечатанной в майском листке «Работника» за 1896 г.), наоборот, письмо № 36, отнесенное к 1896 г., на самом деле написано явно в 1895 г. и предшествует письму № 23; письма №№ 63, 64, 69 относятся не к 1897 г., а к 1898 г., и т. д. Едва ли не самой грубой является ошибка с письмом № 56, которое отнесено к началу 1897 г., в то время как на деле оно относится к 1899 г. (в нем речь идет о слухах про объединение «Рабочей мысли» с «Рабочим знаменем», — организаций, которых в начале 1897 г. вообще не существовало!).

Перечислять все ошибки Дейча в датировке писем совершенно невозможно, — для этого пришлось бы перебрать все письма по порядку и каждому письму посвятить минимум по 10—20 строк, заполненных анализом мелких указаний, — работа, которая неизбежна для редактора при всяком издании документов, но выносить которую в печать далеко не всегда бывает интересно и нужно. Но для общей характеристики работы редактора, думаем, достаточно и того, что уже сказано. Можно только пожалеть, что редакция сборников «Группа „освобождение труда“» не отнеслась с большей любовью и уважением к печатаемым ею ценным документам.

Читателю же, который захочет письма Засулич прочесть с пользой для себя, мы посоветуем читать их в следующем порядке (цифры означают номера писем,— так, как они напечатаны в сборниках),—в общем и целом этот порядок будет соответствовать порядку хронологическому:

1, 2, 3, 5, 6, 7, 15, 22, 21, 17, 10, 19, 11, 9, 4, 14, 36, 23, 20, 24, 55, 13, 25, 27, 26, 28, 33, 8, 16, 34, 35, 39, 18, 12, 29, 40, 48, 31, 38, 37, 46, 53, 47, 51, 54, 50, 32, 30, 45, 49, 44, 57, 41, 42, 43, 58, 59, 60, 52, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 63, 69, 64, 56.

Б. Николаевский.

II. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ИСТОРИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

А. К. Топорков. Элементы диалектической логики. М. «Работник просвещения», 1927, стр. 135.

Рецензируемая книга является одной из первых попыток систематического изложения и анализа элементов диалектической логики и поэтому заслуживает подробного рассмотрения. В предисловии автор указывает на основную мысль, проходящую через все главы работы, состоящую в том, что «диалектический метод теснейшим образом связан с системой. Нет нейтральной диалектики. Есть диалектика идеалистическая и диалектика материалистическая». В силу этого диалектика Гегеля не может быть механически перенесена в марксизм. Само изложение элементов диалектической логики, говорит автор, «не может быть не диалектическим», и этот диалектический подход сказался в двух отношениях: 1) во взгляде на материалистическую диалектику как на еще не сформировавшуюся отрасль знания, 2) в расположении излагаемого материала.

Первая глава посвящена учению о противоречии. Автор правильно указывает на то, что учение о противоречии является одним из важнейших элементов диалектической логики.

Гегель дал блестящую и поразительно глубокую критику законов формальной логики, доказав, что тождество формальной логики является пустым, «отвлеченным тождеством». По Гегелю тождество и различие неразрывно связаны между собою; нет тождества без различия и нет различия без тождества.

«Учение Гегеля о противоречии в существенном удерживается в диалектическом материализме» (стр. 28), с той разницей, что диалектика мышления является здесь лишь копией диалектики бытия. «Если иметь в виду это основное различие между диалектикой Гегеля и диалектическим материализмом и вытекающими из него последствиями в остальном [что это за «последствия» и в чем — «остальном»!], то нет существенного различия между пониманием противоречия, как оно формулировано Гегелем, и тем, которое мы находим у Энгельса». Этим утверждением, собственно говоря, и ограничивается анализ учения диалектического материализма о противоречии!

Вторая глава содержит в себе учение о понятии и построена по такому же принципу, как и первая: сперва идет разбор учения о понятии формальной логики, затем анализ гегелевского учения о понятии и, наконец, учение о понятии марксизма. Автором правильно отмечены те моменты в гегелевском учении о понятии, которые имеют для марксизма существенное значение, — учение о всеобщности, частности и единичности. Отмечена также идеалистическая сущность понятия Гегеля, отождествлявшего понятие с «чистым самосознанием». Переходя к учению о понятии диалектической логики, автор останавливается, прежде всего, на тех мыслях, которые Маркс высказал в предисловии к «Критике политической экономии».

Само понятие конкретного у Маркса выступает в двояком виде — в мышлении оно выступает как результат, для наглядного представления — оно исходный пункт. Однако для Маркса, как говорит автор, нет двух образов конкретного: «конкретное как отправной путь, и конкретное как результат, — являются двумя крайними точками, в пределах которых развивается логический процесс познания» (стр. 49).

Конкретное как отправной пункт есть «хаотическое» представление о целом, конкретное во втором случае — результат многочисленных определений и отношений. В самом познавательном процессе достигается единство этих двух конкретных, познавательный процесс расчленяет, объединяет и «воссоздает» наличную данную действительность. Из всего сказанного ясно видна неправильность упреков, направленных по адресу Маркса, — упреков то в одностороннем эмпиризме, то в рационализме. Оба момента диалектически сочетались в нем.

Третья глава трактует об умозаключении.

Здесь мы встречаемся, прежде всего, с учением о выводе, которое существует в формальной логике. Автор останавливается на общих свойствах дедуктивного умозаключения, как его понимает формальная логика, и задается вопросом: «правильно ли

понимает умозаключение формальная логика, правильно ли она истолковывает наше пользование общими законами?» (стр. 62). Для ответа на этот вопрос он разбирает сначала те соображения, которые приводит Милль против силлогизма. В противоположность формальной логике, которая учит, что истинность вывода зависит от истинности большей посылки, Милль утверждает, что истинность большей посылки зависит от истинности вывода. По мнению автора, Милль прав, большая посылка и вывод взаимно друг друга предполагают. Далее автор переходит к учению современной логики об индукции и останавливается на индуктивных методах Милля. Разбирая их, он показывает их несостоятельность; уже в самих формулировках их «Милль явно допустил тот догматизм мышления, который является характерной чертой английского эмпиризма» (стр. 67).

У Энгельса мы находим резкую критику подобного рода эмпиризма. У Гегеля учение об умозаключении являлось развитием учения о понятии. Разбору этого учения автор уделяет немало страниц, отмечая наиболее характерные моменты этого учения; сюда относится, напр., мысль Гегеля, что термины умозаключения являются его «моментами», благодаря чему их нельзя мыслить оторванно друг от друга. Сюда же следует отнести утверждение Гегеля, что через умозаключение понятие получает расчленение, диференцированное единство и содержательность. Совершенно правильно подчеркивает автор, что особенный интерес для современного читателя представляет учение Гегеля об «умозаключении рефлексии», в котором Гегель критикует всю современную логику, с ее противоположением дедукции и индукции. Особенно высоко ставил Гегель разделительные умозаключения, ибо в них с наибольшей ясностью выступают все три момента понятия — общность, частность и единичность — в их единстве.

Диалектическая логика может согласиться с наиболее ценными моментами учения Гегеля об умозаключении, а именно с тем, что термины суждения и умозаключения находятся в необходимой связи друг с другом и что «само умозаключение есть процесс, который ведет к единству мысли и дает ей содержательность» (стр. 76). Останавливаясь далее на диалектическом рассмотрении познания, автор усматривает в нем две стороны: опыт и гипотезу, и показывает неразрывную связь их. Всякая гипотеза возникает из опыта, но и всякий «научный опыт проникнут гипотетическими элементами» (стр. 78).

Дедукция и индукция в материалистической диалектике являются необходимыми восполняющими друг друга моментами. Свое положение автор подтверждает рядом цитат из «Диалектики природы» Энгельса. Полной теории умозаключения в материалистической логике пока нет, однако фундамент ее уже заложен Гегелем.

Четвертая глава носит название «Историзм». Здесь автор указывает сначала на тот характер, который носил историзм у теоретиков так называемой «исторической школы», блестящую критику которой дал Маркс в своем «Философском манифесте исторической школы». Переходя далее к историзму Гегеля, автор справедливо утверждает, что историзм Гегеля совпадает с диалектикой и что всю философию Гегеля можно назвать исторической par excellence. В «Феноменологии духа» Гегель убедительно показывает, что «всякое сознание коллективно» и «всякое сознание исторично» (стр. 94). Отмечает автор учения Гегеля о нераздельности истины и лжи, об относительности «истины», о сохранении предыдущих состояний в виде моментов в последующих состояниях. «История, — говорит автор, — вовсе не есть только кладбище, она есть живая сила, причем прошлое сохраняется в настоящем, богатое содержание культуры является результатом усилий многих поколений. Историзм Гегеля, таким образом, является своеобразным синтезом исторической школы и французской революционной идеологии» (стр. 95).

Историзм у Гегеля приобретает универсальное значение. Маркс и Энгельс поняли революционное содержание диалектического метода Гегеля и оценили этот метод по достоинству. Сам диалектический материализм по существу историчен.

Последняя глава посвящена анализу конкретной мысли. Гегель заложил основы для диалектического понятия анализа, указав, что каждый элемент анализа

может быть понят через свое отношение к другим моментам и вне этой связи теряет свой смысл. Ленин гениально применял диалектически понятый анализ на практике, например, в своей речи о профсоюзах. Определение конкретности мысли, встречающееся в немецком классическом идеализме, конечно, не может быть принято материализмом, так как он не мог удовлетвориться деятельностью чистого самосознания. Некоторый шаг вперед к конкретности был сделан Фейербахом, однако «человек» Фейербаха так же отвлеченен, как самосознание Гегеля! От отвлеченного человека Маркс перешел к живым людям в их исторической обстановке. «Последнее основание диалектической логики лежит в диалектическом отношении человека к природе. Диалектическая мысль является осознанием этого отношения» (стр. 127).

В заключение автор говорит о связи диалектики с практикой, о диалектическом единстве теории и практики, о том, какую роль играла диалектика в революционной тактике, примеры чего мы находим у Ленина.

Во всякой практической работе, если к ней внимательно присмотреться, колоссальную роль играет ее диалектическая природа. Возьмем ли мы планирование или установление норм работы, — всюду мы увидим диалектику, и надо только правильно понять диалектическую природу всех сторон практической деятельности, чтобы достичь в них наибольшего эффекта.

Таково содержание рецензируемой книги. Рамки рецензии не позволяют подробно остановиться на критике ее. Отметим лишь, на наш взгляд, самые существенные положительные стороны и недостатки. Нельзя не признать ценной самую попытку дать систематический анализ элементов диалектической логики, поскольку мы до сих пор не имели сколько-нибудь систематических исследований в этой области, являющейся столь важной для диалектического материализма.

Однако необходимо отметить, что те части работы, которые относятся непосредственно к анализу материалистической логики марксизма, оставляют желать многого. Прежде всего мы считаем совершенно неправильным пропуск такого существеннейшего учения марксистской диалектической логики, как переход количества в качество и обратно. Ссылка на небольшой объем работы не может, конечно, служить основанием для этого. Самый анализ марксистской диалектической логики ведется далеко не углубленно, порой нет вовсе никакого а н а л и з а, а просто отсылка к Гегелю, хотя сам же автор подчеркивает, что нельзя переносить без изменения категории гегелевской логики в марксизм. Марксистская литература использована автором далеко не полно и часто неглубоко, например, ленинский фрагмент о диалектике дает очень много весьма ценного материала для заключений о диалектической логике марксизма, а он почти не использован автором! Мало использована и «Диалектика природы». Кроме этих основных недостатков в работе есть и мелкие погрешности, к которым относится, например, противоречие у автора по вопросу о прирожденности некоторых познаний. Хотя автору, не удалось вполне справиться со своей задачей, но все же его работу можно признать полезной для общего и первоначального ознакомления с основными элементами диалектической логики.

А. Ф. Лосев. А н т и ч н ы й к о с м о с и с о в р е м е н н а я н а у к а. Издание автора, М., 1927, стр. 550.

В этой работе, представляющей собой «соединение ряда отрывков из материала по истории позднейшей античной и ранней средневековой науки и философии», А. Ф. Лосев предлагает «посмотреть на древне-греческий космос и его пространство совсем другими глазами, чем это излагается в обычных исследованиях и руководствах в данной области».

Ограничиваясь «только одной магистралью в греческой науке и философии», А. Ф. Лосев имеет в виду, главным образом, космос Платона, Плотина, Прокла и отчасти Николая Кузанского, причем «существенной чертой этого космоса является его д и а л е к т и ч е с к а я с т р у к т у р а». Изучая «пространственное формообразование космоса в древне-греческой диалектике», А. Ф. Лосев не дает ни истории космоса ни греческой космографии, а хочет дать «стройное и законченное здание античного кос-

мос в его полном и систематическом завершении», которое «незаметно руководило всяким греческим астрономом и философом, когда он строил свои странные с нашей точки зрения конструкции». При этом А. Ф. Лосев хочет «сделать это в совершенно точных и кратких формулировках, не гоняясь за противоречивыми формулами и терминами фактической истории греческой астрономии и философии» (стр. 13). Итак, А. Ф. Лосев задается целью «реконструировать идеальную схему античного космоса, пользуясь отдельными осколками его у многочисленных авторов».

Таковы цели автора, в его собственных формулировках. Признавая, что, «умея отделять диалектику от мифа, науку от верований, мы сможем извлечь для себя многое из античной диалектики, применяя ее к нашему опыту и нашему миропониманию», А. Ф. Лосев не рекомендует, однако, «гражданам социалистического государства подражать античному космосу», ибо для нашего века «диалектического материализма все это давным-давно отжило и, взятое в своей непосредственности, должно считаться забытым хламом веков». А. Ф. Лосев предлагает «или дать волю чистой диалектике — и тогда прощай диалектический материализм и марксизм! Или мы выбираем последние — и тогда прощай античная диалектика с ее космосом и прочими бесплатными приложениями!» Для самого автора «Античного космоса и современной науки», разумеется, выбор ясен. Подражая античной диалектике, мы обязательно должны «переводить ее на язык нашего научного сознания» (стр. 7).

К сожалению, остается невыясненным, почему автор обособляет, разделяет друг от друга диалектический материализм и марксизм. Еще печальнее невыясненность того, что именно автор именует «языком нашего научного сознания», «тем новым мировоззрением, к которому стремится и отчасти уже пришла современная точная наука».

В параграфе 2, озаглавленном «Определение диалектики», говорится об авторах, «всуе приемлющих имя диалектики», о том, что «в голове этих авторов диалектика не отличалась ни от формальной логики ни от естественных наук, а понималась в общем обывательском смысле как знание чего-то мыслительного и выводного, как будто бы все, что дано в мысли и подчиняется логическим законам вывода и умозаключения, тем самым уже есть предмет диалектики. Впрочем, так понимают диалектику не только невежды и обыватели, но те, кто занимает то или другое солидное место в истории философии XIX и XX века» (стр. 13—14). К сожалению, автор не дает себе труда формулировать и о б о с н о в а т ь свое понимание отношения между формальной, гносеологической и диалектической логикой. А выполнить эту очередную задачу философской мысли было бы гораздо существеннее для научного подхода к теме, чем давать — в форме декретов и волеизъявлений — характеристики «эйдоса» и «логоса» и изрекать немотивированные по существу и зачастую вызывающие недоумение своей лаконичностью и кажущеюся безапелляционностью приговоры о различных исследователях. Вызывает недоумение и утверждение, что «диалектика берет во внимание не вещь целиком, не всю ее полную и окончательную явленность, но лишь логические и категориальные скрепы ее, лишь ее эйдетический скелет как вещи, например, диалектика говорит об едином, многом и т. д. Какое содержание имеют все эти категории в том или ином опыте, ее нисколько не интересует, ибо это дело уже мифологии — вскрывать содержательную глубину той или другой категории. Диалектика говорит только об одном: е с л и е с т ь п р е д м е т, т о к а к о н м ы с л и м? А есть ли предмет на самом деле и какой именно есть предмет, для нее совершенно не интересно» (стр. 15). Не самообман ли такое определение диалектики?

Что же касается данных в параграфе 9 дефиниций, которые автор в особенности рекомендует «проштудировать», то ведь сам А. Ф. Лосев «знает, что завтра мне, быть может, самому покажутся чудовищными и смешными эти аналогии». Нельзя не признать, что А. Ф. Лосев проделал в переводах из Плотина и Прокла огромный труд. И здесь, однако, некоторые из утверждений автора оправданы быть не могут. Ограничусь одним из них. На стр. 11 мы читаем: «Нам говорили об «идеях» Платона, которых у самого Платона, кстати сказать, днем с огнем не сыщешь, и совершенно не излагали астрономию Платона, в которой, если уже говорить об идеях, только

можно найти конкретное выражение и воплощение этих идей». А в примечании 214 (на стр. 514, 515, 516) указываются и классифицируются тексты Платона с термином ἰδέα, вовсе не исключительно относящиеся к астрономии.

В целом же работа А. Ф. Лосева, написанная с точки зрения своеобразного сочетания мистики с гуссерлеанством, с подлинной диалектикой ничего общего не имеет. Впрочем и вреда особенного она принести не может, так как язык ее отпугнет всякого, кто прочтет в ней хоть несколько страниц. Во всяком случае книга по своему содержанию симптоматична и заслуживает самой резкой критики, как свидетельство живучести до сих пор самых реакционных форм идеализма.

Н. Н. Иовлев. Из истории развития понятий о пространстве, времени и движении. Гостипография «Красный Восток», Баку, стр. 31.

Очерк Н. Н. Иовлева является продолжением его книги «Главные методы обоснования геометрии Лобачевского». Констатировав, что «на протяжении всей истории философии происходила и доселе продолжается борьба двух течений — идеалистического и материалистического», Н. Н. Иовлев утверждает, что философия древнейшей греческой философской школы — ионийской — «была первая материалистическая философия», игнорируя, таким образом, материализм в Индии. Гераклита нельзя причислять, как это делает Н. Н. Иовлев (стр. 1), к школе, которая «основывала свою философию на вере чувствам и восприятиям». При изложении взглядов Демокрита упускается из виду его значение в истории математики. Не указаны существенные отличия эпикурейской теории материи от воззрений Демокрита. В главе «от Ньютона до Лобачевского» заслуживает внимания изложение взглядов Беркли, основные положения теории которого резюмированы очень хорошо. Взгляды Канта также изложены удовлетворительнее, чем это делается в иных монографиях. Наибольший интерес в труде Н. Н. Иовлева представляет изложение взглядов К. И. Лобачевского, особенно выдержки, относящиеся «к отрицанию закона параллелограмма сил» и определения движения и времени, из которых вытекает, что Лобачевский «и в области начал механики был, несомненно, таким же смелым реформатором-революционером, как и в области геометрии» (стр. 30).

И. Вороницын. История атеизма. Выпуск I, стр. 124. Выпуск II, стр. 143. Выпуск III, стр. 87. Выпуск IV, стр. 245, изд. «Атеист».

И. Вороницын задается целью: «1) дать возможно полную и яркую картину борьбы с религией в прошлом и этим попытаться восполнить существующий в нашей антирелигиозной литературе досадный пробел; 2) объяснить наиболее важные исторические проявления этой борьбы той общественной обстановкой, с которою они связаны, и интересами тех социальных групп, которые вынуждались в процессе классовой борьбы пользоваться орудием религиозной критики; 3) проследить постепенное усовершенствование оружия религиозной критики в связи с развитием материалистической философии и тем самым дать максимально полный ассортимент как против отдельных религиозных догм, так и против религии вообще» (стр. 4). В вышедших до сих пор выпусках «Истории атеизма» эти задания выполнены не в одинаковой степени удовлетворительно по отношению к рассматриваемым эпохам.

Главы, входящие в первый выпуск, охватывающий период от древних времен до подготовки «просвещения» во Франции, а также английский деизм и немецкое свободомыслие в XVII и первой половине XVIII столетия, проработаны, как признает сам автор «Истории атеизма», «за малыми исключениями не по первоисточникам». Начиная изложение с космогоний греческих философов, И. Вороницын не упоминает об одном из древнейших проявлений антирелигиозности, о вольнодумстве чарваков. Упоминая о не имеющих отношения к атеизму натурфилософских системах, И. Вороницын не касается греческого «просвещения», не выясняет культурного значения софистов. Утверждение, что «высшие формы идеологии» (в древней Греции) «...не дают ясно выраженных черт классовой идеологии. Борьба классов протекает в низах духовной жизни и не поднимается на ее вершины» (стр. 7), не соответствует действительности

в этических воззрениях греческих мыслителей борьба классов находит весьма характерное выражение. Из эпикурейцев И. Вороницын рассматривает только Лукреция, не упоминая ни о распространении эпикурейских и скептических тенденций в широких кругах римского общества, о котором свидетельствует хотя бы сочинение Цицерона «О природе богов», ни о средневековых эпигонах эпикуреизма, которым Данте отвел место в своем «Аду» на ряду с Эпикуром.

Утверждения, что «христианство развилось и приобрело чудовищную власть лишь как идеология феодализма» и что «христианство без труда возобладало над политеизмом латинского мира» (стр. 25) вызывают недоумение. Существеннейшим из пробелов в первом выпуске «Истории атеизма» является умолчание о характерных проявлениях вольномыслия у таких деятелей английской революции 1640-х годов, как Мартен и некоторые из левеллеров.

Во втором выпуске, посвященном атеистическому материализму французских просветителей и представляющем собой «самостоятельное развитие этой большой и важной темы», И. Вороницын дает «лишь основные и наиболее характерные» черты антирелигиозности той эпохи, причем «второстепенные и не вполне атеистические черты затронуты мимоходом или, в интересах большей связности рассказа, опущены». Эта эпоха изложена наиболее удовлетворительно. И. Вороницын относится критически к работам своих предшественников и поправляет их ошибки,— например, он опровергает взгляд Ф. Маутнера, отрицавшего самое существование священника Мелье.

Третий выпуск посвящен борьбе с религией и атеизмом в эпоху Великой французской революции. И. Вороницын не принимает во внимание исследований А. Матьеза, установившего, что активнейшими инициаторами антихристианского движения в Париже были «снисходительные», дантонисты, между тем как «крайние» «вовсе не играли той главной роли, которую им приписывают, а скорее следовали за движением, чем возглавляли его» («Robespierre et la déchristianisation» в «Annales révolutionnaires», 1909. Излагая деятельность Анахарсиса Клоотса, И. Вороницын не упоминает об его «Certitude des preuves du Mahométisme». В «довольно глубоко продуманном теоретическом анархизме» Клоотса И. Вороницын совершенно неосновательно усматривает «социальное устремление». Клоотс вовсе не был идеологом антикапитализма. Его атеизм вовсе не был «органически слит со стремлением преодолеть буржуазный республиканизм»; его космополитизм не исключал лозунга «война до победного конца». И. Вороницын не отмечает ни выступлений Шалье, у которого антирелигиозные тенденции действительно находились в связи с антикапиталистическими, ни пропаганды Моморо. И. Вороницын считает культ разума по существу атеистическим; на самом деле, большинство его участников не шло далее деизма, и притом не вольтерианского, а руссоистского. Продолжать называть М. Робеспьера «главой религии» после детальных и фактически обоснованных возражений А. Матьеза против этой оценки нет оснований. Утверждение И. Вороницына, что «отрицательное отношение к атеизму в этот период соответствует защите экономических и политических интересов состоятельных классов» (стр. 60), есть априорная схема, опровергаемая хотя бы тем, что к числу противников атеизма и эбертистов принадлежали такие деятели, как Буонаротти, роль которого в истории социализма, как признает И. Вороницын, «велика и почетна».

В четвертом выпуске «Истории атеизма» И. Вороницын характеризует «немецкое просвещение и его зависимость от французского просвещения и революции», доводя изложение до религиозного свободомыслия у последователей Канта, а затем повествует о борьбе с церковью и о религиозном свободомыслии в России до конца XVIII века. Указав на прямое влияние «теорий и деяний» французских просветителей и революционеров, наблюдаемое в Германии и в России большею частью в весьма смягченных формах, И. Вороницын объясняет это смягчение теоретических выражений свободомыслия в тех странах, «куда из Франции залетали тлеющие искры революционного пожара и где зеленые ростки капитализма пробивались уже на засоренной феодально-сословным строем почве», значительною отсталостью этих стран в области экономической и «обусловленным этою отсталостью медленным и вялым темпом развития тех форм общественного сознания, которые отражали возникновение новых отношений» (стр. 3).

И. Вороницын выясняет, что «неокрыленная социальной борьбой немецкая общественная мысль в области критики религии не даст ничего нового и своего»; «осторожный и компромиссный деизм» с трудом вытесняется радикальными теориями французских просветителей. Заслуживает внимания меткая характеристика Г. С. Реймаруса, не дошедшего — вопреки мнению Куно Фишера и Маутнера — до «чистого» деизма, ведшего «благонамеренный образ жизни ученого филистера», предпочитавшего по собственному характерному признанию, «чтобы толпа еще некоторое время заблуждалась», и «тайно нанизывавшего» в своем посмертном труде под предлогом «защиты разумных почитателей бога» от правоверных теологов ряд доводов против христианской религии.

В главе «Французская философия в Германии» И. Вороницын указывает на «весьма грубую ошибку», которую совершил «почтенный историк атеизма Маутнер», не распознавший французского происхождения книги, переведенной на немецкий язык под заглавием «Философская история суеверий», и приписавший ее авторство издавшему ее немцу Паальцову. Взгляды Лихтенберга, в отличие от других немецких просветителей доходившего до отрицания практической ценности религии, И. Вороницын считает «при всем их радикализме, а может быть и «вследствие их радикализма» не соответствовавшими духовным запросам его времени» (стр. 55). Относительно Канта И. Вороницын считает «вполне допустимым» предположение, что он «был атеистом для себя», присоединяясь к толкованию, предложенному Генрихом Гейне, но признает, что у Фихте «об атеизме в собственном смысле не может быть и речи», противореча, таким образом, своему утверждению, что Фихте был последовательнее Канта. Философские положения Фихте И. Вороницын признает совершенно абсурдными, «с точки зрения простого здравого рассудка». Неясно, что именно разумеет И. Вороницын под «сложной системой метафизических лесов», которые (леса) «во многих случаях у Фихте стоят более незыблемо, чем само здание» (стр. 74).

Главы, относящиеся к русскому вольнодумству, свидетельствуют о более критическом отношении к литературе предмета. «Жидовство» И. Вороницын правильно считает «самостоятельным порождением условий русской жизни, лишь отчасти испытавшим иноземные влияния». В вольнодумстве Петра I в религиозных вопросах И. Вороницын правильно усматривает «только самодурство да озорство под пьяную руку». Обычный взгляд на кн. Щербатова, как на деиста, И. Вороницын признает совершенно неправильным. Вообще И. Вороницын старается глубже осветить причины и характер западного влияния на русскую интеллигенцию XVIII века, чем это делали исследователи, «в лучшем случае останавливавшиеся на полдороге». Заслуживают внимания существенные поправки, вносимые И. Вороницыным в традиционные представления о «русском вольтерьянстве» выяснение разнородности течений, объединяемых под этим наименованием, и характеристика «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — этой энциклопедии чувств и взглядов передового русского человека XVIII века.

III. ПСИХОЛОГИЯ И МАРКСИЗМ

В. А. Артемов. Введение в социальную психологию. Издание автора, 1927, стр. 86.

Работа В. А. Артемова представляет интерес, главным образом, поскольку в ней критикуются взгляды «авторов субъективной социальной психологии». В первой главе, занимающей более половины книги, В. А. Артемов излагает историю вопроса о том, как следует понимать социальную психологию, что должно составлять предмет ее изучения и какими методами она имеет право и должна пользоваться. Резюмируя принципиальные положения «субъективной эмпирической психологии» по этому вопросу, В. А. Артемов пытается «найти некоторую общность в различных направлениях этой школы». Один из наиболее характерных признаков «субъективного эмпиризма в пси-

хологии» В. А. Артемов усматривает в философском эклектизме. Уже у Лацаруса и Штейнталя, которые впервые определенно противопоставили индивидуальную психологию психологии социальной («психологии народов»), основные положения, характеризующие соотношение между той и другою, «были основаны на полном игнорировании социально-экономических факторов в психологии народов и на достаточно беспринципном смешении различных философских систем» (стр. 9). Штейнталь исходил из философии Гегеля, но, под влиянием гербартианца Лацаруса, облек мысль Гегеля о национальном духе «в одеяния совершенно неподходящей к ней философии», так как гербартианская атомистика души и национальный дух Гегеля относились друг к другу, по выражению Вундта, «как вода и огонь». Уже у Лацаруса и Штейнталя обнаруживается основное, «сохранившееся до наших дней», противоречие: с одной стороны, так называемая индивидуальная психология была резко отграничена от так называемой социальной психологии («психологии народов»), противопоставлена ей; с другой стороны, между ними была установлена «достаточно определенная аналогия при эмпирическом указании на известную зависимость индивидуальной психики от жизни общества». Признавая, что исторически мы не вправе предъявить к Лацарусу и Штейнталю требования дать приемлемую для нас теорию взаимоотношений между индивидуумом и обществом, так как «для этого необходимо было явиться Марксу», В. А. Артемов полагает, однако, что они обязаны были «более принципиально разобраться» в этой проблеме, и обвиняет их в «голом эмпиризме», который «никогда не может претендовать на полную научность» (стр. 10).

Критикуя взгляды Вундта, В. А. Артемов указывает на «основное противоречие», заключающееся в отведении индивидуальной психологии совсем изолированного от социальной психологии места при наличии эмпирического утверждения об определенной зависимости индивида от общества», и выражает мысль, что дать «принципиально четкие утверждения о соотношениях так называемой индивидуальной и социальной психологии» вообще невозможно «без соответствующих предпосылок исторического и диалектического материализма». У нео-позитивистов и в частности у основателя био-социальной гипотезы Е. де-Роберти также не оказывается «четкой формулы соотношения личности и общества, которую, по нашему мнению, дает лишь марксизм» (стр. 27).

Производя «довольно тщательный анализ» «коллективной рефлексологии», В. А. Артемов усматривает ряд противоречий в ее принципиальных предпосылках и приходит к выводу, что обширный труд академика В. М. Бехтерева «зачастую представляет собой не что иное, как своеобразный перевод на язык рефлексологии все той же «социальной» психологии, построенной на основах субъективного эмпиризма» (стр. 52) и что, допуская существование «достаточно метафизической» над-органической рефлексологической энергии, Бехтерев полагает в основу коллективной рефлексологии, «претендующей быть безупречной социальной наукой», исключительно биологическое понятие упомянутой «социальной» энергии (стр. 60). Противоречия Бехтерева в понимании коллективных форм поведения человечества объясняются отсутствием у него «диалектического анализа действительности и ложным пониманием законов социально-экономической жизни человеческого общества, а также отсутствием определенных взглядов на взаимоотношения личности и общества» (стр. 68). Индивидуальная же рефлексология, «поскольку она остается рефлексологией и не переходит в психологию», построена Бехтеревым «вне какой бы то ни было зависимости от социальной жизни человеческого общества» соответственно «наивно-материалистической точке зрения в понимании поведения человека», которая, «в сколько-нибудь выдержанной ее форме, возможна лишь при полном игнорировании социально-экономических факторов этого поведения» (стр. 71).

Положительная часть работы В. А. Артемова представляет собой «некоторую попытку марксистского понимания данной проблемы». Считая необходимым «перейти для правильного разрешения данного вопроса на марксистскую точку зрения» и полагая, что читатель «знаком с точкой зрения диалектического и исторического материализма по вопросам диалектического развития материи, роли личности в историче-

ском процессе» и «помнит теорию базиса и надстройки», — В. А. Артемов считает себя «вправе вести дальнейшее изложение таким образом, как будто все указанные вопросы достаточно хорошо известны нашим читателям» (стр. 74). Отождествляя психологию с «поведением» и «включая в это поведение не только всевозможные юридические, бытовые, эстетические и прочие нормы, но также и речевые, пантомимические, мимические, эмоциональные и прочие реакции», В. А. Артемов чрезмерно упрощает свою задачу. В заключение В. А. Артемов приходит к выводу, что «существует единая социальная психология, разделяющаяся по предмету своего изучения на социальную психологию индивида и социальную психологию коллектива» (стр. 84), «или, вернее, общую психологию и следует называть социальной психологией, подразделяя ее на социальную психологию индивида и социальную психологию коллектива, так как никакой другой психологии, кроме социальной, вообще говоря, не существует» (стр. 85).

В. М. Боровский. Введение в сравнительную психологию. Изд. «Работник просвещения», М., 1927, стр. 264.

С точки зрения В. М. Боровского предметом изучения психологии является поведение человека. «Единый предмет изучения» делает «единой и цельной нашу науку». Дарвинизм «наметил основные вехи совершенного понимания биологической основы психологии, марксизм дает научное выражение законов «социальной жизни человека, составляющей вторую — социальную — основу психологии». Итак, дарвинизм и марксизм,— «вот те две ноги, на которых утверждена биосоциальная или социобиологическая наука—психология», причем «обе основы не механически смешаны, а химически соединены, как вода из H_2 и O» (стр. 9).

Подчеркивая, что у психологии имеется «своеобразная область», В. М. Боровский усматривает «самое характерное» различие между психологией и социологией в том, что физиология вовсе «не интересуется тем свойством реакций, о каковом мы говорили, как о биосоциальной ценности реакций» (стр. 17).

Констатируя, что «еще недавно психологию в общей скале наук ставили между биологией и социологией», но что «теперь это уже не совсем верно», так как психология «за последние годы выросла» и «втянула в сферу своих интересов» не только педагогику и психопатологию, но и поведение человеческого общества, В. М. Боровский полагает, что «синтез данных социологии и биологии должен производиться психологией» (стр. 18).

Выбор описываемых простейших видов реакций организма, характеристика реактологического и рефлексологического методов и точные указания по литературе предмета делают труд В. М. Боровского ценным пособием для учащихся и вообще для интересующихся «психологией поведения».

Заслуживают внимания критические замечания о границах термина «рефлекс» (стр. 76—77) и по вопросу об «инстинктах» и их свойствах.

Относительно «социального поведения» В. М. Боровский приходит к выводам, что «все попытки проведения сравнений между развитием общественной жизни насекомых и общественной жизнью человека не имеют под собой никакой научной основы» (стр. 249), «что о социальной жизни высших животных, кроме человека, точных наблюдений или экспериментальных исследований существует очень мало» и что «поведение человеческого коллектива» составляет предмет особой науки (стр. 263).

В. Н. Волошинов. Фрейдизм. Критический очерк. Государственное издательство, 1927, стр. 164.

В. Н. Волошинов подвергает «все стороны фрейдизма» объективному анализу и дает «марксистскую оценку этого учения». Констатировав, что успех фрейдизма в широких кругах европейской интеллигенции вызван вовсе не специально научной психиатрической стороной этого учения, но что Фрейд сумел «задеть за живое современного буржуа именно основным мотивом своего построения», В. Н. Волошинов усматривает этот основной мотив, эту «идеологическую доминанту» фрейдизма в том,

что «все содержание жизни и творчества» человека «всецело определяется судьбами его полового влечения», а «все остальное лишь обертоны основной, могущественной мелодии сексуальных влечений» (стр. 15). Признавая, что Фрейд чрезвычайно «расширил и обогатил» понятие сексуальности, обнаружив «разнообразие новых моментов и оттенков, до него научно совершенно не обследованных, вследствие чудовищного лицемерия официальной науки во всех вопросах, касающихся половой жизни человека», что психоанализ обнаружил много неожиданного и в вопросе о связи между сексуальностью и возрастом, и подчеркивая, что это нужно помнить при оценке «психоанализа», В. Н. Волошинов выясняет, что «зазвучавший по-новому» мотив сам по себе стар,— «это лейтмотив эпох кризисов и упадка», сводящийся к перенесению центра тяжести в изолированный биологический организм, к утверждению, что абстрактно выделенное «не-социальное, не-историческое в человеке» является «высшим мерилом и критерием всего социального и исторического».

По мнению В. Н. Волошинова, «столь разнородных и во многих отношениях несогласных между собой мыслителей современности, какими являются: Бергсон, Зиммель, Гомперц, прагматисты, Шелер, Дриш, Шпенглер — в основном все же объединяют три мотива», а именно, признание изолированного органического единства высшей ценностью и критерием философии, «недоверие к сознанию» и стремление «понять историю и культуру непосредственно из природы, минуя экономику» (стр. 19).

Этому «модному биологизму», крайним полюсом «которого является построение Фрейда, сгущающее в одном сжатом и пряном образе все отдельные моменты современного антиисторизма», В. Н. Волошинов противопоставляет утверждение, что «ни одно конкретное идеологическое образование не может быть объяснено и понято без привлечения социально-экономических условий». Изложив историю развития «психоанализа» и резюмировав фрейдистскую философию культуры, В. Н. Волошинов доказывает, что психоанализ «во всем остается верен точке зрения внутреннего субъективного опыта».

В том, что «фрейдизм — эта психология деклассированных — становится признанным идеологическим течением самых широких слоев европейской буржуазии» В. Н. Волошинов усматривает глубоко симптоматичное явление: «где закрыты творческие пути истории, там остаются только тупики индивидуального изживания обессмысленной жизни» (стр. 137). Заслуживает внимания критика «марксистских апологий фрейдизма». Разрешая эту «мало благодарную задачу», В. Н. Волошинов выясняет, что попытки «вылущить здоровое ядро психоанализа, бессознательно воспроизводящее» положения диалектического материализма, реабилитировать «психоанализ» как психологию «цельной личности, закладывающее твердый фундамент психологии материалистического монизма» и доказать, что взгляды Фрейда на образование идеологий совпадают с марксистской точкой зрения, не выдерживают критики.

И. А. Арямов. Рефлексология детского возраста. Развитие человеческого организма и характеристика разных возрастов. Изд. 3-е. «Работник просвещения», 1927, стр. 116.

Старая эмпирическая психология расщепила человеческую личность и подвергала экспериментальному анализу абстрагированные от конкретной человеческой личности отдельные «способности» человека. Атомизировав, таким образом, человеческую психику, эмпирическая психология пыталась воссоздать ее путем механического сложения отдельно изучаемых способностей. Воссоздание это ей не удавалось. Она оказалась совершенно несостоятельной и беспомощной перед лицом запросов жизни: прежде всего в области вопросов педагогического характера, в вопросах психопатологии и в вопросах о профессиональной пригодности индивидуального участника производственной жизни. Поименованные психологические дисциплины стали жить самостоятельной жизнью, сосредоточившись каждая в своей практической области. Такое положение становилось нестерпимым — особенно потому, что отдельные дисциплины начали сознавать шаткость своих основных теоретических положений.

С другой стороны, место эмпирической психологии пыталась занять физиология человека. Она с давних пор поставляла эмпирической психологии результаты своего

изучения деятельности отдельных функций человеческого организма. Наиболее выдающийся представитель эмпирической психологии (Вильгельм Вундт) назвал один из крупнейших своих трудов «Физиологической психологией». Физиология была в преимущественном положении перед немощной умозрительно-эмпирической психологией. И та и другая изучали отдельные функции человеческого индивидуума; первая, физиология, объективно-научными способами, вторая же, эмпирическая психология, присовокупляла свои «архитектонические» умозрения. Но если эмпирическая психология не в состоянии была изобразить действительную психику человека, то и физиология не могла стать на место действительно научного психологического исследования, исследования полной, целостной, конкретной личности человека.

Под прямым влиянием психотехнических исследовательских работ в Америке возникла (ограниченная по своему характеру) школа бигэвиоризма. Она отличается практической установкой исследования, теоретически же она не отошла от эмпирической психологии, *сосредоточивая свое внимание на отдельных актах человеческого поведения*.

Большое значение имеет немецкая Gestalttheorie. Это учение исходит из постулата целостной психики человека-индивидуума и проявлений ее в действительности.

Таков в общих чертах путь от эмпирической психологии к психологии-науке. Под этим углом зрения названная в заголовке книга, занятая на всем своем протяжении «упразднением» психического и психологии, отдает незнакомством с действительным положением вещей.

Книжка состоит из двух частей: физиологической и описательно-психологической. В первой части автор дает элементарные сведения из области физиологии мозга вообще и павловского учения об условных рефлексах в особенности. Это представляет сокращенное изложение содержания другой книги автора: «Общие основы рефлексологии человека». Кроме того дан еще обзор данных о «строении и деятельности мозга новорожденного». В изложении учения об условных рефлексах автор обнаруживает недостаточное понимание задач и целей психологического исследования.

Объявлять, как это делает автор, что психическая (да еще в кавычках) жизнь животного и человека исчерпывается *условными рефлексами*, значит не понимать существа вопроса. Все же в целом книгу следует признать небесполезной.

IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Th. van der Waerden. *De Grenzen van het histories materialisme*. N. V. «*Ontwikkeling*». Amsterdam, 1927, bez. 63.

Т. ван дер Верден. *Границы исторического материализма*. Амстердам, 1927, стр. 63.

«Советских марксистов» нередко обвиняют в том, что они являются фанатиками и догматиками, превращающими теорию Маркса в монопольное государственное мировоззрение, и поэтому не в состоянии оценить то новое течение в западно-европейской марксистской мысли, которое, особенно в течение последнего десятилетия, якобы научно обосновывает и дополняет материалистическое мировоззрение. Они же все время утверждали и утверждают, — что речь идет не о научном обосновании или ценном дополнении марксизма, а о *ревизии* основных положений исторического материализма, о таком их пересмотре, который означает отказ от его основ и теоретически открывает двери не только кантианствующим идеалистам, но и метафизикам и мистикам всех мастей, практически же свидетельствует о перерождении социал-демократии из пролетарской в мелкобуржуазную партию. Эту оценку как нельзя лучше подтверждает и настоящая брошюра голландского социал-демократа ван дер Вердена.

В Голландии, в стране мещанского застоя и капиталистического пересыщения, вопрос о «границах исторического материализма» дебатируется уже давно, и особенно

оживленно на всем протяжении последнего десятилетия. Нельзя сказать, чтоб этот спор дал сколько-нибудь ценные результаты: это — старые попытки соединения марксизма с идеалистической философией самых различных оттенков — кантианством, психоанализом, психологизмом и всякого рода другими идеалистическими системами. Основной причиной необходимости такого «дополнения» объявляется то, что исторический материализм Маркса и Энгельса — результат научной мысли середины XIX века, и сегодня уже не может устоять перед новыми достижениями в области естествознания и философии. Если это утверждение вообще характерно для ревизионистов, то специфическая религиозная среда Голландии (кальвинизм) придает голландскому ревизионизму еще особый облик; если Плеханов в свое время иронически говорил, что еще не было попытки соединить Маркса с Фомой Аквинским, то такая задача ставится сейчас всерьез теоретиками голландской социал-демократии.

Книжка ван дер Вердена представляет собою серию полемических статей — направленных против Ф. ван дер Гуса — напечатанных в 1926 г. в научно-популярном приложении к «Het Volk». Как в своей прежней книжке «Onze Grondlagen» автор и сейчас считает единственно возможной и научной исходной точкой исследования современное состояние науки, а не XIX век, время происхождения марксизма. Исходя из такого положения, ван дер Верден считает основной заслугой классического марксизма диалектический метод: все находится в постоянном потоке изменений, все развитие совершается путем противоречий. Не говоря ни слова о том, что диалектика бывает идеалистическая и материалистическая, автор считает нужным особенно подчеркнуть, что между эволюцией и революцией нет абсолютной противоположности: революция — внезапная и у с к о р е н н а я эволюция. Выражая удивление, почему исторический материализм вызывает такие большие споры, ван дер Верден видит роковую ошибку в том, что Маркс и Энгельс переплетали исторический материализм (под влиянием материализма XIX века, особенно Фейербаха) с философией, что они рассматривали мышление как что-то вторичное, производное от материального (стр. 20). И автор сразу проводит резкие границы: дело исторического материализма — исследование взаимоотношений экономических отношений и идеологий, исторический материализм — это наука об обществе, социология, и ничего общего не имеет с философией. Исторический материализм принимает a priori реальный, материальный мир и сознание как существующие данные, и исследует только их взаимоотношения в процессе исторического развития. Представление, что мышление есть результат, производное от материи, по автору могло создаться только потому, что в общественном развитии базис, т. е. производительные силы и производственные отношения, определяют надстройку, идеологию. Но что собою представляют эти производительные силы и производственные отношения? Оказывается, что они г л а в н ы м образом состоят из и м м а т е р и а л ь н ы х элементов, ибо производят не м а ш и н ы, а л ю д и, а положение инженера или рабочего на фабрике в первую очередь определяется психологическими факторами (стр. 24). А если при определении базиса исходить не из воли и мышления, т. е. из сущности сознания, вся теория исторического материализма бессмысленна (стр. 26). Отказавшись таким образом от марксизма как от единого мировоззрения и создав себе явно дуалистическую систему, в которой историческому материализму отводится лишь маленькая область в духе буржуазной социологии, ван дер Верден, опираясь якобы на Энгельса, отказавшегося-де от своих «ранних заблуждений», и Маркса, указывает прямой путь к идеализму. «Наши общественно-экономические воззрения, — он говорит, — наша социология может быть принята как верующим человеком, так и атеистом» (34). Недаром же в программе голландской с.-д. партии (1912) сказано, что «капиталистическая система экономически устарела и осуждается с точки зрения нравственности», а не что «она экономически устарела и п о э т о м у осуждается», последняя формулировка означала бы, по мнению ван дер Вердена, зависимость нравственного суждения от экономических факторов, что ни в коем случае недопустимо!

После этого можно себе представить, как голландский ревизионист представляет себе взаимоотношения исторического материализма и морали. Отмежевавшись от клас-

совой морали Германа Гортера и даже от попахивающей мистикой морали Г. Роланд-Гольст, автор, хоть и вынужден признать, что мораль не сверхчеловеческого происхождения, все же приходит к выводу, что «нравственные суждения не вытекают из экономических отношений общества, а коренятся гораздо глубже» (стр. 40), ценность норм морали определяется «внутренними причинами» индивида, а не обществом. Недаром же ван дер Верден с таким восторгом цитирует «психологов» Б. А. Бончера («Over de Evolutie der Moraliteit») и Гендрика де Мана. В главе «марксизм и религия» утверждается, что «не противоречит историческому материализму, что в глубине человека лежит религиозная потребность, остающаяся неизменной (constant)», эта потребность *дана* a priori, как дан и весь человек со своими инстинктами: религию можно рассматривать как угодно, сущность ее этим не затрагивается (стр. 50). «Наше принципиальное положение прежде всего таково, что оно в области этики и культурного идеала оставляет место для всякого мировоззрения» (стр. 52). Классический марксизм, по мнению автора, в состоянии объяснять и предсказывать развитие человеческого общества, но он не дает импульса к этому развитию. «Только тогда, — кончает автор, — когда, при полном применении относительно правильной теории исторического материализма, все же можно дать место и *активному идеализму* (подчеркнуто нами), только тогда можно достигнуть единого и примиряющего мировоззрения, способного устоять в теории и на практике» (стр. 62).

Что же, спрашивается, после такого «пересмотра» остается от исторического материализма? — Ничего, кроме нескольких комплиментов по адресу гениальности Маркса и сильно урезанной «диалектики». Советскому читателю едва ли нужно доказывать, что «пересмотр» и «дополнение» ван дер Вердена означают полнейший отказ от основных принципов марксизма: революционная теория пролетариата превращается в идеалистическую мещанскую социологию, в карикатуру на марксизм. Ван дер Верден устанавливает границы исторического материализма, но проводит их так, что подлинный исторический материализм целиком оказывается вне их.

G. Salomon. *Historischer Materialismus und Ideologienlehre.* «Jahrbuch für Soziologie». Karlsruhe, Verlag S. Braun, Bd. II (1926), S. 386—423.

Г. Саломон. *Исторический материализм и учение об идеологиях.*

Настоящая статья (пока появилась только первая часть) заслуживает особенного внимания. По теоретическому уровню она значительно выше многих подобных исследований не марксистского направления. Но это касается исключительно формальной стороны. Но сущности здесь имеем дело для Германии с довольно оригинальным вариантом новейшего «*социологического*» толкования Маркса.

«В то время, когда печаталась эта статья» — говорит Саломон, — вышел первый том «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса» (немецкое издание), в котором Д. Рязанов впервые опубликовал в оригинале первый том «Немецкой идеологии». Саломон, который часто ссылается на этот текст в своем исследовании, высказывает свой общий взгляд на него в следующих тезисах: *во-первых*, Маркс и Энгельс «в то время ни в коем случае не обладали такой недостаточной эрудицией в области теоретической экономии и истории», как заявлял об этом впоследствии Энгельс; *во-вторых*, между этим ранним произведением Энгельса в 1845 г. и его позднейшими трудами имеется заметное философское родство; *в-третьих* и «прежде всего» здесь особенно ясно заметен «эмпирио-сенсуализм», который он, Саломон, в настоящей статье излагает как новую точку зрения для объяснения исторического материализма (стр. 389, примечание). Второй тезис Саломона, несомненно, в такой же мере верен, в какой его первый и третий тезисы являются спорными, даже прямо не верными.

Кроме произведений некоторых молодых марксистов, профессор Саломон разбирает массу буржуазных и вульгарно марксистских «толкователей» Маркса самых разнообразных «теоретических» оттенков. Нас, однако, гораздо больше интересует то, что он уделяет внимание также и русскому марксизму. Тем не менее нельзя без улыбки прочесть нижеследующее проявление «Саломоновой премудрости», которую

он совершенно серьезно нам преподносит: «Объяснение марксистского «превращения философии в науку», «крушения идеализма» было дано только русскими революционерами Богдановым и Лениным». «Они выступили против всяких остатков гегельянского мышления, пользовались маховским эмпиризмом, который претендует быть не философией, а наукой; таким образом они, главным образом с помощью принципа экономии мышления и учения об интересах, развивают теорию, соответствующую воззрениям молодого Маркса»[1].

Прибавим еще, что автор, очевидно, мало знаком также и с книгой Плеханова или не имеет даже о ней представления. Только этим можно объяснить его заявление, что «собственно только Массарик», именно «благодаря его позитивистским взглядам», «указал» на значение материализма Фейербаха для развития марксизма (стр. 387).

Наивность вышеприведенного мнения о том, что внес Ленин в борьбу за диалектическо-материалистическое мировоззрение, особенно комична, если принять во внимание, что Саломон — мы должны констатировать это именно теперь — в своем основном мировоззрении, в эмпирически-релятивистическом характере своего толкования Маркса, особенно близок именно к тому направлению (Богданов, Юшкевич и т. п.), против которого была направлена философская полемика Ленина. Хотя Саломон нигде не опирается непосредственно на Маха, однако, его «эмпирио-сенсуализм» есть не что иное, как разновидность русского «эмпирио-критицизма», «эмпирио-монизма» и т. д., изложенная на немецкий манер.

С другой стороны, несомненно, что саломоновское толкование Маркса в значительной степени находится под сильным влиянием Лукача и его книги об «Истории и классовом самосознании». Буржуазный профессор и «коллективистский социолог» Саломон с полной беззаботностью преподносит нам — отчасти по крайней мере — выводы, которых Лукач сам не сделал из тезиса о «марксизме как специфическом самосознании капиталистического общества»: тайна тов. Лукача у Саломона перестает быть тайной и высказана здесь довольно ясно.

Разберем вкратце содержание статьи Саломона.

Не лишено, конечно, интереса, что ученый не-марксист в Германии в настоящее время принимается за изучение одного из тех элементов, которые служили историческими предпосылками для исторического материализма — старой материалистической философии. Но у Саломона при этом почти совершенно исчезает специфическое значение классической немецкой философии, в первую очередь гегелевской философии. То, что Саломон знает о гегелевской философии, очевидно, ограничивается «квази-религиозным характером королевско-прусской философии всемирного духа»; он говорит о «секуляризованной теологии», о «схоластике» и т. д. (стр. 389). (Другими словами, он видит только внешнюю сторону, мистическую форму проявления гегелевской теории — как и весь цех новейших буржуазных «поклонников» Гегеля: то, что Энгельс называет ее «дурными последствиями».) По поводу изучения и критики Марксом гегелевской философии он утверждает, что Маркс был «знаком» с ней совершенно односторонне при посредстве «младогегельянцев» (стр. 392). Все это — явный вздор. Но Саломон делает дальнейшие выводы из своей точки зрения: он полемизирует именно с теми людьми, «которые всегда характеризуют Маркса как гегельянца» (стр. 399 и сл.), другими словами, которые указывали на значение гегелевского способа мышления для развития теории Маркса. Диалектику в гегелевской форме он собственно понимает только как «способ выражения», как «плохой школьный жаргон» (стр. 389, 400 и т. д.). Можно себе представить, во что превращается у этого толкователя Маркса диалектика Маркса. «Толковать» диалектику, просто как «практическую» фразеологию значит во всяком случае принципиально лишать марксизм его революционного

[1]) Стр. 388. Подчеркнуто везде нами. Саломон ссылается на книгу Ленина об эмпириокритицизме, с которой он, очевидно, знаком только понаслышке.

характера, значит отнять у него живую «душу». Относительно этого сорта новейшей борьбы с Марксом можно заметить, что, чем больше эти господа выражают готовность «положительно признать» в частности экономические, исторические и другие теории Маркса и Энгельса, тем более они всячески стараются явно или скрыто, извратить, фальсифицировать, «раскритиковать» метод в учении, устранив из него диалектику.

«Влияние философии эмпиризма» и сенсуализма «на мышление Маркса может быть повсюду установлено,— утверждает Саломон,— это влияние началось еще со времени сближения немецкой и французской философии и политики в Немецко-французском ежегоднике» (стр. 396), Кондильяк, Кабанис, Дестютт де Траси, эти три фигуры, по Саломону, являются настоящим и прямым прообразом, предшественниками так называемого марксовского «эмпирио-сенсуализма», высший принцип которого сводится к тому, что опыт всегда непосредственно дан в «чувственном впечатлении», в способности к «sensibilité» (чувственности) (стр. 391). «Penser c'est toujours sentir» (мыслить — значит всегда ощущать), как говорит де Траси. В этом заключается специфически «сенсуалистический» характер, марксовского материализма; характерной чертой марксовского специфически-эмпирического материализма является то, что он принципиально исходит из опыта. И на этом именно основано марксовское «учение об идеологии», представляющее «психологию интересов» (стр. 395). Саломон не-диалектик даже и не подозревает о специфическом различии между прежним и марксистским материализмом, не говоря уже о правильном объяснении его. Но без этого каждое толкование мировоззрения Маркса должно свестись к «позитивизму», «эмпиризму», «реализму» и т. д., т. е. в действительности грубо исказить его. И Саломон в самом деле категорически высказывается в пользу тех, которые «считают систему Маркса по вопросу о его теории познания чистым эмпиризмом», и прямо ссылается на Гаммахера (стр. 395).

Мы не последуем дальше за своеобразными определениями «психологии интересов» в той форме, в какой они, по Саломону, якобы были развиты Марксом. Эта точка зрения нелепа в том отношении, что в толковании Саломона действительное отношение основных категорий извращено, что, собственно говоря, «потребность» (определенных групп общества, напр., радикальных теоретиков в послегегелевской Германии) выдается за последнюю предпосылку и единственную основу практического и теоретического поведения, что общественная потребность выдается, таким образом, за ось мира идеологии. Это — последовательный вывод из «эмпирио-сенсуалистической» и утилитаристической «точки зрения».

«Отношение к идеологии объясняет марксизм как идеологию» (стр. 405). Это значит, по Саломону, что из марксистского анализа общественной базы и «функции» идеологий вытекает, что исторический материализм Маркса и Энгельса сам является только идеологией, идеологией вообще, продуктом общественной потребности и ничем больше. Это означает, что марксистская критика более или менее «чуждых», более или менее «нелепых» и неправильных классовых идеологий, их специфически историческая критика должна точно так же быть применена и к самому марксизму. Каждая группа людей, каждый класс, каждая историческая эпоха имеет свою идеологию, свои идеологические потребности. Все это относительно, говорит Саломон. Все это представляет «интерес» для «социологического» исследования, и т. д. и т. д.

«Самосознание класса становится средством воли к власти. Если класс, веря в самого себя, выполняет миссию в интересах человечества..., если чудо самоуничтожения капитализма объявляется законом, и обетованная земля ожидается в близком будущем, если революция происходит не как индивидуальный акт, а как коллективное действие пролетариата, то эта теория пролетариата, как выражение классового положения и классового интереса, сама является идеологией. В противоположность психологической теории интересов человеческий интерес приписывается одному классу, создается культ пролетариата, он объявляется каким-то «grand être» (высшим существом) человечеством. Как буржуазное просвещение провозгласило господство разума,

так пролетарское приравнивает его интерес всеобщему... История понимается релятивистично, а разум функционально, абсолютны только действительность, социальная действительность и класс, сознающий действительность, «пролетариат» (стр. 418).

В заключительных фразах, проникнутых «мировой скорбью», автор рисует историческую смену идей, напоминающую «миф» о сумерках богов.

Критика идеологии сама является идеологией, говорит наш новый «толкователь» Маркса. Но что такое истина? — Он вовсе не ставит вопроса об истине. Он, повидимому, релятивист и агностик, больше «гностик», чем «гносеолог». Формально он даже не хочет быть критиком Маркса. Он поет похоронную песню, но он немножко ошибся относительно личности покойника. По существу, говорит он, «жизнь есть сон».

В. Ф. Сулковский. Вожди в истории. Гиз, 1928, стр. 119.

В 1928 г., на одиннадцатном году существования советской власти, после десятилетия торжества марксизма над идеализмом, Гиз решил издать книжку Сулковского о роли «личности в истории». Автор сообщает нам на 119 стр. о постановке вопроса в XVIII в., у социалистов-утопистов, у историков реставрации, русских субъективистов и, наконец, о роли Ленина в истории. Если бы дело свелось только к толковому изложению книжки Бельтова, это было бы полезным делом, но автор претендует на роль «критически-мыслящей личности» — и результаты поразительны. «Литература времени Людовика XIV отражала монархический дух эпохи», и за личностью признавали решающую роль вплоть до реставрации, пишет автор. В эпоху реставрации «роль личности» или совершенно игнорировалась или ей отводилась третьестепенная роль. Автор сообщает об этом «геологическом перевороте», но не объясняет, не поясняет и даже не удовлетворяет любопытства тех, кто слыхал об элементах исторического материализма еще в XVIII в., а особенно в работах эпохи революции. О наших «субъективистах» мы узнаем только, что они были предшественниками социалистов-революционеров. Основная часть книги посвящена Ленину. Зачем необходим был предварительный исторический экскурс? Какие понятия установлены автором? Что дало ему популярное изложение Бельтова для решения огромного вопроса об исторической роли Ленина? Неясно, непонятно! «Если уже допускать, что личность играет основную роль в истории, то это в первую очередь может быть применимо именно к Ленину», замечает автор. Если в первой половине книги было доказано, что личность не имеет значения в истории, то это предположение звучит по меньшей мере странно. Он доказывает, что Ленин был всегда прав, даже тогда, когда оставался «единственным большевиком» (стр. 63). После всех этих заявлений автор убежден, что читатель будет считать логичным его заявление: исключительная роль Ленина в истории не противоречит историческому материализму. Это бесспорно, как и бесспорно величие Ленина. Но резко противоречит марксизму манера трактовки вопроса автором. Автор убежден, что «рабочее движение Запада по существу не боролось с буржуазией, а под руководством правых вождей приспособлялось к буржуазной «демократии» (до 1914 г.)... И все это говорится для того, чтобы выяснить гениальность Ленина!.. «Совокупность психофизических свойств личности В. И., особенно способной впитать в себя черты, определяющие линию общественного развития», определили его гениальность, пишет автор; что сие означает? «Глубоко», но непонятно! В этом стиле выдержано изложение и в дальнейшем После прочтения книги т. Сулковского сложный вопрос о роли личности в истории станет еще более сложным. Неужели у Гиза нет более полезных книг для издания?

Theodor Hartwig. Soziologie und Sozialismus. Einführung in die materialistische Geschichtsauffassung. Jena «Urania», 1927 p. 78.

Теодор Гартвиг. Социология и социализм. Введение в материалистическое понимание истории. Иена. «Урания», 1927, стр. 78.

Рецензируемая книга представляет собою популярное введение в исторический материализм. Как говорит автор в предисловии, она является изданием лекций, читан-

ных им в высшей народной школе в Брюне. В книге без труда можно различить две части. В первой автор очень бегло рассматривает различные этапы в развитии человеческого общества, разделяя это развитие на три основных ступени — ступень дикости, варварства и цивилизации. В этой части своей работы автор лишь популяризирует давно известные мысли. Основным недостатком данной части работы является схематичность построения, недостаточно глубокий разбор переходов одной стадии развития человеческого общества в другую, благодаря чему получается разорванность ступеней и некоторая статичность.

Что касается исторического материализма, то ему автор уделяет значительно больше внимания. В первой главе — «Марксистские мысли», эпиграфом к которой взяты слова О. Конта: «Знать, чтобы предвидеть», автор указывает на основное отличие марксизма от всех утопических теорий, заключающееся в том, что он не строит воздушных замков, а, исследуя экономическую структуру общества, отрывает основные законы его развития. Марксизм в своих теоретических построениях опирается всегда на практику, он является не только теорией, объясняющей мир, но и орудием, при помощи которого мы изменяем мир. Связь теории и практики в марксизме усиленно и совершенно справедливо подчеркивается автором. Значение марксизма как могучего орудия пролетариата в его классовой борьбе с буржуазией также вполне сознается автором. Останавливаясь кратко на анализе тех «описаний истории», которые мы имеем в лице как историков, так и философов, автор отмечает, что все они исходили из чисто идеалистического положения о примате воли и разума человека над бытием и связывает их идеализм с их классовым положением. Переходя к материалистическому пониманию истории, он прежде всего приводит известную цитату из «Критики политической экономии» и интерпретирует ее в духе марксизма.

Здесь же он говорит вскользь о значении диалектики для марксизма, которая сводится у него, в конце концов, к одному положению: «Буржуазия — тезис, пролетариат — антитезис, синтез — снятие классовых различий, т. е. освобождение человечества» (стр. 56).

В главе «Исторический материализм и социальный идеализм» автор проводит ту мысль, что исторический материализм не исключает, а, наоборот, включает в себя идеализм в смысле стремления к некоторому идеалу. «Мы противопоставляем слишком материалистическому «идеализму» наших классовых противников нравственную силу нашего идеалистического материализма» (стр. 74).

Мировая революция наступит неизбежно, и через нее человечество придет к социализму, т. е. «к тому общественному порядку, при котором человек, наконец, может стать добрым» (стр. 75).

В заключительной главе автор говорит, что наша эпоха уже таит в себе элементы нового общества. «Оно должно родиться, но как — этого мы не знаем» (?!).

Таково содержание рецензируемой книги. Так как автор сам говорит, что его целью является популярное введение в исторический материализм, то упреки в большой упрощенности, сжатости, беглости сами собой отпадают. Однако, даже и будучи очень популярным, автор мог бы уделить больше внимания философской стороне исторического материализма и указать на материализм, с одной стороны, и на диалектику — с другой, как на основу исторического материализма. У автора совершенно отсутствует понимание того, что исторический материализм является частью диалектического материализма, именно диалектическим материализмом в применении к изучению явлений общественной жизни. Этим обусловлены и такие положения автора, в которых он высказывает мысль, что марксизм лишь констатирует материализм как факт в капиталистическом мире, сам же вовсе не связан с ним необходимо! Далее у автора нет четкого представления о значении революции и роли классовых противоречий. При этих условиях рекомендовать книгу не приходится.

Проф. Н. И. Ефимов. Социология литературы. Очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии. Издание Смоленского государственного университета. Смоленск, 1927, стр. 219.

Признавая, что «ввиду представленного возникшей в XIX веке социологией (особенно марксистской социологией) диференцированного анализа самого понятия общества... уже никак нельзя историку литературы отделаться... отвлеченной и расплывчатой фразой»: «литература есть отражение жизни — жизни отражающегося в ней общества», Н. И. Ефимов предъявляет к историкам литературы требование — «подняться на высоту современной науки об обществе», принять «социологическую ориентацию, социологически уточнить формулу отношения литературы к жизни» (стр. 3) и формулирует задачи социологии искусства как устанавливающего законы учения «о социальном генезисе, о социальной динамике, социальной сущности и ценности искусства».

Констатировав, что «столпы марксизма» мало занимались искусством, и что «основоположником марксистской социологии искусства» является Г. В. Плеханов, Н. И. Ефимов указывает на заслуги других русских критиков и историков литературы марксистского направления в деле «обоснования и раскрытия принципов марксистско-социологического литературоведения», отмечая, однако, и «общий недостаток» большинства характеристик марксистского метода изучения литературы, заключающийся в том, что их авторы «мало опираются в построении теории метода на практику марксистской литературной критики и марксистского научного литературоведения» (стр. 8). Наоборот, Н. И. Ефимов широко использует эту практику; в каждой главе приводится не только ряд указаний по литературе рассматриваемых вопросов (преимущественно русской, потому что, как правильно констатирует Н. И. Ефимов, марксизм коснулся западно-европейского литературоведения «неизмеримо слабее сравнительно с наукой о литературе и вообще с гуманитарными науками»), но и множество цитат. В понимании закономерности литературного процесса вообще, и в частности по вопросу о литературных влияниях одной страны на другую, Н. И. Ефимов примыкает к точке зрения Г. В. Плеханова: «пятичленная формула отношения основания к надстройкам, данная Г. В. Плехановым, есть формула экономического марксизма... основные принципы марксистско-социологической теории историко-литературного процесса и историко-литературной методологии зиждутся на заключенном в этой знаменитой формуле общем экономико-монистическом, материалистическо-социологическом миросозерцании, опираются на общую теорию исторического материализма, из нее исходят и к ней возвращаются». Затем Н. И. Ефимов рекомендует ряд пособий «для знакомства с теорией исторического материализма» (стр. 43).

Заслуживают внимания соображения Н. И. Ефимова о социальной (классовой) гетерогенности, об объективизации социального (стр. 49), о безыдейности, как характерной черте искусства «упадочного класса» (стр. 83), о книгах «боевых, властительницах дум и чувств современников» (стр. 114), об особенно интересных и типичных случаях влияния данного литературного произведения на читателей из других общественных классов (стр. 127—136), о том, исключает ли социологический метод другие методы историко-литературного исследования, «является ли он отмычкой ко всем запросам?» (стр. 146), о «психологизме» Потебни, о «формалистах», возражения против методологической схемы П. Н. Сакулина (стр. 176). В заключение Н. И. Ефимов намечает ряд проблем, вытекающих из того, что «далеко не каждый классик русской литературы сколько-нибудь изучен или освещен с социологической точки зрения», и подводит итоги исследования.

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

Antonio Graziadei. Die Werttheorie und das Problem des «konstanten» (technischen) Kapitals. Prager — Berlin, S. 84.

Антонио Грациадеи. Теория стоимости и проблема «постоянного» (технического) капитала. Прагер — Берлин, стр. 84.

Рецензируемая книга итальянского экономиста является продолжением и, в известном смысле, завершением круга идей, развитых им в его более ранних работах.

«Der Begriff der Mehrarbeit und die Werttheorie» (Liberia — Editrice Italiana. Berlin — Prager, 1925), «Preis und Mehrpreis und ihre Beziehungen zu Konsumenten und Arbeitern» (Bolsano, Liberia Editrice Italiana. Berlin — Prager, 1925) и, наконец, «Preis und Mehrpreis in der kapitalistischen Wirtschaft» (Berlin, R. L. Prager, 1925).

В названных работах автор пытается опровергнуть теорию стоимости и прибавочной стоимости Маркса. Теории Маркса он противопоставляет свою теоретическую систему. В рецензируемой книге автор пытается доказать несостоятельность теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса на проблеме постоянного капитала.

Книга Грациадеи для русского читателя не представляет ценности, даже с точки зрения изучения взглядов критиков Маркса!

Основные мысли автора уже знакомы русскому читателю по книгам Струве, Туган-Барановского и др., хотя хронологически Грациадеи должен быть признан их духовным отцом, так как ранее выступил с критикой Маркса. Еще в 1894 году Грациадеи выступил с критической статьей, опубликованной в «Critica Sociale», где развивал взгляды, целиком предвосхитившие знаменитую теорию рынков Туган-Барановского, по которой производство и накопление в капиталистическом хозяйстве может протекать беспрепятственно вне связи с ростом потребления. В чем же суть основных возражений, выдвигаемых в рецензируемой книжке Грациадеи против Маркса?

Если принять теорию стоимости и прибавочной стоимости Маркса и применить ее к капиталистическому хозяйству, характеризующемуся, между прочим, прогрессирующим применением постоянного капитала, то возникает неразрешимая для Маркса загадка:

1. «Какие мистические силы могут понудить капиталистов систематически увеличивать во всем авансированном капитале долю постоянного капитала за счет уменьшения переменного, если это влечет за собою абсолютное и относительное уменьшение массы прибавочной стоимости?» (стр. 10).

2. «Если теория, по которой меновая стоимость создается трудом, приводит к выводу, что та часть продуктов, которая прежде приносила капиталисту прибыль, теперь не приносит ее, и лишь по той причине, что капиталист теперь получает эту часть продуктов не при помощи живого труда, а машины, то нужен ли еще более убедительный аргумент, чтобы признать, что такая теория ложна в самых своих предпосылках?» (стр. 39).

3. «Равным образом «теория стоимости Рикардо-Маркса не может объяснить факта увеличения количества продуктов, несмотря на замещение переменного капитала постоянным» (стр. 4).

4. «Теория средней прибыли и цены производства Маркса, развитая им в III томе «Капитала», с одной стороны, противоречит теории стоимости, как она изложена в I томе «Капитала», а, с другой стороны, является не ответом на поставленные вопросы, а уверткой» (стр. 12).

Прежде всего мы должны отметить, что на протяжении всех 84 страниц рецензируемой книги автор по существу борется с ветряными мельницами, а не с теорией Маркса, что видно уже из вышеприведенных основных возражений.

Это обстоятельство с самого начала лишает аргументацию Грациадеи всякой ценности. В самом деле, где и когда Маркс утверждал, что относительное замещение переменного капитала постоянным «влечет за собою абсолютное и относительное уменьшение массы прибавочной стоимости»? Нигде и никогда. Маркс выводил из относительно более быстрого темпа роста постоянного капитала и увеличения его стоимости по сравнению с переменным капиталом не уменьшение прибавочной стоимости, а закон понижения нормы прибыли. «Падение нормы прибыли,— формулирует Маркс,— возникает не из абсолютного, а только из относительного уменьшения переменной составной части всего капитала, из ее уменьшения по сравнению с постоянной составной частью», и далее — «с развитием процесса производства и накопления необходимо должна возрастать масса прибавочного труда, который можно присвоить и который действительно присваивается, а потому должна возрастать и абсолютная масса прибыли, присваиваемой обще-

ственным капиталом» («Капитал», т. III, стр. 196—198, Гиз, 1922 г.). Таким образом Маркс утверждает, в полном соответствии с теорией стоимости, абсолютно противоположное тому, что ему навязывает Грациадеи. Между тем именно на этом пункте основана вся цепь рассуждений Грациадеи, которые, якобы, вопреки Марксу, открывают нам истину, что замещение переменного капитала постоянным не только не уменьшает накопления капиталистов, но систематически увеличивают его. К такого же рода недоразумениям относится и другое утверждение Грациадеи, что Маркс, исходя из теории прибавочной стоимости, не мог объяснить увеличения массы потребительных стоимостей в результате замены переменного капитала постоянным.

Из 84 страниц ровно три четверти книги и 6 таблиц посвящены выяснению вопроса, как замещение переменного капитала постоянным не только не приводит к уменьшению количества произведенных продуктов, но, как правило, приводит к его увеличению. Но когда и где Маркс отрицал этот факт? Это остается опять-таки тайной автора. Не менее легковесна и критика Грациадеи теории цены производства Маркса. По мнению Грациадеи, Маркс спасает теорию стоимости в III томе «Капитала» только тем, что он уравнивает сумму цен производства и сумму меновых стоимостей. Между тем наш автор считает такое равенство абсурдом. «Меновая стоимость, согласно своему понятию,— пишет Грациадеи,— это отношение между двумя количествами или двумя товарами». «Если мы имеем различные отношения, напр. отношение a к b и c к d, то возможно сложить, при известных условиях, соответственные величины и установить, что, например, (a + c) находится в известном отношении к (b + d). Но если мы захотим сложить непосредственно все четыре величины, то тотчас же исчезает всякое отношение» (стр. 28).

Этот довод Грациадеи целиком совпадает с возражением, выдвинутым в свое время Струве в статье: «Основная антиномия теории трудовой ценности» («Жизнь» т. II, февраль, 1900 г.).

Как уже было доказано марксистами, подобное возражение основано на непонимании сущности теории стоимости Маркса. Марксу приписывают взгляд S. Bailey, по которому стоимость есть количественное отношение между двумя товарами. Между тем Маркс, вслед за Рикардо, в 1-й главе «Капитала» показал недостаточность такого понимания, обосновав понятие абсолютной стоимости, на ряду с относительной стоимостью или «меновой стоимостью».

Положительная теория Грациадеи, противопоставляемая им Марксу, сводится к следующему. Чтобы разрешать проблему прибыли в капиталистическом хозяйстве, основанном на прогрессирующем применении постоянного капитала за счет переменного, необходимо стать на общественную точку зрения, в противоположность Марксу, якобы анализировавшему капиталистическое хозяйство с точки зрения отдельного капиталиста. (Примечание автора на стр. 44.)

Общественная точка зрения автора заключается в отказе от теории трудовой стоимости. «Претензия Маркса представить труд не только причиной продукта, но также причиной и мерилом меновой стоимости, как раз и составляет его главный недостаток» (стр. 35).

Правда, Маркс никогда не утверждал, что труд является единственной причиной продукта, так же как он не утверждал, что труд является «причиной» стоимости. Категорию стоимости Маркс, как известно, понимал, как социальную форму продукта труда, вытекающую из определенной — товарно-капиталистической структуры хозяйства. Только в пределах данной общественной структуры по Марксу труд создает стоимость. В противоположность Марксу, Грациадеи, однако, считает, что для лучшего усвоения законов капиталистического хозяйства необходимо прежде всего отвлечься от особенностей этого хозяйственного строя, и лишь тогда вскрывать его законы. «Абстрагируясь от осложнений (!), вытекающих из разделения труда и связанной с ним системы производства, остается несомненным, что для людей их труд — лишь простое необходимое средство, но продукт и его количество является целью» (стр. 35). И далее: «Именно потому, что продукт является целью, а труд — лишь средством его производства, ясно, что продукт, а не труд, является действительным и окон-

чательным объектом как производства, так и распределения и связанной с ним классовой борьбы» (стр. 36).

Итак, особенность метода изучения капиталистического хозяйства Грациадеи заключается в том, что он превращает специфический способ производства и распределения с его категориями цены и прибыли в натуральное хозяйство, где движущим мотивом является производство потребительных стоимостей для собственного потребления.

Установив это положение, Грациадеи, наконец, при помощи упомянутых таблиц, разрешает неразрешимую для Маркса проблему постоянного капитала. По теории Грациадеи, превратившего силой абстракции капиталистическое хозяйство в хозяйство натуральное, проблема разрешается очень просто. «Если рассматривать продукты сами по себе, то ясно, что в случае, когда они произведены совместно живым трудом и машиной, их количество не меньше, а больше, чем в случае, когда они произведены с преобладанием живого труда... Абсолютная величина прибавочного труда, правда, уменьшилась, но что касается количества продуктов — оно увеличилось» (стр. 38).

Разрешив таким образом «проблему постоянного капитала», Грациадеи, однако, отказывается почивать на лаврах. Он все-таки понимает, что что-то неладно в его теории. И в самом деле, он опять возвращается к ней, однако, вводя в действие категории, которые он ранее изгнал: цену и прибыль. Превратив капиталистическое хозяйство в натуральное, он теперь обратно превращает натуральное хозяйство в капиталистическое. С таким же апломбом, с каким он перед тем разжаловал труд и возвеличил продукт, он теперь занимается обратной операцией. «Побудительной целью производства и продажи продуктов в обществе, основанном на разделении труда, является получение прибавочной стоимости»... «Каждый предприниматель заинтересован в меновой стоимости (цене) продуктов с двух точек зрения: как продавец своего собственного продукта и как покупатель чужого»... (стр. 35).

Из дальнейшего анализа Грациадеи мы узнаем, что нужно различать между рыночной ценой, определяемой соотношением спроса и предложения, и «ценой равновесия», соответствующей стоимости в экономической системе Рикардо — Маркса. Чем же определяется «цена равновесия», за которую при нормальных условиях продается единица товара? Ответ Грациадеи разоблачает сразу же вульгарную теорию издержек производства и прибыли, рассматриваемых как явление процесса обращения. «Величина меновой стоимости,— заявляет наш автор,— определяется не одной причиной и, во всяком случае, не трудом. Среди этих причин наиважнейшей является не непосредственно труд, а издержки производства» (стр. 53). И далее: «Для нас прибыль отдельного капиталиста никогда не образуется из процесса производства в отдельном предприятии и во всяком случае не только в нем. Она (прибыль) всегда остается функцией обмена, даже тогда, когда мы исходим из гипотезы, что весь авансированный капитал каждого предпринимателя состоит исключительно из переменного капитала» (стр. 53).

Как и все вульгарные экономисты, Грациадеи не в состоянии даже поставить вопрос: чем определяется стоимость издержек производства, откуда и каким образом возникает прибыль в процессе обращения? Взяв за исходный пункт цену производства в марксовом смысле (издержек произв. + средняя прибыль) и не анализируя этого понятия далее, как это сделал Маркс, Грациадеи снова возвращается к проблеме постоянного капитала. И теперь наш автор разрешает ее чрезвычайно элементарно. Он просто предполагает заранее определенную среднюю цену продукта или его стоимость по Марксу, и так как введение постоянного капитала за счет переменного, в худшем случае, дает такое же количество продуктов, а в лучшем случае — большее количество, то при продаже продуктов по данной средней цене прибыль капиталиста остается или такой же, как и при исключительном применении переменного капитала, или же увеличивается (стр. 57). Но почему, несмотря на рост производительности труда, продукты продаются по неизменной средней цене? Грациадеи признает, что это предположение противоречит действительности. Он соглашается, что вследствие введения постоянного капитала цены продуктов понижаются, хотя это не приводит

к уменьшению прибыли капиталистов. Для объяснения этого факта он прибегает к другому аргументу. Как раньше он исходил из данной средней цены продукта, вместо того чтобы объяснить ее величину, так теперь он допускает понижение цены, вследствие введения постоянного капитала, но исходит из данной средней нормы прибыли. «Поскольку рыночные условия в данный момент обеспечивают отдельному предпринимателю прибыль,— заявляет Грациаден, — например, в 66,66 %, постольку остается только регистрировать этот факт в книгах, пока изменение в общем положении рынка не вынудит произвести изменения в зафиксированной норме прибыли. Следовательно, каждый капиталист будет продавать свой товар по цене, в основу которой он положит свой авансированный капитал (каково бы ни было его строение), и к каждой сотне лир этого капитала он прибавит 66,66 %» (стр. 54).

Но как образуется средняя норма прибыли, отчего зависит изменение ее величины,— на все эти вопросы Грациадеи ответа не дает, да и не может дать ответа, поскольку он исходит из вульгарной теории издержек производства.

Таким образом наш автор, попытавшись доказать несостоятельность Марксовой теоретической экономии, доказал лишь несостоятельность всякой критики автора «Капитала», поскольку она основана на извращении его учения и ограничивается изучением поверхности явлений.

Ф. И. Михалевский. Политическая экономия. Изд. «Московский рабочий», Москва — Ленинград, 1927.

Новая книга Ф. И. Михалевского представляет собою в корне переработанное издание его «Начального курса политической экономии». Из наиболее важных отделов и глав, вновь написанных для «политической экономии» автором, отметим следующие: 1) Введение, трактующее о предмете политической экономии. 2) Глава II, излагающая сущность механизма простого товарного хозяйства, как предпосылку для изучения хозяйства капиталистического. 3) Глава V, посвященная изложению теории трудовой стоимости в лице виднейших предшественников Маркса — Смита и Рикардо и ее антипода — теории предельной полезности Бем-Баверка. 4) Глава XIII — «Прибавочная стоимость и зарплата в СССР в переходную эпоху». 5) Раздел III, посвященный теории кредита и кредитных денег, причем автором излагаются теории Ирвинга, Фишера и Кнаппа. 6) Раздел IV, посвященный анализу докапиталистических и внекапиталистических отношений в системе капитализма. 7) Раздел VI, значительно расширивший теоретический анализ финансового капитала и империализма и, наконец, 8) раздел VII, трактующий об основных теоретических проблемах «экономики переходного периода». В противоположность «Начальному курсу политической экономии» конкретно-описательная часть значительно сокращена в рецензируемой книге. Как «начальный курс», так и «политическая экономия» не представляют собою оригинального труда. В качестве популярного учебника, в основу которого положено изложение экономического учения Маркса, рецензируемая книга, несомненно, принесет свою пользу для совпартшкол. С этой точки зрения может быть оправдана «нейтральная» точка зрения тов. Михалевского в формулировке ряда проблем, по которым существует разномыслие в марксистском лагере. В качестве примера приведем формулировку абстрактного труда, создающего стоимость, в рецензируемой книге: «Многообразная, конкретная сторона труда создает все многообразие потребительных стоимостей. Единая же и однообразная стоимость создается единой и однообразной абстрактной стороной труда» (стр. 35). Но что лежит в основе этой «единой и однообразной абстрактной стороны труда»? Физиологически ли равный труд или социальная характеристика труда, — на это автор не дает ответа.

По той же причине, очевидно, автор, излагая теорию стоимости Маркса, вовсе опустил проблему производительного труда, которая, как известно, тоже разно интерпретируется последователями учения Маркса. Нам представляется, что этот пробел должен быть заполнен автором в последующем издании, так как проблема производительного труда относится к тому ряду проблем, которые живейшим образом интересуют учащихся наших рабфаков и вузов.

Встречаются в учебнике формулировки, страдающие упрощенчеством. Так, например, на стр. 289 мы читаем: «интересы рабочего и крестьянина-середняка и бедняка совпадают», на стр. 382: «революция буржуазии против феодализма шла с запада Европы на восток. Революция рабочего класса против буржуазии идет с востока на запад». Вообще весь отдел об «экономике переходного периода», долженствующий дать теорию советского хозяйства, этой теории не содержит, а пестрит лишь обыденными, общеизвестными определениями.

Несмотря на отмеченные нами второстепенные недостатки, книга Ф. Михалевского выгодно отличается от аналогичных «курсов» умелым сочетанием теории и конкретного материала, популярностью и доступностью изложения, обилием житейских примеров, поясняющих трудные проблемы и, наконец, методически вполне продуманным расположением материала. В результате получается не простое схематичное изложение Маркса, а изложение, приспособленное к нуждам современной учащейся молодежи, т. е. дополненное теорией финансового капитала и советского хозяйства, а также изложением наиболее известных буржуазных теорий, на разборе которых легче всего показать превосходство учения Маркса.

Ф. Богданов, Б. Раскин и Вл. Лаврентьев. Теория кредита. Под ред. проф. Трахтенберга. Изд. «Пролетарий». 1927, стр. 295.

Рецензируемая книга представляет собою сборник работ участников экономического семинария проф. Трахтенберга в Институте красной профессуры. Нельзя не приветствовать, что молодые марксистские научные силы посвятили свои работы этой важнейшей, весьма актуальной и, вместе с тем, наименее разработанной в марксистской литературе проблеме. Однако, название коллективного труда трех авторов значительно шире его содержания. Такие кардинальные вопросы, как связь кредита с конъюнктурой и кризисами, формы банковского кредита, связь последнего с промышленно-капиталистическими монополиями, вопрос о формах и границах банковской эмиссии, и, наконец, столь модная в современной литературе проблема о «творческой роли кредита» — остались совершенно вне поля зрения авторов. Зато одни и те же цитаты и трактовка самых общих основ теории кредита повторяются во всех статьях, подчас не увязываясь друг с другом.

Конечно, весь круг упомянутых проблем не может быть исчерпан в трех статьях и требует большой коллективной работы. Но в таком случае тем более досадное впечатление производит упомянутый параллелизм, который ничем себя не оправдывает.

В системе Марксовой экономии кредит есть категория капиталистического хозяйства; явления кредита в конкретно-осязаемой форме проявляются на поверхности капиталистической действительности. Поэтому теорию кредита следует изучать, во-первых, в логической связи с предшествующими, ее обусловливающими категориями (капитал, прибыль, цены производства) и, во-вторых, на основе анализа конкретной экономической действительности. Именно такой подход к построению теории кредита мы находим у Маркса, который, развивая теорию кредита в логической связи со всей своей системой, привел также богатый эмпирический материал для анализа сложных, многообразных и внешне-противоречивых явлений кредита.

Между тем наши исследователи подошли к теории кредита чисто догматически, и не только не использовали нового материала, но даже не сумели показать, как они справились с тем, что дано Марксом в 5-м отделе III тома.

Переходим к рассмотрению отдельных статей.

Ф. Богданов в статье «Теория кредита Маркса» пытается дать комментарий к тексту «Капитала» по теории кредита, причем обильно уснащает свою статью цитатами. Конечно, нельзя не согласиться с автором, что при отсутствии в марксистской литературе солидного комментария по этому вопросу «приобретает свой смысл хотя бы даже изложение мыслей Маркса по этому вопросу» (стр. 9). Но другое дело — имеет ли большой смысл то изложение и в особенности те комментарии, которые даны автором. Прежде всего, необходимо отметить, что «изложение мыслей Маркса» по теории

кредита у автора значительно отступает от хода изложения самого Маркса. В интересах популяризации это, конечно, было бы вполне допустимо, но, к сожалению, авторский порядок изложения мыслей Маркса ничем не оправдывает себя. Автор почему-то начинает не с сущности капитала, приносящего проценты (ссудного капитала, как у Маркса), но с «видов кредита» (§ 1), а именно — с деления кредита на производительный и потребительский и с критики теории кредита проф. Каценеленбаума. Автор отождествляет коммерческий кредит, который представляет из себя форму капиталистического кредита, с некапиталистическим товарным кредитом (стр. 31). С другой стороны, автор отождествляет банкирский кредит с ростовщичеством (стр. 35), т. е. именно с той формой кредита, которая не характерна для капитализма. Если по трактовке автора банкирский кредит равен ростовщическому, а коммерческий — докапиталистическому товарному кредиту, то и капиталистический кредит, который представляет собою единство этих двух форм, тождественен с докапиталистическим кредитом. Так автор устраняет то самое существенное и характерное, что мы имеем в Марксовой теории кредита в отличие от прочих теорий.

Итак, следует признать, что автору не удалось ни систематическое и популярное «изложение мыслей Маркса» в теории кредита, ни комментарии к этим последним.

Вторая статья Б. Раскин «Кредит в системе капитализма» именуется «популярным очерком марксовой теории кредита». Автор ставит своей задачей «исследование сущности кредита и той роли, которая выпадает на его долю в рамках капиталистического производства» (стр. 103). Однако, никакого «исследования» сущности кредита и его необходимости для капиталистического производства мы не находим в статье. В § 1 своей статьи автор пытается дать «определение капиталистического кредита». Но такового так и не дает, совершенно не выясняет место кредита в системе теоретической экономии Маркса и переходит прямо к рассмотрению «участников капиталистического кредита и посредничества банков» (§ 2).

Здесь автор сначала подчеркивает, что «неверно рассматривание отдельной кредитной сделки, как менового акта особого рода» (стр. 117), а двумя страницами дальше заявляет, что, «при продаже товара в кредит мы имеем обмен: товар обменивается на деньги» (стр. 119). И тут же автор заканчивает свое исследование сущности кредита таким определением последнего: «Кредит есть совершающееся в особых формах движение капитала (стоимости), и его нельзя ни в коем случае смешивать с обменом, являющимся формой движения потребительной стоимости» (стр. 119). Итак, с одной стороны, кредит это не обмен, с другой — обмен, с третьей стороны, кредит есть «движение капитала (стоимости), совершающееся в особых формах», с четвертой — обмен есть «движение потребительной стоимости, а не стоимости»! В §§ 3—6 автор исследует денежный кредит и товарный кредит. В этих параграфах он использует, и при этом совершенно не критически, исключительно второисточники. Так, например, автор на стр. 153 приводит таблицу эмиссии в различных странах, причем источником послужили материалы «Статистического ежегодника Съезда Советов». Таблица не снабжена никакими комментариями и совершенно не развиты особенности различных типов эмиссионных систем. Поэтому читатель этого «популярного очерка» остается при полном непонимании — почему, например, Россия накануне войны оказывается впереди Германии по объему эмиссии?

Последняя статья Вл. Лаврентьева «Кредит как категория капитализма» дублирует с предыдущими. Нововведением в этой статье является анализ «докапиталистических отношений». По паре страниц автор посвящает «изучению» «структуры натурального и полунатурального хозяйства», «воспроизводства натурального хозяйства» и т. д., причем проблемы сменяют друг друга с кинематографической быстротой. Автору не удается доказать необходимости кредита для капиталистического производства, ибо нельзя считать за доказательство указание на то, что кредит «облегчает прохождение их (товаров) через игольное ухо (!?) отношения купли-продажи» (195) и очень туманные рассуждения по поводу кредита, как формы «одностороннего отчуждения ценно-

стей». Между тем Маркс в XXVIII гл. III тома совершенно отчетливо формулировал четыре основных момента, определяющих значение кредита в капиталистическом обществе, выдвигая в качестве первого из них необходимость кредита «для уравнения нормы прибыли, и движения этого уравнения, на чем покоится все капиталистическое производство» (т. III, ч. 1, стр. 421, изд. 2-е). Вместо того, чтобы доказать необходимость кредита именно в этой плоскости, автор почему-то выдвинул на передний план роль кредита в процессе обращения товаров или, как метафорически выражается автор, — в процессе прохождения товаров «через игольное ухо» и т. д.

Общий вывод: в «Теории кредита» мы не имеем ни удовлетворительной популяризации Марксовой теории кредита, ни действительно научного ее комментария.

В. Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. Госиздат, 1927, стр. 186.

Настоящее произведение — в известном смысле литературное событие. В этой книге, представляющей собою переработку статей, ранее опубликованных в журнале «Плановое хозяйство», В. Базаров поставил своей задачей: «наметить в порядке первого, крайне грубого наброска некоторые динамические закономерности, присущие, с одной стороны, нормальному циклу классического капитализма, с другой стороны — «восстановительному процессу», пережитому за последние годы народным хозяйством СССР» (стр. 15).

Однако, круг идей, затронутых в этой книге, значительно обширнее. Сюда входит ряд вопросов теоретической и конкретной экономии и статистики, рассматриваемых в связи с точным естествознанием, а также некоторые принципиальные методологические проблемы, поставленные современной научной мыслью Запада и Советского союза.

Свое исследование В. Базаров ведет методом исключения. Сначала он анализирует проблему народно-хозяйственного баланса и доказывает недостаточность балансового метода для выведения законов хозяйственной динамики. Затем он разбирает проблему энергетики и экономики и доказывает невозможность применения категорий естествознания для определения общественных процессов. После небольшого экскурса по вопросу о движущих силах хозяйственного развития, автор переходит к качественному и количественному анализу торгово-промышленного цикла и «векового» движения капиталистического процесса. В этих главах, помимо выведенных закономерностей, содержится принципиальное обоснование того методологического новаторства, которым отличается настоящая книга. В остальных главах дается характеристика генеральной кривой «восстановительного процесса» в промышленности СССР и анализ структуры этого процесса по отдельным его деталям. Все изложение обильно насыщено оригинальными замечаниями и обобщениями, которые нередко носят побочный характер.

Едва ли будет преувеличением сказать, что в этой книге наибольший интерес представляет та общая методологическая основа, на которой В. Базаров построил свои динамические закономерности. На это мы и хотим, главным образом, обратить внимание читателя.

Автор исходит из следующей наиболее общей методологической предпосылки: «единство метода вполне законно там, где качественно различные явления имеют тождественные организационные связи, где материально различные процессы формально одинаковы, обладают одной и той же структурой» (стр. 66). Поэтому, думает автор, методы точного количественного анализа вполне приложимы и к социальным процессам, которые, правда, отличаются сложностью и качественным своеобразием, но все же не более сложны, чем другие биологические, физические и химические процессы. «Отыскание формально тождественных количественных соотношений при глубочайших качественных различиях и построение на этой основе простых схематических «моделей» сложных процессов есть метод, постоянно применяемый в точной науке и оправдавший себя многочисленными достижениями» (стр. 66). Ко-

нечно, В. Базаров признает, что «никакие положения, выведенные для физико-химических процессов, не могут быть без специального исследования каждого частного случая распространены на социальные процессы» (стр. 66). Тем не менее он считает, что «поскольку мы имеем дело с массовым и притом анархически-рыночным процессом, нет никаких оснований ожидать, что статистические закономерности будут здесь при прочих равных условиях менее строги, чем в кинетической теории газов или в теории растворов» (стр. 70). И дальше: «социальные молекулы, одаренные сознательными намерениями» и «свободной» волей, именно в силу этой своей с л о ж н о с т и, не носятся по рынку по инерции случайных ударов и столкновений, но имеют определенное направление и сравнительно мало меняющуюся скорость (стр. 72). Другими словами, темп и направление хозяйственной деятельности людей даны объективно и от субъективного фактора не зависят. Задача заключается в том, чтобы математическим анализом изучить движение социальных молекул, подобно тому как изучается движение химических молекул. Математические приемы анализа хозяйственной динамики не только допустимы, но и вполне правомерны.

Исходя затем из того, что материальная основа жизни общества есть о б м е н в е щ е с т в между обществом и окружающей его средой, В. Базаров приходит к заключению, что в применении к общественным процессам можно говорить только о подвижном равновесии, имеющем статистический характер. Даже грубый количественный анализ общественной динамики показывает, что по своей внутренней структуре хозяйственный цикл протекает по математическим формулам подвижного равновесия. Это подтверждается и анализом капиталистических циклов передовых стран Запада. Отсюда вывод: формулы подвижного равновесия представляют собою орудие большой познавательной ценности и в отношении общественных процессов.

Автор особенно подчеркивает эту мысль, когда он переходит к анализу хозяйственной динамики СССР. «Динамика» восстановительного процесса «по формальной структуре своей аналогична «автокаталитической» реакции, а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда» (стр. 102). Во всяком случае, «такая заведомо упрощающая и схематизирующая действительность формула была бы нам небесполезна три года тому назад, когда намечались перспективы 1924/25 года, ибо возможность 60 %-ного прироста не оказалась бы тогда вне нашего теоретического поля зрения, наоборот, примерно такая цифра как раз и получилась бы, если бы мы рискнули экстраполировать по формуле IV' (речь идет о формуле «автокаталитической» реакции) фактическое ускорение темпа, наблюдавшееся за вторую половину 1923/24 года» (стр. 103).

Другими словами, темп развития 1924/25 года был заранее предопределен темпом хозяйственного развития предыдущего года. Это значит, что вообще траектория перехода данной системы хозяйственного равновесия к новой заранее предначертана. Только, мол, из-за «упорства обществоведов, которым чужды математические методы мышления», не удалось применить ту математическую формулу, которая могла более или менее точно определить эту траекторию. Стоит, следовательно, сломать это упорство, и мы сможем определять кривую хозяйственного развития на целые годы вперед. Но в таком случае встает более общий вопрос: если признать, что кривая хозяйственного развития предопределена заранее, не означает ли это — признание господства рока над действиями людей? Недаром динамика хозяйственного развития выглядит у В. Базарова, как оторванная «динамика вещей», не связанных с социальным процессом, с «динамикой людей и идей». (Разрыв, кстати сказать, искусственно созданный.) Взаимодействие между объективным и субъективным факторами уничтожается, так как фатализм обессмысливает сознательную деятельность людей. Не поэтому ли В. Базаров склонен заменить научный анализ причин и следствий такого рода закономерностью, которая составляет только констатацию повторяющихся количественных соотношений. В этом основной методологический грех настоящего произведения.

В книге, кроме того, имеются существенные противоречия. В главе об энергетике и экономике автор, между прочим, доказывает, что «формальный математический

прием, вполне правомерный там, где дело идет о натуралистическом рассмотрении любых процессов, терпит фиаско, когда мы пытаемся его распространить на явления психические или общественные» (стр. 35). В этом заявлении мы склонны видеть, с одной стороны, неудачную попытку автора застраховать себя от обвинений, подобных выше выдвинутому, а с другой стороны — серьезную методологическую погрешность.

В самом деле, если верно, что формальный математический прием не приложим к общественным явлениям, то, следовательно, он не применим и для изучения хозяйственной динамики. В таком случае В. Базаров впадает в противоречие с самим собой, он сам разрушает то основание, на котором построена вся его теория хозяйственной динамики. С другой стороны, если формальный математический прием годен только для натуралистического рассмотрения любых процессов, то, пользуясь этим приемом в изучении динамики хозяйственного развития, В. Базаров исходит, очевидно, из того положения, что хозяйственную динамику можно рассматривать натуралистически. Верно ли это? Можно ли процесс производства в меновом обществе рассматривать с точки зрения количественного движения вещей? И верно ли, что в закономерности данного равновесия социальных вещей (если можно так выразиться) содержится закономерность их будущего равновесия? Мы полагаем, что автор здесь стал на фетишистскую точку зрения. Он, правда, иногда упоминает о влиянии социальных факторов на хозяйственную динамику, но это звучит как противоречие его исходному методологическому положению.

Эти противоречия, как и основной методологический грех этой работы, конечно, не случайны. Они вытекают из идейного родства автора с А. Богдановым, чего и сам Базаров не скрывает.

Все же мы должны сказать, что методологическая проблема, поставленная В. Базаровым — изучение экономики методами точного естествознания — заслуживает серьезнейшего внимания со стороны марксистской экономической и методологической мысли. Проблема эта выдвинута не только теорией, но и «текущим моментом» экономической практики. В нашей периодической литературе, как и в наших хозяйственных наркоматах, можно найти не мало материалов, свидетельствующих о необходимости серьезно заняться этим вопросом.

Мы не ставили своей целью заниматься здесь более детальным анализом закономерностей, выведенных В. Базаровым для капиталистического хозяйства и для «восстановительного процесса» советского хозяйства. Все эти закономерности подчинены одной общей идее—доказательству возможности пользования в экономической науке методом конструктивной модели по образцу точного естествознания.

Несколько слов о хозяйстве СССР. По мнению В. Базарова, «тенденция к отрицательному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству [для капитализма» (стр. 99). Такое категорическое утверждение (речь идет, конечно, только о промышленности) вряд ли правильно. Ведь это означает, что нашей системе свойственен такой рост заработной платы, который должен всегда опережать рост производительности труда, и затем такой темп роста сельского хозяйства, который всегда превышает темп роста промышленности. В этом утверждении возводится в закон состояние равновесия, характерное лишь для определенного этапа развития советского хозяйства. Мы думаем, что В. Базаров здесь слишком поспешно делает широкие обобщения. Но это, пожалуй, можно сказать о всей его книге.

Работа В. Базарова вправе рассчитывать на внимание не только экономистов, но и более широкого круга обществоведов. Она вызовет не мало споров не только по общим теоретическим, но и по конкретным экономическим вопросам. Неподготовленному читателю она будет трудна.

М. Смит. Динамика кризисов и положение пролетариата. Изд. Коммунистической Академии, 1927, стр. 128.

М. Н. Смит — воинствующий статистик-марксист.

На основе экономической системы Маркса и отдельных замечаний Маркса и Ленина по статистическим вопросам она пытается создать марксистскую методологию статистики.

В рецензируемой работе (являющейся переработкой другого труда, вышедшего в 1924 г. под названием «Положение европейского пролетариата на исходе третьего года безработицы») М. Н. Смит ополчается против так называемых сторонников конъюнктуры, которые рассматривают лишь некоторые общие явления на поверхности экономической жизни и не анализируют динамики и природы капиталистического хозяйства. В противовес «конъюнктурщикам» М. Н. Смит применяет метод динамических кривых, способствующий изучению эволюции капиталистического хозяйства. В настоящей книге этим методом разработан статистический материал по трем вопросам, относящимся к положению пролетариата: безработице, заработной плате и конфликтам труда и капитала. Цифровой материал, охватывающий из промышленных стран только Англию, Германию и Соединенные штаты и доведенный до 1926 г., представляет значительный интерес. Правда, экономическое освещение приведенного материала оставляет желать много лучшего. Так, например, в трактовке М. Н. Смит создается впечатление, будто мировое хозяйство находится в состоянии перманентного кризиса. Отказываясь от выведения средней из безработицы, заработной платы, добычи чугуна и угля, данных о внешней торговле и движении цен — что в общем и целом правильно, — автор склонен доказывать агонию капитализма тем, что наблюдавшийся рост безработицы и относительное падение реальной заработной платы должны были привести к сокращению потребительского рынка и, следовательно, к разрыву между производством и потреблением. Но М. Н. Смит здесь совершенно упускает из виду, что современный капитализм характеризуется колоссальным расширением хозяйственных связей. О потребительском рынке для английской или американской промышленности нельзя судить только по уровню заработной платы английских и американских рабочих. Необходимо принять во внимание развитие внешней торговли (колонии). В противном случае проблема антагонизма между производительной силой и отношениями распределения слишком упрощается. По этой же причине общие выводы автора «о температурных кривых капиталистического общества» оказываются недостаточно обоснованными. Вместо конкретного и всестороннего анализа развития современного капитализма получается ряд общих рассуждений. Правда, автор не ставил своей целью дать подобный анализ, но тогда его обобщение «о начале какой-то новой эпохи в экономической истории Европы, в которой изменяется само понятие кризиса», является по меньшей мере неосторожным.

Если отбросить эти общие рассуждения автора, надо будет признать, что конкретный материал представляет интерес для всех, изучающих динамику мирового хозяйства.

И. И. Рубин. Современные экономисты на Западе. Критические очерки. Государственное издательство, 1927, стр. 324.

И. И. Рубин ставит себе целью «познакомить читателей с экономическими теориями некоторых выдающихся современных западно-европейских экономистов и дать критический обзор их учений с точки зрения марксизма». Общую черту рассматриваемых в «Критических очерках» экономистов — Оппенгеймера, Штольцмана, Амонна, Петри и Лифмана — И. И. Рубин усматривает в том, что их «тщетные попытки» вывести теоретическую экономию из тупика, «порождаемые кризисом современной экономической мысли, в свою очередь, являются ярким симптомом того же кризиса» (стр. III).

И. И. Рубин ставит этот кризис, это «бессильное топтание на месте и скептические размышления над причинами собственных неудач» в связь с разочарованием в неоправдавшей возлагавшихся на нее надежд «австрийской теории», психологические предпосылки которой «толкали мысль экономистов по ложному пути и завели ее в тупик, из которого никакой выход не ведет к познанию и объяснению реальных явлений капиталистического хозяйства». Наиболее интересными из современных эко-

номистов, ищущих новых путей, И. И. Рубин считает сторонников так называемого социального направления, у которых обнаруживается «известное теоретическое сродство» со сторонниками Марксовой теории, так как они, «в согласии с идеями Маркса, настаивают на необходимости изучения социальной формы хозяйства». Однако, выступая «в тесном союзе с философским идеализмом» и возражая против «материалистического» понимания социальной формы хозяйства, представители «социального метода» подходят к объяснению социальной формы хозяйства как «сферы свободно осуществляемых целей» не с каузальным, а с телеологическим методом исследования и отрывают социальную форму хозяйства от материального процесса производства, так что между их построениями и учением Маркса обнаруживается глубокое различие. По отношению к каждому из рассматриваемых в «Критических очерках» экономистов И. И. Рубин констатирует несоответствие реальных достижений намеченным заданиям, причем критика остается имманентной. И. И. Рубин выясняет внутреннюю противоречивость тех построений, которыми буржуазные экономисты пытаются заменить или дополнить марксистские решения проблем. При этом обнаруживается, что предлагаемые этими буржуазными экономистами формулы, «всеобъемлющий характер» которых составляет, по их мнению, теоретическое преимущество пред учением Маркса, не только не дают ничего принципиально нового по сравнению с решениями, формулированными у Маркса и в последующей марксистской литературе, но по существу представляют собой не что иное, как попытки воскресить стародавние, до-марксистские точки зрения. Затем И. И. Рубин выясняет в каждом отдельном случае неосновательность претензий рассматриваемых им экономистов на то, что им удалось доказать несостоятельность Марксовой теории.

Анализируя конструкции Ф. Оппенгеймера, И. И. Рубин констатирует, что, приступив к анализу явлений стоимости, этот экономист построил «гораздо более искусственную и фантастическую гипотезу абсолютного естественного равенства отдельных производителей», чем гипотеза Маркса, которую он обвиняет в искусственности, но которая «в несравненно большей мере близка к реальной действительности», так как Маркс имеет в виду лишь «социальное равенство» «простых товаропроизводителей» (стр. 18—19). «Коренная противоречивость и несостоятельность» всего построения Оппенгеймера вытекает из того, что он «хочет открыть закономерность рыночного хозяйства из анализа натурального хозяйства». Обе «формулы стоимости», предложенные Оппенгеймером, как попытка «вывести объективно-социальное понятие меновой стоимости из субъективно-индивидуалистического понятия потребительной стоимости («дохода»), так и попытка вывести стоимость продукта из «стоимости труда», оказываются внутреннепротиворечивыми. Затем выясняется, что «в объяснении проблемы квалифицированного труда формула стоимости труда» Оппенгеймера никакими преимуществами по сравнению с формулою «трудовой стоимости Маркса не обладает» (стр. 43) и что обвинение Марксовой теории стоимости в игнорировании проблемы монопольного ценообразования, стоящее в связи с попыткой построить теорию прибавочной стоимости как монопольного дохода, не выдерживает критики и что «своею придирчивою и подчас схоластическою критикою Марксова учения о рабочей силе Оппенгеймер обнаружил полнейшее непонимание социологического характера этого учения Маркса» (стр. 89).

Критикуя взгляды Р. Штольцмана, крупнейшего представителя «социально-органическо-этического метода», провозглашающего союз этого метода с идеалистической философией и превращающего «этическое» из «объекта каузального изучения в этический метод изучения социальных явлений», И. И. Рубин выясняет «центральный пункт разногласий между Штольцманом и марксизмом: социологическая теория Маркса носит монистический, а социологическая теория Штольцмана дуалистический характер, так как у Штольцмана понятие «социального регулирования» находится на стыке двух миров: сферы телеологии и сферы каузальности» (стр 116). В анализе теории трудовой стоимости, предложенной Штольцманом, заслуживает внимания указание на то, что у Маркса закон трудовой стоимости рассматривается как закон неорганизованного общества товаропроизводителей, а Штольцман «превращает его в закон орга-

низованной социалистической общины» (стр. 125). Обоснование теории трудовой стоимости у Штольцмана оказывается «шагом назад» по сравнению с теорией классиков.

Из разбора книги А. Амонна выясняется, что «даже автор этого превосходного, в известном смысле образцового методологического исследования» (о предмете и основных понятиях теоретической экономии) не пошел — благодаря чисто формальной постановке вопроса — «дальше первых и робких шагов по тому пути, который давно уже был исследован Марксом» (стр. 172), и что «разрыв между социальною формою и материальным содержанием хозяйства», «ограничение кругозора чистою формою социальных отношений людей, приводит к ряду противоречий и недоговоренностей», обнаруживающихся как при составлении «схемы Маркса» и «схемы Амонна» (стр. 188), так и в подведении под «индивидуалистические отношения обмена» разнороднейших явлений. Заслуживает внимания указание на злоупотребление «противопоставлением логического анализа генетическому» (стр. 194).

Попытку Ф. Петри, «верного ученика Риккерта», дать «социальное истолкование» Марксовой теории стоимости И. И. Рубин признает безуспешной ввиду идеалистической точки зрения этого автора.

В последнем очерке, посвященном учению Р. Лифмана, выясняется, что его сложные построения «ни в одном, можно сказать, пункте не пригодны для объяснения капиталистического хозяйства» и что «широкие обещания Лифмана — построить новую теорию цен на основе психической концепции хозяйства и вывести объективный закон управления предельных выручек (т. е. средней нормы прибыли) в меновом обороте из субъективного закона уравнения предельных выручек (как психических ощущений) в потребительском хозяйстве не могли быть выполнены» (стр. 317).

Выяснив, что даже наиболее прогрессивные течения буржуазной экономической мысли не сумели подняться до уровня научных перспектив, открываемых учением Маркса, И. И. Рубин констатирует, что «марксизм продолжает занимать наиболее передовые позиции в области экономической мысли» (стр. 168).

P. Mombert. Geschichte der Nationalökonomie, Jena, Fischer, 1927, S. 557.

П. Момберт. История политической экономии. Фишер, 1927, стр. 557.

Немецкая экономическая литература, в которой имеются сотни учебников и курсов по теоретической экономии, очень бедна по части курсов, относящихся к истории экономической мысли. Правда, немецкие ученые дали огромное число монографий, излагающих учение отдельных экономистов или отдельных экономических школ. Но учебниками или курсами по истории экономической мысли, имеющими обобщающий характер и доступными широким кругам читателей, немецкая литература очень бедна. Наиболее известные курсы подобного рода были написаны на английском (Ингрэм, из более новых Haney), французском (Эспинас, Рамбо, Дени, Жид, Рист и Гоннар), и итальянском (Косса) языках. Из более новых немецких курсов следует отметить лишь краткий, очень интересный очерк Шумпетера в I томе «Grundriss der Sozialökonomie».

Момберт, повидимому, поставил себе целью заполнить отмеченный пробел в немецкой литературе. Работа его, входящая в новую серию учебников под названием: «Grundrisse zum Studium der Nationalökonomie», под редакцией Диля и Момберта, имеет характер университетского курса, систематически охватывающего всю историю экономических учений от древних веков до настоящего времени. Момберт известен как превосходный популяризатор, и его новой работе нельзя отказать в некоторых педагогических достоинствах. Она отличается систематическим расположением материала и легкостью изложения. К сожалению, эти педагогические достоинства совершенно сводятся на-нет невысоким научным качеством работы. Момберт — не специалист по истории экономических учений, и мы, конечно, не вправе требовать от него такого оригинального и самостоятельного освещения проблем, какое мы находим, например, у Шумпетера. Но мы, во всяком случае, вправе ожидать, что наиболее крупные экономические системы, напр., физиократов, Смита, Рикардо, будут изложены более или менее подробно по первоисточникам, с выявлением позиции самого

Момберта. Но даже эти скромные ожидания ни в малейшей мере не оправдываются. Теории физиократов, Смита, Рикардо изложены в высшей степени скудно и поверхностно, часто из вторых рук. Учение Петти о трудовой стоимости занимает ровно 2 строчки (на стр. 146). О теории стоимости Смита автор не находит сказать ничего другого, как то, что она является теорией издержек производства (стр. 244). Вся теория стоимости Рикардо занимает менее одной страницы (стр. 300), и в качестве резюме автор преподносит нам сентенцию, что «рассуждения Рикардо о стоимости принадлежат к слабейшим частям всего его сочинения» (стр. 300—301). После этого не приходится жаловаться, что теория стоимости и прибавочной стоимости Маркса занимает менее одной страницы (стр. 403—404), что в перечне крупнейших теоретиков-марксистов (на стр. 404) не упомянут Плеханов и т. п.

Значительным недостатком книги Момберта является чрезмерное внимание, уделяемое им немецким экономистам в ущерб остальным. В этом отношении можно привести поистине смехотворные примеры неравномерного распределения материала. Напр., Небениусу посвящены почти три страницы (стр. 332—335), тогда как Курно занимает ровно три строчки (на стр. 498), а Вальрас — четыре строчки (на стр. 513).

Отмеченные недостатки лишают книгу Момберта научного значения. Как с точки зрения равномерного охвата материала, так и с точки зрения его самостоятельной обработки, книга Момберта уступает некоторым другим новейшим курсам (напр., появившейся в 1912 году книге американского ученого Haney «History of economic thought»).

VI. ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ

D-r Adam Lewak. Gottfried Keller und der polniscshe Freiheitskampf vom Jahre 1863—1864. Zürich, Orell Füssli, 1927.

Адам Левак. Готфрид Келлер и польское восстание 1863—1864 г. Цюрих, 1927.

Успешное начало польского восстания 1863 г. вызвало в эмигрантских кругах Западной Европы надежду на дальнейшее развитие революционного движения. Восстание приветствовалось как начало революционной эры в Европе [1]).

На события в Польше откликнулась Швейцария. Польские эмигранты, спешившие через ее территорию в 1833 г. на помощь предполагавшейся немецкой революции и вынужденные остаться около года в Швейцарии, оставили следы, которые в 1863 г. не совсем исчезли. Бурные революционные выступления народа во время подготовки савойской экспедиции 1834 г. были в Швейцарии еще памятны. В связи с этим, общественное мнение страны определенно высказалось в 1863 г. за поляков, хотя швейцарское правительство не приняло участия в дипломатическом выступлении Англии, Франции и Австрии в пользу восстания.

О «Швейцарии и польском восстании 1863/64 г.» повествует д-р Левак на первых 40 страницах упомянутой в заглавии книжки. Ее вторая часть состоит из воззваний, докладов и корреспонденций Центрального швейцарского комитета помощи польскому восстанию 1863 г. Автор дает очерк возникновения и развития названного комитета, а также деятельности его членов: председателя, проф. Фегели, секретаря Готфрида Келлера, членов: гр. Платера и др.

В очерке сообщается, что пресса и общественное мнение Швейцарии высказывались в сильной степени за польское восстание. Начиная с 1 марта 1863 г. в целом ряде городов созывались многочисленные народные собрания, на которых

---

[1]) Маркс в письме к Энгельсу от 13/II 1863 г. пишет по поводу восстания: «So viel ist sicher, die Era of revolution ist nun wieder fairly opened in Europa». (Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx. 1844 bis 1883. Herausgegeben von A. Bebel und Ed. Bernstein. Stuttgart 1913. B. III., S. 116.)

полякам выражались симпатии не только в речах и резолюциях, но и в значительных пожертвованиях. Вскоре основался упомянутый Комитет помощи, который оказывал содействие польским эмигрантам, отправлявшимся из Италии и Франции на родину; Комитет снабжал их деньгами, вручал рекомендательные письма, помогая получать паспорта, и всячески содействовал легальному и нелегальному приезду эмигрантов в Польшу. Иностранцам-революционерам, ехавшим в ту же страну, выдавались пособия; на средства комитета посылались повстанцам оружие и деньги. Как водится, комитетскими деньгами часто пользовались различные авантюристы, выдавая себя за эмигрантов. Шпионы и агенты русского правительства старались разузнать подробности о деятельности Комитета и доносили о них своим властям. В конце очерка говорится о судьбе польских эмигрантов, приехавших после неудавшегося восстания 1863 г. в Швейцарию. В очерке имеется много подробностей о делах Комитета, о ссорах и спорах его членов, о событиях швейцарской и иностранной жизни. Подробности эти не всегда удачно вплетены в рассказ, а отдельные факты часто нагромождены без видимой связи с целым.

Автор дает в общем описание происшествий, но кое-где встречается и оценка событий, как, например, при характеристике деятельности председателя Комитета помощи, проф. Фегели.

На проф. Фегели указывается с упреком, как на человека, не уважавшего «аристократизма» и «консерватизма» и не умевшего ценить высоких достоинств польских помещиков, полных забот о нуждах крестьянства. Затем отмечается, что Фегели будто не знал ничего о плодотворной деятельности князя Чарторыйского, который умел воодушевлять имущие классы на восстание и использовать свои связи для того, чтобы придать польскому движению большое значение в глазах европейских держав.

Дальше автор очерка говорит, что было бы бесплодным усилием доказать Фегели, видевшему повсюду борьбу «демократии» и «аристократии», что польское крестьянство приняло незначительное участие в восстании лишь потому, что крестьянам недоставало национального сознания. Истина, выдвигаемая Леваком, отличается краткостью, и в этом ее достоинство, но она мало убедительна. Даже ссылка на Мацццини, Кошута и Гарибальди, понимавших, по утверждению автора, эту истину, не увеличивает ее убедительности.

Ив. Воробьев. Парижская Коммуна. Гиз, 1927, стр. 32.

Ответственная задача — изложить на 32 страничках в доступной для совершенно неподготовленного читателя форме историю первой пролетарской революции — в общем и целом выполнена автором удовлетворительно. Брошюра написана ясным, простым языком, не перегружена излишними подробностями, в ней почти нет обычного спутника популярной литературы — грубого вульгаризаторства. К сожалению, и она не лишена некоторых, впрочем легко устранимых в последующих изданиях, недостатков.

Более всего неудачна глава о франко-прусской войне. Причины военного конфликта остаются неясными читателю; кроме того, при чтении этих мест книжки создается впечатление, что весь рабочий класс Франции и Германии единодушно выступил против войны. Задавшись похвальной целью пропаганды идей международной солидарности пролетариата помощью исторических примеров, автор согрешил перед исторической правдой. Законное недоумение породит и следующее затем изложение истории войны с пруссаками: после свержения Наполеона III рабочие и беднота стояли «на том, чтобы сопротивляться до конца». Это изменение позиции по отношению к войне нужно было бы объяснить, иначе неподготовленный читатель не поймет — почему рабочие, бывшие против войны, вдруг превратились в пламенных сторонников ее. Прочие отделы брошюры выполнены лучше. Отметим, однако, еще ряд более мелких недочетов. На стр. 12 автор в подстрочном примечании объясняет читателю, что такое палата депутатов. О ней сказано: собрание н а р о д н ы х представителей. Это объяснение мы по вполне понятным причинам считаем совершенно неприемлемым. Столь же мало удачно по форме и по существу другое положение брошюры: «Большинство рабочих были в то время б ы в ш и м и к у с т а р я м и». Упу-

щением мы считаем и то, что в книге не объяснено происхождение и значение слова Коммуна; у читателя, для которого рецензируемая брошюра предназначена, слово «коммуна» сочетается с совершенно иным кругом представлений, вот почему на этой почве возможны непонимание и неясность. Несмотря на указанные мелкие промахи, брошюра заслуживает самого широкого распространения.

И. Альтер. Роза Люксембург в борьбе с реформизмом. Изд. «Прибой», 1927 г., стр. 85.

Книжка И. Альтера — попытка критической оценки роли Розы Люксембург в истории германской социал-демократии. Автор не имел в виду дать конкретно-исторический очерк возникновения, развития и «большевизации» левого крыла партии: он формулирует ряд методологических положений для подобного исследования. Основной вывод автора: «величайшая заслуга Розы состояла в том, что она была застрельщиком и вождем беспощадной борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом». Роза Люксембург в эпоху II Интернационала поставила во весь рост вопросы революции. Но в то же самое время она не дала действительной научной теории империализма, не сумела в положительном виде закрепить свои протесты против неправильных организационных и тактических взглядов II Интернационала и сохранила в этой области ряд старых предрассудков и заблуждений; наконец, Р. Люксембург «неправильно расценивала движущие силы революции (крестьянский, национальный, колониальный вопросы)». Словом, ошибки люксембургианства — в сочетании «субъективной революционности с неверным или не всегда верным анализом объективной действительности». Последователи Розы Люксембург, настаивая на ошибках своего вождя, потеряли и ту революционность, которая отличала учителя.

Автору не удалось в полной мере «сочетать» «тезу» и «антитезу», «субъективное» и «объективное» в анализе исторической роли Р. Люксембург, потому что он в своей книге не дает достаточно четкого анализа конкретной истории германской социал-демократии.

Анализируя корни оппортунизма в германском рабочем движении, автор настаивает на том, что в ревизионизме мы имеем дело с идеологией рабочей аристократии. Но ответ не покрывает вопроса: вне поля зрения автора остается судьба мелкой буржуазии, в союзе с которой рабочая аристократия стремилась заменить классовую партию — «народной партией».

Бернштейн начал свою карьеру ревизиониста критикой анархизма в 1893—1896 гг. Критикуя анархизм, он опровергал революцию, диктатуру пролетариата и т. д. еще до создания своей «новой» теории. Но в этой критике, поскольку она прикрывалась лозунгом борьбы с анархизмом, были солидарны все. Каутский к Парижскому конгрессу Интернационала выдвинул вопрос об отличии между тактикой и принципами и взял под свою защиту ревизионизм. Роза Люксембург не выдвигала против них каких-либо новых тактических принципов, не настаивала на организационном размежевании, а следовательно, стояла на почве с.-д. В ее рядах она играла революционную роль. Но не следует, как это делает автор, противопоставлять ее позицию — позиции партии, а затем «журить» ее за те или другие политические ошибки. Здесь у автора грань исследования и апологетики стирается. В вопросах обнищания, принципах руководства партией, в вопросах сочетания «стихийного» и «сознательного» в движении — Р. Люксембург была на стороне Каутского и Мартова, потому что она не увязывала эти вопросы с восстанием и революцией. Это прекрасно понимает и т. Альтер. Но в таком случае «вырывать» Р. Люксембург из ее эпохи и превращать ее в представительницу III Интернационала в эпоху II Интернационала, — ошибочно. Разница между Каутским и Р. Люксембург, по словам автора, в том, что первый безусловно верил в парламентаризм и демократию, вторая — лишь условно. Это свидетельствует о том, что Р. Люксембург была «левым крылом» с.-д., но все же частью социал-демократии своей эпохи. Мысль эта прекрасно иллюстрирована автором на примере оценки Р. Люксембург крестьянского и национального вопросов. В рядах с.-д. правые рассматривали себя,

как защитники крестьянства, левые отклоняли всякую мысль о блоке с ним. Р. Люксембург, подобно Каутскому, не смогла преодолеть нигилистического отношения крестьянству и тем самым теоретически оставалась на почве II Интернационала.

Книжка т. Альтера интересна. Ее основной недостаток — недостаточная отчетливость в изображении деятельности Р. Люксембург «как продукта своей эпохи». Последнее не ослабляет, конечно, значения Р. Люксембург как предшес тв вождя современного коммунистического движения Германии.

В. Евгеньев-Максимов. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. Государственное издательство, 1927, стр. 255.

В своем труде, посвященном «светлой памяти» Н. А. Некрасова, организатора двух крупнейших социалистических журналов XIX века, и представляющем собой первую попытку систематического обзора истории важнейших русских легально-социалистических журналов, В. Евгеньев-Максимов сосредоточивает внимание читателей на «стержневых, если так можно выразиться», журналах — на «Отечественных записках» 40-х гг., «Современнике» конца 40-х, второй половины 50-х и 60-х гг., «Отечественных записках» 70-х и 80-х гг. и на органах легального марксизма — «Новом слове» и «Начале» 90-х гг., не характеризуя «даже таких крупных журналов», как «Русское слово» и «Дело».

Главный интерес исследования В. Евгеньева-Максимова заключается в детальном освещении (в значительной степени на основании неизданных материалов, а именно воспоминаний и писем современников, а главным образом, документов, извлеченных из цензурных архивов) непрерывной борьбы русских просветителей с преследованиями со стороны «врага всего живого» — гнавшей мысль, каравшей слово цензуры. В рассматриваемый период, простирающийся с начала 30-х годов, когда Герцен и Огарев, «дети декабристов и мира нового ученики, ученики Фурье и Сен-Симона», «поклялись посвятить всю жизнь народу и его освобождению, основою положить социализм» (стр. 8), и до запрещения 22 июня 1899 г. журнала «Начало», неизменным основным явлением, характерным для русской дореволюционной действительности, оказывается «поразительный факт политической безграмотности высших сановников государства в исходе XIX века», доходившей до того, что в постановлении четырех министров о «совершенном прекращении» журнала «Начало» эта мера мотивирована тем, что этот журнал «является органом анархистского учения, именуемого русским марксизмом» (стр. 263).

В. Евгеньев-Максимов неоднократно подчеркивает, что он не задается целью детально и всесторонне излагать миросозерцания руководителей сменявших друг друга направлений. В намеченных им пределах, его характеристики, имеющие в виду лишь существеннейшие пункты, нельзя не признать в общем весьма удачными. Что же касается «Истории социалистической журналистики», то для таковой по существу необходимыми представляются не только и даже не столько количественные добавления к «Очеркам», но и выяснение ряда проблем, едва затрагиваемых или даже вовсе не затрагиваемых в «Очерках». В. Евгеньев-Максимов излагает направления, как летописец, не выясняя, что смена миросозерцаний представляла собой диалектический процесс, обусловленный классовыми противоречиями. Лишь для конфликта «отцов» с «детьми» в конце 50-х годов правильно констатируется, что эту рознь следует рассматривать не только как рознь двух поколений, но и как рознь двух социальных группировок (стр. 74).

Глубоких причин конфликта пионеров марксизма в легальной журналистике с эпигонами народничества В. Евгеньев-Максимов по сущетсву не рассматривает, не выясняя, между прочим, и того, чем вызывалось и в чем сказывалось «значительное поправение по сравнению с 70-ми годами народничества» (стр. 222).

В. Евгеньев-Максимов метко характеризует общие черты «социалистической настроенности» русских просветителей и в общем правильно указывает на западно-европейские источники этих социалистических тенденций; но у него недостаточно отме-

чены своеобразные черты, по существу отличавшие русских просветителей от их западно-европейских учителей, вытекавшие из того, что в России в течение ряда десятилетий социалистам пришлось быть энергичнейшими борцами за многое из того, что в Западной Европе было достигнуто еще революционной буржуазией. Для того, чтобы детально проследить, как эта особенность русского исторического процесса отражалась не только на личной судьбе его активнейших участников, но и на постановке злободневных проблем и на их трактовании, необходимо тщательно изучить сложные взаимоотношения между русским социализмом и разными оттенками русского либерализма и политического радикализма и их выражениями в русской журналистике. А в труде В. Евгеньева-Максимова даже отношение руководителей «Современника» к тогдашнему политическому радикализму изображено неадэкватно: не принято во внимание столь существенное именно для этого отношения произведение, как «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского.

Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 года. — Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. Истпарт. Госиздат. Ленинград, 1927, стр. XV + 416.

Первое марта 1887 г. Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. С предисловием А. И. Елизаровой. Изд. „Московский рабочий». 1927, стр. 390.

Обе книги посвящены неудавшемуся покушению на Александра III, задуманному группою петербургских студентов, по большей части выходцев из южных областей России. Это было последнее террористическое покушение, проходившее под флагом «Народной воли». Партия к тому времени фактически уже не существовала, и группа молодых энтузиастов, замыслившая громким актом всколыхнуть застоявшуюся атмосферу тогдашней России, изнывавшей под пятою державного «миротворца», не решилась даже принять название партии, к тому моменту совершенно разгромленной, а приняла скромное наименование «террористической фракции партии Народной воли».

Здесь, впрочем, играл роль не только момент организационный, но и момент идеологический. Прежней цельности народнического миросозерцания у новой молодежи уже не было. К этому времени в России появились уже первые элементы будущей марксистской партии в лице группы Благоева, заграничной группы «Освобождение труда» и некоторых отдельных кружков и лиц социал-демократического устремления. Первые издания группы «Освобождение труда» были известны деятелям 1 марта 1887 года, среди которых некоторые, как Генералов, Лукашевич, Говорухин, отчасти Ульянов, склонялись к марксистским взглядам. Но видеть в них, а тем более в группе в целом, социал-демократов, как это склонен делать О. Говорухин, было бы, конечно, преувеличением. В общем группа примыкала к традиции народовольчества с ее верой в акты индивидуального террора, хотя она бесспорно являлась переходом от старого народовольчества к социал-демократии.

Покушение не состоялось и было предупреждено в самом начале благодаря неопытности участников, а неосторожная система вербовки исполнителей, в частности сигнальщиков, откровенные показания которых и раскрыли правительству глаза на все детали задуманного предприятия, дала возможность полиции выловить всех участников его почти до последнего человека (случайно уцелел арестованный ранее С. А. Никонов и уехавшие заблаговременно за границу Рудевич и Говорухин). Метальщики Генералов, Осипанов и Андреюшкин вели себя героически, но и то один из них. Андреюшкин, имел неосторожность до ареста написать знакомой письмо, которое, будучи перехвачено полицией, показало ей, что готовится террористическое покушение, и привело к установлению слежки, приведшей в конце концов к захвату террористов, вышедших с бомбами на Невский проспект.

Инициаторами дела были Лукашевич и Шевырев, место которого в центральной группе, после отъезда его за две недели до покушения на юг, занял А. И. Ульянов. Последний, по всем данным своей выдающейся натуры, по уму, энергии и поведению на суде, явился как бы главою всего предприятия, хотя на самом деле инициатива

принадлежала не ему. Среди крупных людей, привлеченных к этому процессу (как Шевырев, Лукашевич, Генералов, Осипанов и Андреюшкин), Ульянов, гармонически сочетавший в себе все умственные и моральные данные, оказался фигурой наиболее выдающейся, центральной. В его лице погиб, между прочим, не только великий гражданин, но и великий ученый. Замечательно, что в товарищеском кругу его называли «Ильичом», как впоследствии называли его младшего брата, В. И. Ульянова-Ленина.

Первая из рассматриваемых книг, кроме неподписанного предисловия, содержит ряд статей и воспоминаний, отчасти уже опубликованных, отчасти появляющихся впервые, а именно: Кольцова-Гинзбурга, В. Бартенева, А. И. Ульяновой-Елизаровой, С. Никонова, И. Лукашевича, М. Новорусского, О. Говорухина, П. Н. Чеботарева, М. Драницына, С. Хлебникова, Г. Гарпака, В. Кашкадамовой, В. Калашникова, В. Дмитриевой и В. В. Водовозова; далее, краткое изложение процесса (следствия и судопроизводства) и, наконец, несколько приложений, в том числе прокламацию по поводу Добролюбовской демонстрации 17 ноября 1886 г. (грубое усмирение которой и дало толчок к покушению на царя), ряд жандармских донесений, обвинительный акт, показания некоторых подсудимых, программу группы, правительственное сообщение о деле 1 марта 1887 г. и пр.

Вторая книга, кроме короткого предисловия А. И. Ульяновой-Елизаровой и некоторых приложений (доклад м. в. д. гр. Д. Толстого о причинах установки наблюдения за Андреюшкиным, показания Осипанова и Ульянова, программы террористической фракции и прокламации по поводу Добролюбовской демонстрации), состоит из стенографического отчета о заседаниях Особого присутствия сената, рассматривавшего дело 1 марта 1887 года 15—19 апреля того же года, и вынесенного им вердикта, коим к смертной казни было приговорено 7 человек (Ульянов, Шевырев, Генералов, Андреюшкин, Осипанов, Лукашевич и Новорусский). Последние двое были помилованы и заключены в Шлиссельбург, а первые пятеро повешены во дворе Шлиссельбургской крепости 8 мая 1887 года.

Обе книги, в особенности первая, носящая менее специальный характер, дают много материала не только для ознакомления с одним из наименее освещенных эпизодов нашего революционного прошлого, но и для характеристики переломного периода в истории русского революционного движения, когда под влиянием капиталистического развития страны старые народнические воззрения начали уступать место марксизму, призванному сыграть такую огромную роль в судьбах нашего отечества.

А. П. Прибылева-Корба. «Народная Воля». Воспоминания о 1870—1880 годах, стр. 220. Историко-революционная библиотека журнала «Каторга и ссылка».

Статьи сборника, как сообщает автор, писались на протяжении 22 лет; жизнь бьет в них ключом. Это — хорошо написанная, глубоко пережитая и хорошо продуманная книга. В ней нет полной исторической картины, нет анализа, нет картины тактических расхождений, имевших место в «Народной Воле». Но партия и ее Исполнительный комитет, Желябов, Михайлов, Желваков и Емельянов, карийская каторга и ссылка оживают перед читателем и глубоко волнуют. На ряду с биографиями и отдельными эпизодами, читатель найдет в книге ряд новых штрихов о предательстве Дегаева, процессе 17-ти и о некоторых мало освещенных еще моментах в истории Исполнительного комитета «Народной Воли».

Большая любовь к революционному прошлому, с которой написана эта книга, заставляет и читателя живо переживать все перипетии расцвета и упадка одной из величайших революционных организаций. Большая часть статей сборника печаталась уже в разных периодических изданиях. Сборник — одно из лучших произведений историко-революционной литературы.

Шарль Шмидт. Июньские дни 1848 г., «Прибой», 1927.

В нынешнем году — восьмидесятилетие июньской битвы, «первой великой битвы труда с капиталом»; нужно думать, что интерес советского читателя к этому эпизоду из истории борьбы пролетариата в высокой степени возрастет. Выпуская в свет перевод книжки Шмидта, издательство, очевидно, и руководилось благим намерением удо-

влетворить запросы передовых рабочих, пролетарского студенчества и т. д. Однако, скажем прямо, цель эта не достигнута. Рецензируемая книжка имеет лишь одно достоинство, но достоинство внешнее, литературное. Она написана ярко, сочно, популярно. Что до содержания, то оно оставляет желать много лучшего. Наибольший интерес и ценность представляет та часть книги, где рассказана история военных действий; но даже и тут мы не можем не отметить одного досадного обстоятельства. Военные действия даны в разрезе планов правительственной армии; читатель узнает, как постепенно, шаг за шагом, преодолевая сопротивление инсургентов, африканские генералы подавляли восстание. Но его интересует и другое: каковы были планы и намерения рабочих? К сожалению, эта сторона дела осталась почти вне поля зрения автора, хотя он и пишет, что «организация у инсургентов весьма основательная; у них есть оружие — винтовки национальной гвардии, оружие, захваченное в феврале и запрятанное; их возглавляют офицеры национальной гвардии». Величайшей важности вопрос о мере стихийности и организованности июньского сражения автором не разработан. Шмидт, как мы видим, склонен высоко оценивать организованность сражавшихся, между тем мы располагаем рядом свидетельств современников и позднейших исследователей, говорящих обратное. При всех указанных дефектах эта часть книжки представляет несомненный интерес. Жаль только, что к книге не приложена карта старого Парижа с обозначением баррикад; без нее рядовой читатель будет в большом затруднении.

Никуда не годится та часть книги, где Шмидт старается объяснить причины, исторический смысл событий и действия отдельных участников. Объяснения поверхностны и наивны, они безмерно ниже и бессодержательней всего того, что написано в любой более или менее добросовестной истории революции 48-го года. Июньские дни для автора книги—самый печальный инцидент, вызванный «бездарностью политических деятелей, их полным незнанием действительной жизни, их иллюзиями относительно власти слова и полным игнорированием развития экономической жизни». Эта, на первый взгляд суровая, характеристика правительственных деятелей 48-го года есть в действительности запоздалая попытка их обелить и оправдать. Июньская бойня не была плодом невежества и непредусмотрительности Временного правительства; наоборот, бойню провоцировали, к ней готовились, ее жаждали. Нет никаких сомнений в том, что уже с первых дней революции всем членам правительства, за исключением разве Луи Блана и Альбера, была ясна неминуемость столкновения. Обо всем этом много раз говорено, этого не могут опровергнуть даже присяжные защитники Временного правительства, а автор рецензируемой книжки умудрился как-то обойти молчанием столь вопиющие факты. Еще более непонятна беспомощность Шмидта при объяснении особенностей тактики Кавеньяка. Известно, что Кавеньяк не мешал восставшим построить баррикады, что в первые два дня, когда восстание можно было подавить без особого труда и жертв, генерал не предпринимал никаких активных действий. По этому поводу у Кавеньяка с Исполнительной комиссией возник даже конфликт. Но вот как об этом написано в книжке Шмидта: «Араго настаивал, что лучше пойти на некоторые частичные уроны, зато уничтожить баррикады в самом их зародыше, но Кавеньяк не желал компрометировать свою армию ради защиты парижских «лавок». Такое объяснение не выдерживает и прикосновения критики. Истинной причиной медлительности Кавеньяка были два обстоятельства: 1) желание дать разрастись движению, чтобы учинить потом кровавую баню, и 2) стремление к диктатуре и устранению Исполнительной комиссии. Это ему и удалось сделать. Собрание, испуганное восстанием, устранило Исполнительную комиссию, вручило диктаторские полномочия генералу и отдало Париж в полное его распоряжение.

Следует, наконец, отметить еще один существенный пробел книги: в ней до смешного мало рассказано об участи июньских инсургентов; эту поучительную страницу из истории борьбы рабочего класса не следовало бы скрывать от современного читателя.

Подведем итоги: книжка Шмидта, несмотря на интересные факты, ею сообщаемые, не заполнит пробела в нашей русской литературе об июньских днях. Очень жаль, что т. Молок не постарался в своем предисловии восполнить недостатки книжки.

К. ШМЮКЛЕ

ПЕРВЫЙ ТОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА [1]

I

Перед нами лежит первый том полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, издаваемого Д. Рязановым «по поручению Института К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве» [2]. Это объемистый том в 621 страницу с восемью приложениями (рисунками, образчиками рукописей и т. п.). Воспроизведению текста сочинений Маркса предшествует «Предисловие к полному изданию» (стр. IX—XXVIII) и «Введение к первому тому» (стр. XXIX—LXXXIV), написанные редактором. Об объеме полного собрания сочинений в законченном виде можно судить на основании того, что ныне вышедший том посвящен исключительно первому, еще не пролетарски-революционному, еще не материалистически-диалектическому, периоду творчества Карла Маркса, т. е. эпохе приблизительно от 1839 г. до весны 1844 года.

Выхода первого тома, конечно, ожидали с некоторым нетерпением; сам Рязанов говорит о «несколько запоздавшем выходе» этого тома, точнее полутома, вызванном особыми трудностями при упорядочении, расшифровке, обработке и воспроизведении большею частью новых материалов. Даже беглый просмотр этого тома может дать некоторое представление о количестве затраченного на него труда, о трудностях, связанных с одним лишь установлением текста, о сложности приведения материала в хронологический порядок, сложности вопросов, относящихся к установлению дат, и т. д.,— одним словом, обо всех тех проблемах, на которые неизбежно вынуждена наталкиваться,— и притом именно вначале,— издательская деятельность, руководящаяся научными принципами. «Рим построен не в один день». Однако можно надеяться, что, после того как преодолены первоначальные трудности, издание пойдет ускоренным темпом; как нам сообщают, первый том переписки (из третьего отдела полного собрания сочинений) и затем второй том, который будет посвящен молодому Фридриху Энгельсу, выйдут в близком будущем.

В «Предисловии к полному изданию» Рязанов дает интересный обзор прежних попыток издать собрание сочинений Маркса и Энгельса, производившихся еще при их жизни, затем подробно останавливается на том, что было сделано Францем Мерингом, и в заключение формулирует программу полного издания, выясняет план и руководящие принципы издания, указывает на трудности предприятия и т. п. Конечно, мы не можем коснуться здесь ни материальных, ни историко-политических предпосы-

---

[1] Настоящая статья представляет несколько сокращенный перевод трех очерков, появившихся в органе германской коммунистической партии «Rote Fahne» от 21 и 28 сентября и 7 октября 1927 г.

[2] Karl Marx, Werke und Schriften bis Anfang 1844. Nebst Briefen und Dokumenten. I. Halbband; Werke und Schriften (Marx-Engels-Gesamtausgabe, 1 Abteilung). Marx-Engels-Archiv-Verlagsgesellschaft, Frankfurt a. M.

лок начатого издания, которое имеет интернациональное значение и первый том которого вышел непосредственно перед десятой годовщиной Октябрьской революции.

Передовые пролетарии всех стран давно уже осведомлены об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса [1]). Рязанов уже в течение нескольких десятилетий известен как исследователь деятельности Маркса и Энгельса и теоретик. Некоторые указания о программе изданий Института К. Маркса и Ф. Энгельса и, в частности, об его деятельности в области исследований, относящихся к деятельности Маркса и Энгельса, также были уже даны в коммунистической прессе. Мы ставим поэтому своей целью выяснить теперь лишь один пункт по отношению к начатому изданию.

Мы имеем в виду научную форму этого издания, составляющего эпоху. «Наше издание, — пишет т. Рязанов в «Предисловии», — ставит себе целью прежде всего создать объективную основу для всякого исследования, относящегося к деятельности Маркса и Энгельса, то есть воспроизвести в синоптическом порядке тщательно установленный текст всех сочинений, представляющих собой духовное наследство, оставшееся нам от Маркса и Энгельса». Итак, должны быть напечатаны не только сочинения в собственном смысле слова, но и сохранившиеся в рукописях ненапечатанные труды, отрывки, наброски и т. п., или, по крайней мере, они должны быть приняты во внимание и использованы в примечаниях и приложениях. Затем в «Предисловии» указывается, что главная цель заключается в том, чтобы «сделать доступным для научного исследования весь комплекс идей Маркса и Энгельса во всем его своеобразии». В том же смысле в резолюции V Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала было упомянуто о «необходимости наискорейшего издания полного собрания сочинений и писем Маркса и Энгельса с историко-критическим комментарием»: «лишь такое издание явится достойным памятником научного коммунизма и создаст необходимые предпосылки для всестороннего изучения истории, теории и практики революционного марксизма». Поэтому начатое издание называется «историко-критическим полным изданием». Другими словами, в данном издании надлежит пользоваться тонкими и точными инструментами, несомненно, доведенными до высокой степени совершенства буржуазно-академической наукой в течение веков; дело идет о том, чтобы и в этой области поучиться у буржуазии и применить ее орудия в своих собственных классовых интересах.

Понятно, что такое фундаментальное издание не может выйти в популярной форме. Кроме того, весьма значительная доля того, что сделано Марксом, ставит чрезвычайно высокие требования к теоретической подготовке читателя,— и не только пролетарского, господа буржуа, принадлежащие к цеху ученых! Неслыханно глубокая и универсальная научная работа, выполненная Марксом, по существу дела могла быть проделана лишь в весьма сложной, часто трудной для понимания форме. Одно дело пролагать новые пути науке и открыть для нее новые области, другое — выразить теоретические открытия, касающиеся структуры общества,— сложнейшего классового общества, основанного на нелепейших противоречиях, — на простом языке обыденной жизни так, чтобы эти открытия стали доступными всеобщему пони-

---

[1]) «Без Института Маркса и Энгельса, без его учреждений, без его аппарата, без его штата сотрудников под компетентным руководством Э. Цобеля нельзя было бы вообще и думать о выполнении этой превышающей силы отдельного человека задачи. Подготовка полного собрания сочинений Маркса и Энгельса потребовала создания большой научной организации. Считая своим долгом всячески поддерживать и поощрять это предприятие, ВКП еще раз свидетельствует, что она прекрасно сознает, чем она обязана учению Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (Рязанов, в конце «Предисловия»). Но здесь нет надобности особенно подчеркивать, до какой степени девиз «Полное издание сочинений Маркса и Энгельса» вообще связан с III Интернационалом в историческом смысле и какое политическое значение он имеет; мы ограничиваемся напоминанием о V Всемирном Конгрессе, о речи Рязанова на этом Конгрессе и о принятой по его сообщению резолюции.

манию. Если бы Карл Маркс не писал так «тяжело», то Энгельс, а затем и Ленин не могли бы писать так замечательно «просто».

Понятно, что эта сторона дела найдет до некоторой степени выражение в строго научной, в известном смысле «академической», форме полного издания. Дело идет о создании предпосылок: без таких предпосылок, в которых программа полного издания намечает для себя специальнейшую задачу и свою определенную цель, нельзя правильно понять теоретические итоги деятельности Маркса и Энгельса и их исторические достижения, связанные тысячью нитей с историей прошлого века, и таким образом быть в состоянии использовать их для великой борьбы рабочего класса и для достижения его целей.

Не следует ложно истолковывать смысл нашего подчеркивания этой формальной стороны. Главную цель издания Рязанов, как уже было упомянуто, усматривает в «научно безупречных форме и порядке при полном воспроизведении всех сочинений Маркса и Энгельса». Итак, и примечания и другие приложения к томам, входящим в состав первого отдела, в общем должны ограничиваться сообщением наиболее важного из современного материала, находящегося в непосредственной связи с текстом; если этот материал доступен не без затруднений,— облегчать поиски более точных данных о лицах, состояниях и событиях посредством ссылок на источники и литературу предмета. Ясно, насколько цель, которую ставит себе это полное издание, отличается от более скромной, отнюдь не свободной от ошибок в выполнении, программы мерингового издания, носящего название: «Из литературного наследства» [1]).

Уже в первом томе полного издания печатаются весьма объемистые и чрезвычайно важные труды Маркса, которых Меринг не знал или в силу каких-либо причин не включил в свое издание; из тридцати девяти листов текста вышедшего тома, согласно «Введению», не менее пятнадцати листов содержат в себе «впервые печатаемые здесь с рукописей произведения; далее, приблизительно на шести листах здесь впервые вновь печатаются первые издания, до сих пор большею частью не принимавшиеся во внимание исследователями». Добавим, что эти впервые изданные здесь рукописи имеют неоценимое значение для точного выяснения теоретического развития молодого Карла Маркса.

Вышедший том является лишь первым полутомом, за которым вскоре последует второй полутом с письмами и документами, с приложениями разного рода и с историко-критическим «аппаратом» примечаний. Из приведенных выдержек следует, что характер этих приложений будет значительно отличаться от тех подробных комментариев или введений Меринга к его изданию ранних произведений Маркса, которые были столь ценны для всех изучавших первоначальный период истории развития основоположников марксизма. Однако общая историческая картина этого развития не только может быть гораздо более точно выяснена теперь на основании впервые обнародованных в полном издании материалов [2]), но и должна быть отчасти исправлена.

II

Мы пытались выяснить на основании вышедшего первого полутома особый характер полного издания Маркса и Энгельса. Мы коснемся теперь содержания этого тома, в особенности же впервые воспроизведенных в нем работ молодого Маркса.

Какие новые материалы напечатаны в вышедшем полутоме? Рязанов дает во «Введении» к каждому произведению Маркса ценные, большею частью новые указания; он излагает множество важнейших исторических, биографических, теоретических,

---

[1]) Franz Mehring. Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels, 1841 bis 1850. Stuttgart bei Dietz (3 Aufl. 1920).

[2]) Или на основании отдельных важных сочинений, напечатанных в «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса», первый том которого содержал первую часть «Немецкой идеологии», а во втором томе впервые напечатаны «Диалектика природы» Энгельса и его подготовительные работы к «Анти-Дюрингу».

руководящих принципов и фактов. Позволим себе обратить внимание, по крайней мере, на важнейшие из этих новых марксовых текстов.

Докторская диссертация «О различии между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» известна уже по изданию Меринга, но теперь ее значение более выясняется благодаря новым текстам, воспроизведенным из семи тетрадей рукописи под заглавием «Из подготовительных работ по истории эпикурейской, стоической и скептической философии» [1] (стр. 84—144). Рязанов подчеркивает, «что сам Маркс впоследствии вовсе не считал выводы, формулированные в его диссертации, несостоятельными. Он часто возвращался к основной теме своей «Диссертации» и повторял выраженную в ней точку зрения или делал дальнейшие выводы из нее».

Проблемы, рассматриваемые в «Диссертации», в частности отношение демокритовской «Натурфилософии» к эпикуровской, не случайно избраны Марксом: стоит лишь «материалистически истолковать» «диссертацию», т. е. рассмотреть ее с точки зрения позднейшей, развитой марксовской теории, и окажется, что в ней, вопреки все еще наличным идеалистически-критическим точкам зрения, *дана первая глава развития материалистического мировоззрения Маркса*. Прогрессивная философия древне-греческого общества кончается различием демокритовского и эпикурейского мировоззрений,— с того же различия и беря за исходный пункт те же два имени, начинается развитие философского материализма в эпоху Гассенди, Декарта и т. д. И хотя исследования молодого Маркса в общем и целом не выходят за пределы гегелевского, следовательно, *идеалистического* образа мышления, *это — еще не полная истина*. «Мы полагаем, — сказано во «Введении», — что Маркс уже тогда... по крайней мере в некоторых выводах, понимал гегелевскую философию со специфически младо-гегелианской тенденцией, в весьма реалистическом смысле, с проникнутым энтузиазмом стремлением к чувственному и живому миру».

Для теоретиков-марксистов намечается прекрасная задача исследовать намечаемое в этих формулировках специфическое различие между гегелевским воззрением и воззрением молодого Маркса на этой первой ступени его развития. У Гегеля потребности *системы* порождали его «систематический» мистицизм, который представляет материалистическое содержание гегелевского изображения истории в принципиально *извращенном* освещении. Можно сказать, что уже Марксу «Диссертации» и «Подготовительных работ» этот мистицизм присущ в гораздо меньшей степени.

Затем следует период «Рейнской газеты» (1842—1843). Маркс — сотрудник, затем главный редактор. Вчерашний философ становится *политиком*.

«В том, как Маркс руководил «Рейнской газетой», теоретическим и практическим органом передовой радикальной буржуазии, он, в этот период бывший еще буржуазным демократом, проявляет себя уже как будущий мастер революционной тактики пролетариата». Так характеризует Рязанов в своем «Введении» непрерывную борьбу, которую редактор Маркс был вынужден вести за существование своей газеты и за проведение прогрессивной и демократической политики в условиях крайне реакционного режима Фридриха Вильгельма IV. Изданный полутом дает изумительно богатый материал, относящийся к этому периоду первоначальной политической деятельности Маркса (стр. 170—393),— вдвое более, чем издание Меринга. Кроме того, во «Введении» дан весьма интересный живой очерк той политической роли, которую играл редактор «Рейнской газеты».

Взгляды Маркса на *государство* и на политику здесь выступают еще в философской тоге,— по форме она все еще в значительной степени остается геге-

---

[1] Речь идет, с одной стороны, о чрезвычайно интересных выдержках из древних авторов (в этом издании большею частью лишь указываются соответственные места) с устанавливающими между ними связь замечаниями Маркса; с другой стороны, в кратких, иногда сравнительно длинных разъяснениях, написанных великолепным, живым, конечно, не легким, философским языком. Эти разъяснения часто затрагивают проблемы нового времени и новой философии.

лианской, но лишь по форме. Конечно, государство еще является «нравственной субстанцией», рассмотрение общества «субстанциальным». Но политическая физиономия «Р. Г.», которая,— отчасти из-за цензуры,— еще скрывается в покровах «Философии права», имеет поразительное сходство с физиономиями деятелей Конвента. Маркс уже делает в статьях «Rheinische Zeitung» языком, свидетельствующим о пламенном политическом темпераменте, радикальные выводы из политической диалектики Гегеля и его учения об обществе; он заменяет теологическую и философскую критику критикой государства и политики. Но политик Маркс на этой ступени своего развития все еще чувствует «затруднение», когда ему приходится говорить о материальных вопросах, об экономических отношениях. Мы имеем в издании Рязанова те пять «мозельских статей», в которых бедственное положение нуждающихся мозельских крестьян-виноделов обсуждается как очередной политический вопрос.

Три объемистых теоретических труда, имеющих огромное значение, находящихся в теснейшей взаимной связи и представляющих в своей последовательности один грандиозный ряд, завершают первый период жизни Маркса, а следовательно, и этот том: «Критика государственного права Гегеля» (стр. 403—559), впервые напечатанная в этом издании рукопись, затем — из издававшихся Марксом и Руге в Париже «Deutsch-Französische Jahrbücher»— статья «К еврейскому вопросу» (стр. 576—606) (этой статье предшествует известная «Переписка в 1843 г.» между Руге, Фейербахом, Бакуниным) и, наконец, «К критике философии права Гегеля. Введение» (стр. 607—621), своего рода манифест, являющийся, благодаря призыву к массам, провозглашению «философского коммунизма», так сказать, своеобразным философским предтечей «Коммунистического манифеста».

Конечно, важнейшим из новых материалов, напечатанных в этом томе, можно признать первую из этих работ. В ней параграф за параграфом разбирается политическая и теоретическая сущность «Философии права» Гегеля, конкретная теория государства Гегеля, и выясняется ее действительное содержание; точка зрения Гегеля на государство переворачивается и ставится на ноги. С этого труда начинается составляющее эпоху в развитии марксизма сведение счетов с гегелианским образом мышления, и поэтому он заслуживает тщательнейшего изучения. Центральным пунктом критического исследования является выяснение отношения «гражданского общества» к «политическому государству»; здесь впервые возвещается, что государство является выражением и продуктом гражданского общества, а не его властелином, руководителем и творцом. Благодаря установлению действительного, земного отношения между государством и обществом создается принципиально новая основа, в принципе достигается уже пограничная линия между радикально-буржуазной, или «якобинской», теорией государства и революции и социалистически-коммунистической. В дальнейших статьях эта граница остается позади.

В «Deutsch-Französische Jahrbücher», из которых вышел лишь первый двойной выпуск (Париж, в конце февраля 1844), была помещена и статья Фридриха Энгельса, которую Маркс впоследствии неоднократно, и, между прочим, в первом томе «Капитала», называл «гениальным трудом» («Очерки критики политической экономии»). «Это совпадение взглядов Маркса и Энгельса,— говорит Рязанов во «Введении»,— означает завершение предыдущей фазы развития Маркса и начало новой фазы». Начинается взаимное воздействие друг на друга двух великих умов, через год после встречи наступает непосредственная совместная деятельность, начинающаяся со «Святого семейства». Поэтому первый полутом заканчивается работами Маркса из «Deutsch-Französische Jahrbücher».

III

По своему теоретическому и политическому содержанию первый том сочинений Маркса может носить двоякое заглавие: «От классического идеализма к современному материалистическому мировоззрению»—«От буржуазно-политической к радикально-общественной революции».

В ранних проявлениях гения Маркса мы имеем классическое выражение великого исторического перехода. Конечно, облик Маркса, соответствующий этому переходу, вполне выяснится лишь тогда, когда выйдут следующие тома полного издания, другими словами, когда будут даны последние из остающихся «промежуточных звеньев», которыми завершается это развитие, ведущее к материалистической диалектике и к критике политической экономии; но уже первый том дает так много нового, заполняет столь многие пробелы в первом цикле вышеупомянутого теоретического перехода, что следует ждать с напряженным интересом выхода следующих томов.

Рязанов подчеркивает во «Введении», что именно «на основании нового материала... портрет молодого Маркса, несомненно, обогатится многими существенно новыми чертами, его развитие можно будет проследить гораздо точнее». Добавим здесь, что и эти ранние стадии теоретического и политического развития д-ра Маркса из Трира представляют вовсе не только «биографический» или «чисто исторический» интерес; наоборот, следует признать, что специальные исследования, относящиеся к Марксу и Энгельсу, которым предстоит еще разрешить важные задачи, в конце концов способствуют достижению и гораздо более важной общей цели. Это мы говорим, прежде всего, тем, которые могли бы быть склонными считать первые работы, очерки, статьи, полемические произведения и т. д. Карла Маркса, «философа» и «младо-гегельянца», «в настоящее время» неважными, представляющими интерес разве лишь для истории философии, «документами эпохи».

После того, как столь важные сочинения, как, напр., «Критика государственного права Гегеля», наконец, извлечены из архивной пыли (главным образом из берлинского архива социал-демократической партии), после того, как прежде существовавшие пробелы заполнены для большого периода в истории развития молодого Маркса,— наконец, в значительной степени установлена первая предпосылка для будущего основательного и точного анализа и изложения «молодого» марксизма, для обширных исследований, относящихся к вышеупомянутым вопросам. Но,— мы еще раз подчеркиваем это,— именно в таких исследованиях крайне нуждается марксистская наука.

Никто не будет утверждать, что материалистическая диалектика представляет собой простой, несложный метод.

Марксисты должны неутомимо изучать диалектику. Без этого при решении принципиальных, как и тактических вопросов практики классовой борьбы неизбежен ряд ошибок. Капиталистическое классовое общество отличается во всех своих формах и во всех сферах его жизни от средневекового общества именно тем, что господство, эксплоатация, борьба и возмущения происходят в нем не в непосредственных, «личных» отношениях зависимости, а, наоборот, в бесконечно разнообразном и более или менее непрозрачном механизме. Не легко установить действительную связь между отдельными текущими событиями и, исходя из данных обстоятельств, иметь в виду целое, ближайшую цель, общность революционных интересов, конечную цель. Материалистическая диалектика, и только она, есть тот метод, при посредстве которого можно познать действительность и исходные пункты революционной классовой борьбы.

Именно ранние работы Маркса представляют в высшей степени ценный материал для изучения диалектики, для выяснения ее исторического развития, ее отличия от старых и новых «метафизических» методов мышления, господствующих в капиталистическом мире, ее противоположности этим методам. Даже тогда, когда диалектика Маркса еще наполовину или на три четверти остается идеалистической, она всюду имеет революционный, проникающий «в корень вещей» характер. Содержанием и центральным пунктом диалектики молодого Маркса, переходящего от философии Гегеля к материализму Фейербаха [1]), с самого начала оказывается общество, общественное существование человека. Конечно, это еще не материальная основа общества.

[1]) Здесь мы не могли рассмотреть отношение Маркса к Фейербаху; по нашему мнению, придется снова и обстоятельно выяснить и это отношение, когда в следующих томах будут напечатаны соответственные документы.

Но следует вспомнить, как Энгельс говорил, что оба они, как Маркс, так и Энгельс, при установлении политико-экономической основы общественной науки, обратив главное внимание на имеющее решающее значение содержание, естественно до некоторой степени упустили из виду формальную сторону дела. По нашему мнению, юношеские работы Маркса могут дать нам иногда превосходные руководящие точки зрения для анализа многих идеологических форм общественной жизни.

Молодой Маркс в особой, свойственной лишь ему, гениальной форме совершил великий исторический переход. Подобно тому, как позади Маркса стоит великий облик Гегеля, позади него стоит также и облик Великой французской революции и ее философских предшественников. И уже в этом первом томе мы имеем первую критику классической немецкой философии и первую критику классической буржуазной революции.

ВЫСТАВКА ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ГРАКХА БАБЕФА

(1797—1927 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

К 130-летию со дня казни Гракха Бабефа (27 мая 1797 г.) Институт К. Маркса и Ф. Энгельса организовал выставку Великой революции конца XVIII в. Дата открытия выставки была выбрана не случайно. Социальная история революции, изучение которой составляет одну из задач нашего Института, должна была быть представлена как марксистская история даже тогда, когда речь идет о подборе экспонатов для музея.

В истории классовой борьбы пролетариата Великая французская революция занимает видное место. Эта революция означала победу нового общественного строя, «победу буржуазной собственности над феодальной», но тем самым она была переломным этапом и в истории рабочего класса. Двойственную природу Великой революции К. Маркс блестяще охарактеризовал в статье «Баланс прусской революции» на страницах «Новой рейнской газеты» еще в декабре 1848 года. Для него революция 1789 г. была победой XVIII века над XVII, подобно тому как английская революция 1648 г. означала победу XVII века над XVI веком. И та и другая революция, писал К. Маркс, «представляли собою победу одного определенного класса общества над старым политическим строем; они провозглашали политический строй нового европейского общества». Победа буржуазии в этих революциях означала: «победу капиталистической собственности над феодализмом, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, разделения собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над фамильным именем, промышленности над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями». Но, выполняя одну и ту же задачу, обе буржуазные революции (1648 г. и 1789 г.) все же глубоко отличались друг от друга. В английской революции «б у р ж у а з и я в с о ю з е с н о в ы м д в о р я н с т в о м боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви»; во французской революции XVIII в. «б у р ж у а з и я в с о ю з е с н а р о д о м боролась против монархии, дворянства и господствующей церкви». Каждая революция ушла на столетие вперед, и это прежде всего соответствовало прогрессу капиталистического производства и углублению классовых противоречий в обществе. Правда, в первые годы французской революции буржуазия возглавляла движение, но уже в 1793—1794 гг. ей противостоял «народ» как активная историческая сила. «Народ» этот состоял из «пролетариата и не принадлежавших к буржуазии слоев городского населения». То была в социальном отношении еще бесформенная масса, не имевшая своей особой классовой программы. «Народ» не составлял в этом смысле во Франции конца XVIII в. «самостоятельного развитого класса или части класса». Там, где этот народ выступал против

буржуазии, «он боролся только за осуществление интересов буржуазии, хотя и не на буржуазный манер». Подобная социально-историческая характеристика революции конца XVIII в. дает основание Марксу заявить: «Весь французский террор (1793—1794 гг.) представлял не что иное как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии — абсолютизмом, феодализмом и филистерством». Итак, в буржуазной революции 1789—1794 гг. пролетариат и социально-смежные с ним слои выступали не со своей особой классовой программой требований, но со своими особыми («не на буржуазный манер») способами осуществления этой программы. В этом — огромное значение Великой французской революции в истории пролетариата и его классовой борьбы: буржуазная революция победила благодаря «плебейской манере», прежде чем пролетариат выступил против буржуазии во имя своей собственной социалистической революции.

Но выступление «народа» как самостоятельной политической силы, его конфликты с торжествующей буржуазной фракцией, хотя бы по вопросам тактики, в обстановке гигантского социально-экономического кризиса, не могло не поставить наряду с вопросами о юридическом равенстве вопросы экономического, фактического равенства французов. В этих условиях медленно, но неуклонно складывались элементы коммунистической системы, которые в 1796 г. привели к заговору Гракха Бабефа. Устанавливая в «Святом семействе» генезис коммунистических идей, К. Маркс писал: «Революционное движение, которое в 1789 г. началось в «Cercle social», которое в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Жака Ру, и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором Бабефа,— движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова была введена во Франции другом Бабефа — Буонаротти». События Великой революции служили, таким образом, питательной почвой для генезиса коммунистических идей новейшего времени. Это лишний раз подчеркивает огромное значение революции 1789 г. в истории пролетариата. Не весна 1794 г. и не 9 термидора являются, с точки зрения классовой борьбы пролетариата, высшим пунктом революционного движения конца XVIII в., а бабувистское движение 1796 г. Мы можем здесь перефразировать слова К. Маркса, сказанные им в 1871 г. по поводу Парижской коммуны: борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря бабувизму в новую фазу: как бы ни кончилось дело Бабефа на этот раз, «новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки был завоеван».

Историю Великой французской революции конца XVIII в., с точки зрения истории пролетариата, мы можем схематично разбить на следующие основные этапы:

1. Кризис «старого порядка» — борьба буржуазии за власть.

а) С 5 мая 1789 г. по июль 1791 г. (эпоха Генеральных Штатов и Учредительного собрания).

б) С осени 1791 г. по 10 августа 1792 г. (Законодательное Собрание).

в) С 10 августа 1792 г. по 31 мая — 2 июня 1793 г. (от революции 10 августа до изгнания Жиронды из Конвента).

2. Эпоха мелко-буржуазной диктатуры.

а) С июня 1793 по сентябрь 1793 г. (борьба за диктатуру мелкой буржуазии).

б) С сентября 1793 г. по апрель 1794 г. (Революционное правительство).

в) С апреля 1794 г. по 9 термидора (кризис и поражение революционного правительства).

г) С 9 термидора 1795 г. по прериаль и жерминаль (термидорианская реакция).

3. Эпоха буржуазной республики.

а) С 1795 г. по май 1797 г. — Буржуазная Республика и заговор Бабефа.

б) С 1797 г. по 1799 г. — Падение буржуазной республики.

Эта схема и положена в основу подбора материалов выставки по истории Революции, организованной музеем Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Очевидно, что при указанной выше установке Институт радикально отлично представлял себе задачи и пути осуществления выставки, и выполнил ее иначе, чем музей революции во Франции, музей Carnavalet или выставка, посвященная Революции, Bibliothèque Nationale, организованная в январе 1928 г. Наша выставка должна была выполнить две задачи: ознакомить всех интересующихся историей Великой революции с богатствами кабинета Франции и архива Института, а также ознакомить широкие массы рабочих, студентов, слушателей рабфаков и т. д. с подлинными и ценнейшими историческими материалами, лежащими в основе тех книг по истории Революции, которые они изучают в школах, вузах и рабфаках. Обе задачи не противоречат, а дополняют друг друга. Умелой комбинацией обеих задач московская выставка радикально отличается от парижской. Чтобы оценить научную и музейную ценность выставки Института К. Маркса и Ф. Энгельса, стоит хотя бы бегло сравнить ее с предприятием Bibliothèque Nationale. Очевидно, что мы в Москве не располагаем богатствами Archives Nationales, оригиналами картин Давида (картина «Marat assassiné» Давида была предоставлена выставке бельгийским правительством), материальными памятниками Революции, но и при этом московская выставка значительно выигрывает по сравнению с парижской: «Bibliothèque Nationale» дала 900 экспонатов, из которых наиболее значительная часть посвящена быту и нравам, религии, эмиграции, литературе и искусству, но возмутительно слабо разработаны отделы экономической и социальной истории. По экономической истории даны 4 экспоната, рабочий вопрос не представлен и т. д. Совершенно отсутствует отдел прессы. «Бешеные» обойдены презрительным молчанием, им не уделено ни одного экспоната. Любопытно также отметить, что гражданская война иллюстрирована лишь десятком случайных, тенденциозно подобранных экспонатов. Конечно, все это в оригиналах, но не характерно ли, что в Париже выставка, посвященная Революции, показала буржуазной публике исключительно анекдотическую историю Революции, не историю борьбы классов, а лишь то, что может удивить и поразить любопытного зрителя и удовлетворить взглядам реакционера-буржуа. Обращает на себя внимание также отсутствие плана при подборе материалов выставки, той систематизации экспонатов, которая могла бы дать зрителю представление об основных этапах революции, об общем ходе ее развития. И в данном случае выставка Bibliothèque Nationale рассчитывала лишь на музейно-показательную сторону дела. Знакомясь с каталогами и описаниями выставки, поражаешься отсутствию интереса и симпатии к движению масс, которое дало себя знать на парижской выставке. Автор предисловия к каталогу выставки совершенно прав: показывая публике памятники Великой революции, организаторы руководились теми же принципами, что и при организации выставки «Век Людовика XIV» в 1927 г. Мы прекрасно понимаем возмущение А. Матьеза, этого знатока революции, который в последнем номере своего журнала, в статье, посвященной выставке, пишет: «Я искал ремесленников, крестьян, рабочих, торговцев на этой выставке... Народ отсутствовал!» Конечно, иначе подходили мы здесь в Москве к исполнению своей задачи. Нам Великая революция конца XVIII в. ближе, чем французской буржуазии. И в этом мог убедиться всякий, кто знакомился с материалами выставки Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ц. Фридлянд.

ОБЗОР ВЫСТАВКИ

На выставке было показано 2 790 экспонатов, из которых: 1870 гравюр, 98 подлинных манускриптов, 100 газет с разными названиями, 129 архивных документов, 91 декрет, 372 книги, 10 карт и диаграмм, составленных музеем Института, 19 фотокопий с уникальных произведений и документов, хранящихся в национальных хранилищах Парижа и Лондона (работы «бешеных», ранних «бабувистов», отчеты «Лондонского корреспондентского общества» 1792—1794 гг.); в отведенном для Гракха Бабефа зале из имеющихся в Институте коллекций было показано до 300 экспонатов, большею частью представляющих совершенно неопубликованный материал. Экспонаты выставки были расположены в 7 залах музея Института.

ЗАЛ I

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Промышленность и сельское хозяйство. — 2. Привилегированное сословие; третье сословие. — 3. Быт и нравы. — 4. Англия и борьба американских колоний за независимость.

По промышленности и сельскому хозяйству экспонировано около 180 различных гравюр, взятых из Энциклопедии Дидро 1771 года (Rec. de planches).

Здесь даны виды наиболее крупных производств: металлодобывающее и обрабатывающее, дубильное, ткацкое, королевская фабрика гобеленов и до 40 видов мелких производств, ютящихся вблизи Парижа, каретное, седельное, обойное, ювелирное и т. д. Для иллюстрации сельского хозяйства даны: виды обработки земли, животноводства-пчеловодства, виноделия, рыболовства и охоты, наиболее характерные виды работ на дому одиночек кустарей. Наряду с этим дан целый ряд королевских приказов, парламентских распоряжений и регламентов, регулирующих промышленную и торговую жизнь страны 80-х годов XVIII века; характерны распоряжения, касающиеся борьбы с профессиональными объединениями рабочих, например, постановление парламента от 23/XI 1776 года, воспрещающее всякие сборища подмастерьев и пр. Даны также экономические журналы по вопросам сельского хозяйства и торговли, изданные в мае 1751 г. Отметим работу Vauban «Projet d'une dixme royale», s. l. 1707.

Книга Jung «Voyages en France pendant les années 1787, 1788, 1789 et 1790.» P. 1793.

Во втором разделе даны портреты наиболее видных представителей духовенства, дворянства, королевского дома и его министров; среди портретов ценным является редчайшая цветная гравюра Debocourt, изображающая Людовика XVI.

Затем чрезвычайно редкая серия цветной гравюры, изображающая архитектуру дворцов (Chateau de Versailles, vul de l'avant-cour. Grav. des. et sc. par Silvestre 1682. Vue du palais de Bourbon. Grav. en coul. Testard del. Roger sc. P. Campion), правительственных учреждений того времени, парков, мест резиденции короля.

Подлинный документ: «Lettre de Cachet». Louis XV. Compiègne 1766 24/VII, contresignée Phelypeaux. Ordre à Dupuis d'arrêter le V-te Beauval de la Perelle. Большая литература о Неккере и книги Неккера в 1-м издании, в частности: «Compte-rendu au roi au mois de janvier 1781. P. 1781»; протоколы собрания нотаблей 1787 г.

В отделе «Быт и нравы» представлены литературные салоны того времени, портреты их руководительниц и их особняки, философско-литературный мир, группирующийся вокруг этих салонов: Корнель, Мольер, Расин, Кребильон, Рамо, Мармонтель, Бомарше, Ретиф де-ла-Бретон, Делиль, Мерсье и пр.; их основные работы в первом издании.

Современной гравюрой представлена парижская улица, парижские народные кабачки, из которых наиболее популярным являлся кабачок «Рамионо»; уличные сцены, забавы, игры, магазины, борьба с проституцией.

Быт чрезвычайно интересно иллюстрирован острой сатирой выдающихся карикатуристов эпохи: Джильрея и Ролаундсона. Англичане по происхождению, они оба посетили Париж в конце 80-х годов и едкой карикатурой отметили разлагающийся быт Франции; особенно любопытна современная эпохе (конец 80-х и середина 90-х годов XVIII в.) карикатура Джильрея, пролетария по происхождению, сына солдата.

В отделе «Англия накануне Французской революции» даны в портретах главные представители так называемой оппозиции: Фокс, Шеридан, Борк, Пристли; знаменитый процесс Гастингса и карикатуры на английское общество, двор и его быт.

Из книг отметим:

B ü r k e, E. A. Vindication of Natural Society, or a View of the Miseries and Evils arising to Mankind from every species of Artificial Society. Ldn. Cooper 1756.

P a i n e, «Common Sense: Address to the inhabitants of America». Ldn. Ridgway, 1791; The Address and declaration respecting the French Revolution... A new Letter to Mr. Secretary Dundas and Mr. Adam, 1792.

P r i e s t l e y. Letters to the right honourable Edm. Burke. Birmingham Pearson. 1791 и мн. др.

В витринах — борьба американских колоний за независимость. Даны портреты вождей революционного движения: Вашингтона, Франклина, Лафайета; серия подлинных гравюр Х о д о в е ц к о г о, передающих все этапы этой революционной борьбы; Декларация о независимости Северо-Американских Соединенных Штатов 4 июня 1776 года в современной гравюре; книги, относящиеся к этой борьбе. Отметим книгу Р е й н а л я (R a y n a l, G. T.): Tableaux et révolutions des colonies anglaises... 2 vol. + + Amsterdam C-e des libr. 1781; аббата L o n g c h a m p s (1785 г.), R a m s a y и т. д.

ЗАЛ II

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Философия XVII века. — 2. Влияние английской философии. — 3. Энциклопедия. — 4. Вольтер и Монтескье. — 5. Материалисты XVIII века. — Экономисты. — 6. Социальная философия. — 7. Естественные и точные науки.

В отделе философии XVII века даны современные портреты и труды: Гассенди, Декарта, Паскаля, Спинозы и Лейбница.

Отметим из них следующие книги:

G a s s e n d i, P. Institutio logica et Philosophiae Epicuri syntagma. Authore Petro Gassendo. Ld. ex. off. Redmayne, 1668.

D e s c a r t e s, R. Principia Philosophiae. Amstelodami, apud J. Jansonium Jun. 1656.

S p i n o s a, B. Opera posthuma. 1677, редчайшее издание 1677 года.

L e i b n i t z, G. Opera omnia, nunc primum collecta, in classes distributa, praefationibus et indicibus exornata, studio Ludovici Dutens. T. 1—6, Geneva. De Tournes. 1768.

В отделе английской философии наряду с ценной портретной гравюрой Бэкона, Гоббса, Локка, Толанда, Кларка показаны их труды.

Отметим книги:

Hobbes, Historia ecclesiastica. Opus Posthumum. 1688.

Elementa philosophica de cive. Amstelodami, apud D. Elzevirium 1669.

Особенно ценная по редкости издания книга:

Hobbes, Th. Leviathan or the matter, forme and power of a common weal wealth ecclesiastical and civil, Ld., print. for Andrew Crooke.

Locke, J. «The works».

Toland, J. Christianity not mysterious: or a Treatise schowing that there is nothing in the Gospel contrary to reason, nor above it: and that no Christian doctrine can be properly call'd a mystery. Ld. 1696.

В отделе энциклопедии дана иконография Бейля, где следует отметить цветную гравюру Facquaud del. Lederc sc.; «Dictionnaire historique et critique par M-r Pierre Bayle», ed. rev., corr. et augm. par l'auteur. Rotterdam, chez M. Bohm. 1720; затем иконография Дидро и гравюры.

В основу этих гравюр положен портрет, писанный Vanloo, который сам Дидро считает наиболее удачным: особенно ценным является офорт Zolt'a, сделанный им в 1796 г., уникум: здесь же бюст Дидро, бронза работы Houdon'a; книги Дидро:

Diderot, D. Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une Société de gens de lettres... Publ. par Diderot et par... D'Alembert. T. 1—17, 1751—1765. P. chez Briasson, David, Le Breton, Durand.

— Oeuvres philosophiques de Mr D. T. 1—6, Amsterdam, Rey. 1772; иконография д'Аламбера — гравюры N. Jollain, pinx. B. Henriquet sc., Tardieu, Savart (1780) и книга: «Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie». Nouv. éd. (t. 1—4). Amsterdam, Z. Chatelain et Fils impr. (1759—1773).

Кроме того, здесь же даны портреты сотрудников Энциклопедии — Кондильяка Гальяна и др. Интересна группа знаменитых авторов: д'Аламбера, Дидро, Руссо Бюффона, Гельвеция, Монтескье, Фонтенеля.

По Вольтеру дана обширная иконография из 10 гравюр, среди которых следует отметить цветную гравюру Alix и образцы иллюстраций к целому ряду его произведений.

По Монтескье представлена иконография и полное собрание его сочинений «Oeuvres». Amsterdam et Leipsick. 1764. Arkstée et Merkus.

Материалисты XVIII века представлены обширной иконографией: Гельвеция, Гольбаха, Робине, Боне; из портретов Гельвеция интересен L. Vanloo pinx., гравировки A. St. Aubin 1773 г. Из работ дан:

Helvetius, Cl.-A. De l'esprit. Paris. Durand, 1758; показан единственный портрет Гольбаха, гравюра Robinson'a по картине Latour'a, а также работы

Holbach. Système de la nature ou des Lois du monde physique et du monde moral par M. Mirabaud. P. t. 1—2. Londres 1770.

— Système social ou principes naturels de la morale. Ldn. 1773.

La Mettrie, J. O. Oeuvres philosophiques. Ld. Nourse. 1751.

Robinet, J. B. De la Nature. Avec front. Amsterdam, Harrevelt. 1761; ценнейший портрет и книга Регнуса («Medicinae»—1657 г.).

Среди экономистов XVIII в. надлежит отметить:

Quesnay, Fr. Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain. Leyde. 1768.

Smith, A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In 3 v. With 2 portr. Vol. 1—3. Dublin. Chamberlaine 1776.

Mirabeau Riquetti, V. Philosophie rurale, ou économie générale et politique de l'agriculture. T. 1—3. Amsterdam. 1764. Les Libraires Associés.

«L'ami des hommes, ou Traité de la population» 5-ème éd. T. 1—3. Hambourg, 1764. Hérold.

Turgot, A-R. Mémoires sur le prêt à intérêt et... P. Froullé libr. 1789.

— Oeuvres postumes de M. Turgot, ou mémoire de M. Turgot, sur les Administrations provinciales, mis en parallèle avec celui de M. Necker. Lausanne 1787.

— Собственноручное письмо Тюрго к Демарэ, написанное 2 декабря 1791 г. одна страница (4°).

Dupont de Nemours, P. S. Discussion et développement sur quelques-unes des notions de l'économie politique. Leyde. 1767.

Mercier de la Rivière, P. Fr. Y. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. London, Nourse libr. Paris, Desaint libr. 1767.

F. Dialogues sur le commerce des bleds. Londres. 1770.

Все сопровождается современной эпохе иконографией.

Социальная философия XVIII века представлена: Жан-Жак Руссо—даны 10 его портретов, из которых наиболее ценны: цветная гравюра Alix'a по картине Garnerey, гравюра Fiequet по картине De la Tour, гравюра «Предсмертное слово Руссо» Guttemberg'a по картине J. Moreau le jeune. Подлинный автограф Руссо — Lettre de J.-J. Rousseau du 9/1, 1763 à son ami le banquier Lenieps.

Здесь же дан декрет Национального собрания от 21/XII 1790 года о сооружении памятника Руссо и назначении пенсии его жене; его работы:

Rousseau, J.-J. Du Contrat Social ou Principes du droit politique. Amsterdam, chez Marc Michel Rey. 1762.

— Collection complète des oeuvres. Contenant les ouvrages de Politique. Genève. 1782.

— Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Amsterdam, chez Marc Michel Rey. 1755.

Мелье, Жан — дан исключительной ценности рукописный экземпляр современной эпохи.

Meslier, J. Pensées de Jean Meslier Prêtre-Curé d'Etrépigny en Champagne, sur les erreurs des Religions du monde en général et en particulier de la Religion Chrétienne. Manuscrit original de l'époque.

— L'évangile de la raison. Ouvrage philosophique. 1765;

Морелли (Morelly). Naufrage des isles flottantes ou Basiliade du célèbre Pilpai. Trad. par Mr. M. T. 1—2. Messine, Paris, 1753.

— Code de la nature ou le véritable esprit de ses loix, de tout temgs négligé ou méconnu. Partout chez le Vrai Sage. 1755;

Мабли, Габриэль — иконография из 7 портретов, ценная цветная гравюра Alix'a, затем St. Aubin'a и F. Bonneville'a; его труды:

Mably, G. Des principes de la négation... Amsterdam. 1757. Oeuvres complètes. Londres. 1789.

— Principes de morale. Amsterdam, Rosart. 1785.

Boissel, Fr. Le cathéchisme du genre humain. P. 1792.

— Adresse des citoyens républicains de Paris à leurs frères des départements et des armées. (P) Imp. des 86 départements. 1793.

В отделе естественных и точных наук помещены портреты: Реомюра, Бюффона, Лаланда, Лавуазье, Ламарка, Бертоле, Лапласа, Лагранжа и пр.

ЗАЛ III

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЯ

1. Генеральные штаты. — 2. Учредительное собрание. — 3. Законодательное собрание. — 4. Революция 10 августа 1792 г.

Первые дни революции представлены гравюрами: открытие Генеральных штатов 5 мая 1789 г. в Версале по картине Moreau le jeune — эта гравюра является одним из первых оттисков со списками на полях фамилий депутатов в алфавитном порядке; тут же дано в голландской гравюре торжественное шествие трех сословий и злая со-

временная сатира, офорт Jaime'а, изображающая похоронное шествие «Ее величества подати». На-ряду с этим постановление Королевского совета о созыве Генеральных штатов, датированное 1789 годом, и памятная запись одного из депутатов третьего сословия о заседании Генеральных штатов за май 1789 года.

Борьба вокруг вопроса о провозглашении Национального собрания отражена в гравюре Moreau le jeune «Национальное собрание 17 июня 1789 г.»; несколько гравюр изображают «Клятву» в зале Jeu de paume, из которых наиболее замечательны: «События 20 июня 1789 года», редкая современная акватинта и цветная гравюра Campion'а по Testard'у «Jeu de paume de M. le comte d'Artois sur les boulevards 1792». Здесь же показаны иконография и труды наиболее крупных политических фигур того времени: брошюра аббата Сийеса «Qu'est-ce que le Tiers-Etat»? t. I, 1789 и другие его работы; Байи и его работы.

Мирабо — богатейшая иконография (19 портретов), из которых наиболее интересной является гравюра черной манеры Levachez из коллекции Duplessis-Bertaux, и до 15 названий его трудов в первых изданиях 1775—1797 гг.; среди этих изданий обращает внимание книга, изданная в Москве под названием «Caméléon triomphant»... Moscou, 1792.

Иконография Мунье и его работы, оба брата Ламетт; Барнав представлен 8 портретами и рядом работ, изданных в 1789—1791 гг. Отдельно сгруппированы депутаты «левой», среди которых уже фигурирует Максимилиан Робеспьер, и депутаты «правой» с их вождем аббатом Мори; здесь же и Лешапелье — автор знаменитого впоследствии декрета 14 июня 1791 г.

В большой вращающейся витрине представлены портреты всех депутатов Национального собрания по сословиям по гравюре Déjabin.

Июльские дни в 1789 году в Париже и восстание народных масс развернуты в гравюре день за днем; из них представляют большой интерес: 8 июля 1789 г. — убийство полицейского агента — современная акватинта; отставка Неккера 11 июля, шествие с бюстами герцога Орлеанского и Неккера 12 июля — гравюра Berthault по Prieur'у, речь Камилла Демулена 12 июля в Пале-Ройяле; здесь же дано несколько видов Пале-Ройяля в цветной гравюре Janinet 1792 г. и иконография К. Демулена.

Движение июльских дней закончилось взятием Бастилии; этому событию посвящен ряд витрин, и из гравюр наиболее интересны: ночные дозоры с 12 на 13 июля — гравюра Jaime; захват оружия в Доме инвалидов и виды Дома инвалидов — цветная гравюра Janinet и Roger 1792 г.; план Бастилии, весьма редкая цветная гравюра Chapuy 1792 г.

Самое взятие Бастилии 14 июля 1789 г. выявлено в 14 гравюрах, из них обстрел Бастилии — Monnet; осада Бастилии — Levachez; вид Бастилии с бульвара — цветная гравюра Pernet 1792 г.; взятие Бастилии — цветная гравюра Campion'а 1792 г. Торжественное молебствие в память погибших при осаде Бастилии и речь аббата Фоше — гравюра Berthault по Prieur'у; арест губернатора Бастилии Делоне — акватинта; расправа с ним и процессия с головами убитых на пиках — голландская гравюра Vinkeles'а; шествие с освобожденными узниками Бастилии — гравюра Vrydag 1795 г., портрет Латюда, просидевшего в Бастилии 35 лет, — гравюра Bonneville. Здесь же находятся десять работ в первых изданиях, посвященные взятию Бастилии.

Несколько гравюр изображают приезд Людовика XVI в Париж 17 июля 1789 г. и ночь с 4 на 5 августа — отказ от привилегий; здесь особенно ценна цветная гравюра Helman'а по Monnet: «Assemblée nationale».

Поход женщин на Версаль 5—6 октября 1789 г. представлен современными голландскими гравюрами, рядом ярких народных лубков, крайне типичных для эпохи, где женщины на пушках, вооруженные вилами и пиками, с возгласами: «Хлеба!» направляются в Версаль. Серия мягких акватинт изображает отдельные эпизоды этого дня.

В нижней витрине рукописи-отчеты современников о событиях 5—6 октября, помеченные датами 5—6—15 октября; из них отметим:

District du Petit St. Antoine. P. 5/X 1789. Résolution des citoyens, assurant la subsistance de la capitale. Avec nombreuses signatures.

Assemblée des représentants de la commune de Paris. Copie du bulletin de la journée du 6/X 1789. P. s. l. s. d. 1 p. 4°.

District des Mathurins. Extrait des registres, concernant le transport du pain à Versailles pour les troupes. P. 1789. 5/X. 1 p. 4°.

Recueil de pièces relatives aux journées des 5 et 6 octobre 1789, trouvé... dans la chambre de Marie-Antoinette.

District des Minimes au Comité Général: Le maire se rendra auprès du roi pour obtenir la sûreté des honnêtes gens... P. 9/X 1789. 1 f. 4°.

Chabroud Ch., Pièces justificatives du rapport de la procédure du Châtelet sur l'affaire des 5 et 6 octobre, fait à l'Assemblée nationale, P. 1790.

Большой интерес среди этих рукописей представляет оригинал постановления граждан С.-Антуанского дистрикта от 5 октября по вопросу об обеспечении столицы продовольствием — имеются многочисленные подписи граждан, нередко с указанием их профессии.

Секуляризация церковных имуществ иллюстрирована рядом народных карикатур, где духовенство со всем своим скарбом выбирается с насиженных мест; таковы например: «Торжественное шествие его величества всемогущего духовенства» — переселение духовенства; «Аббатик, аббатик, бойся фонарика» и другие. Тут же декрет Национального собрания от 20 марта 1791 г., касающийся лиц духовного звания, отказавшихся принести гражданскую присягу конституции; закон от 26 января 1791 г. касающийся гражданской конституции духовенства; закон о смещении лиц, отказавшихся принести присягу, и другие.

Первый праздник Федерации 14 июля 1790 г. на Марсовом поле представлен целым рядом ценнейших современных гравюр в разнообразной технике того времени; цветная и черно-белая гравюра передает всю импозантность и величественность зрелища, отдельные детали арок и алтаря, портреты лиц, принимавших в нем участие... Вид Марсова поля в перспективе — цветная гравюра Chapuy по Roy; вид Марсова поля 14 июля — цветная гравюра Berthault; Марсово поле 14 июля — гравюра Helman'а по Monnet; галлереи, где расположилось Национальное собрание и выборщики, — и другие.

Военные восстания 1790 года изображают гравюры: дело в Нанси, смерть Дезиля 31 августа 1790 г. — гравюра Berthault по Prieur'у; геройский подвиг лейтенанта Дезиля — голландская гравюра Vinkeles'а, пробный оттиск; молодой Дезиль в деле Нанси — гравюра Laurent по Barbier; торжественное молебствие в память гражда солдат, убитых в Нанси в сентябре 1790 года, — гравюра Berthault по Prieur'у.

20 июня 1791 г. (бегство короля и поимка его в Варенне) — голландские гравюры Vinkeles'а, изображающие бегство короля и опознание его почтмейстером Друэ; тут же портрет Друэ в гравюре Varin'а; цветная гравюра-карикатура на обжорство Людовика XVI, не замечающего, что комната наполнена вооруженными, пришедшими его арестовать. Из книг, посвященных бегству короля в Варенн, отметим: Histoire du départ du roi. P. 1791.

Далее — расстрел народа на Марсовом поле 17 июля 1791 г. и герои этого события Байи и Лафайет, толкнувшие войска на кровавую бойню; отчет о событии 17 июля:

Extrait de la procédure et informations relatives aux événements du Champ de la Fédération du 17 juillet. S. l. et a. «Recueil de brochures hist.»... de la Rév. franç., t. III.

Здесь же экспонированы 21 цветная гравюра Campions'а изд. 1792 г., изображающая отдельные ворота и заставы Парижа в связи с открытием парижских застав и свободным ввозом продовольствия.

Конституция 14 сентября 1791 года: провозглашение ее на площади — гравюра Berthault по Prieur'у; король принимает конституцию в Национальном собрании — гравюра Dupréel'я 1792 года по Moreau, карикатура на недолговечность этой конституции. Из книг — различные издания конституции:

La constitution Française présentée au, roi le 3 septembre 1791, P. 1791.

La Constitution Française, décrétée par l'Assemblée Nat. constituante pendant les années 1789, 1790 et 1791, P. 1791.

Демонстрация 20 июня 1792 г. представлена гравюрой, изображающей шествие народа в Тюльери. Памятный день 20 июня 1792 года — анонимная гравюра. День 20 июня 1792 г. — офорт Duplessis-Bertaux. Людовик XVI перед народом — голландская гравюра Vinkeles'a. Народная карикатура на Людовика XVI и Марию-Антуанету в виде австрийской пантеры.

Отечество в опасности.

Серия гравюр, передающая добровольческую запись в армию; приезд марсельцев в Париж 30 июля 1792 г.; портреты отдельных вождей.

Революция 10 августа 1792 г.

День 10 августа 1792 г. — в цветной гравюре; то же — гравюра Helman'a по Monnet; гражданская панихида в память жертв 10 августа. Перевезение Людовика XVI и его семьи в темницу Тампль — цветная гравюра. Le Temple. Gravure en couleurs. P. Avant la lettre — 1792 г. — уникум; здесь даны официальные издания декретов: декрет, посвященный уничтожению королевской власти 10 августа 1792 г. декрет 28 августа 1792 г. о домашних обысках; декрет 1 сентября 1792 г., отменяющий заслуги федератов и коммуны.

Работы посвященные этому дню:

Mathelin, Marat dans le souterrain des Cordeliers, ou la journée du 10 août, P. II année de la république.

Chénier M., Eloge funèbre des citoyens morts pour la défense de la Liberté et de l'Egalité, le 10 août 1792.

Peltier J. G., Dernier tableau de Paris ou récit historique de la révolution du 10 août, Londres, 1792—1793.

Bigot de Sainte-Croix L. C., Histoire de la conspiration du 10 août 1792, Londres, 1793. И много других.

В этом зале отметим еще отдел: «Французская революция в произведениях ее современников». Из богатой коллекции Института показаны книги около 50 авторов; среди них:

Sénac de Meilhan G., Des principes et des causes de la révolution de France, St. Petersbourg, 1791.

Volney C. F., Les ruines ou méditations sur les révolutions des empires, P. 1791.

Guillaume M. N. S.. Parallèle des révolutions, P. 1792.

Montgaillard J. G. (de), L'an 1795, ou conjectures sur les suites de la révolution française. Hambourg, 1795.

Prudhomme L., Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la révolution française, P. 1797.

Duvoisin J. B., Défense de l'ordre social contre les principes de la révolution française, Londres, 1798.

Soulavie, Cinquième tableau analytique du mécanisme de la révolution française. Mémoires hist. et polit. du règne de Louis XVI. P. 1801.

Soulavie J. L., Histoire de la décadence de la monarchie française, P. 1803.

Robert L. J., De l'influence de la révolution française sur la population, 1802.

Barruel B., Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, Hambourg, 1803.

Schulz F., Geschichte der grossen Revolution in Frankreich, Berlin, 1790.

Girtanner, Christoph, Historische Nachrichten und politische Betrachtungen über die französische Revolution, Berlin, 1792.

Rehberg A. W., Untersuchungen über die französische Revolution, Hannover, 1793.

Gentz E., Betrachtungen über die französische Revolution, Hohenzollern, 1794

Eggers Ch. M. (von. —), Denkwürdigkeiten der französischen Revolution, Kopenhagen 1794—1795.

Eichhorn J. G. Die französische Revolution in einer historischen Übersicht, Göttingen, 1797.

Schmeisser G. Beiträge zur näheren Kenntniss des gegenwärtigen Zustandes der Wissenschaften in Frankreich, Hambourg 1797.

Gallitzin D., Vom Geiste der Oekonomiste, Duisburg am Rhein, 1798.

D'Jsraeli J. Domestic anecdotes of the french nation during the last thirty years, London 1794.

Burke E., Reflections on the revolution in France, London 1790.

Burke E., A letter to a member of the National Assembly, P. 1791.

Priestley J. Lettres au très honorable Edmond Burke, au sujet de ses Réflexions ur la Révolution de France, P. 1791.

Mackintosh J. Apologie de la révolution française, P. 1792.

Carte politique des sections de Paris la veille du 10/VIII 1792 (d'après Braesch).

ЗАЛ IV

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

1. Войны против коалиции. — 2. Гражданские войны. — 3. Революция и Европа. — 4. Пресса.

Состояние военного дела в середине XVIII века представлено 16 гравюрами из приложения к энциклопедии Дидро 1771 года: военные укрепления, инженерное искусство, виды оружия и пр. Ряд современных гравюр передает сражения революционных войск с коалицией, начиная от битвы при Жемаппе 1792 г., сражения при Вальми 1792 г., Флерюсе 1794 г.; тут же свыше 30 портретов революционных генералов; голландская гравюра Vinkeles'a — убийство французского посла Бассевилля в Риме 13 января 1793 г., за неделю до казни Людовика XVI; современные карты военных действий.

Декреты, связанные с войной: 1) декрет Национального Конвента от 19 ноября 1792 г., в котором Конвент обещает братство и помощь всем народам, которые пожелают бороться за свою свободу; 2) декрет Национального Конвента от 23 января 1793 г., уполномочивающий коммуны переплавлять колокола на пушки; 3) декрет Конвента от 14 июня 1793 г., предающий суду чрезвычайного трибунала братьев Людовика Капета; 4) декрет Конвента от 7 августа 1793 г., объявляющий Вильяма Питта врагом рода человеческого; 5) воззвание и декрет Национального Конвента от 14/16 августа 1793 г., призывающие к массовому ополчению на борьбу с врагами республики; 6) декрет Национального Конвента от 29 сентября 1793 г., объявляющий предателями недобросовестных поставщиков по снабжению армии.

Наконец — ряд современных гравюр, связанных с вопросами военного дела.

Gillray в гравюре дает яркую сатиру на коалицию, на военную агитацию Питта и на борьбу его с радикалами в парламенте; в гравюре «Английское воинство, идущее на борьбу с революционной Францией, вдохновляемое французской эмиграцией», очень метко передается настроение буржуазного английского общества: Питт, фабрикующий телеграфные известия; разнообразные проекты английского десанта; конгресс членов коалиции; поход Екатерины (Екатерина Великая — одной ногой в России, другой — в Константинополе).

В отделе гражданских войн: восстание Вандеи 1793—1795 гг. Ряд гравюр передает различные моменты восстания: расстрел вождя движения, генерала Шаретта; аббат, поднимающий восстание; арест роялистически настроенного крестьянина; типы вандейских повстанцев, их вожди; комиссары конвента, посланные на борьбу с Вандеей; декреты конвента, касающиеся посылки подкреплений на борьбу с Вандеей; декреты, касающиеся граждан, борющихся с повстанцами; дело в Нанте 1793 г.; Киберон 21 июля 1795 г. Восстание в Тулоне 1793 г. и главные действующие лица.

Отдел прессы.

Из большой коллекции французского кабинета показана лишь часть периодической прессы Великой революции. Разбита пресса по направлениям: дана конституционно-монархическая пресса, жирондистская и якобинская; кроме того, ряд альманахов, официальная газета «Moniteur» за все время и т. д. Отметим:

Courrier de l'égalité, par l'auteur des lettres du père Duchêne, réd. Lemaire, P. 1792—1794.

Lettres bougrement patriotiques du véritable père Duchêne, par Lemaire, Paris, 1790—1792.

La Trompette du père Duchêne, Lemaire, P. 1792.

Le point du jour, réd. par Barère, P. 1789—1791.

L'orateur du peuple, par Martel (pseud. de Fréron), P. 1790—1792.

Année de la feuille villageoise, red. Rabaut de St. Etienne Cerutti, Grouvelle, Ginguené P. 1790—1792.

L'Année littéraire et politique, P. 1790 (MDCCXC).

Aux voleurs! aux voleurs! impr. de Jean Bart, P. 1790.

Je m'en fouts, Liberté Libertas F....! de l'impr. de Jean Bart, 1790.

Les souliers de l'abbé Maury, impr. Jean Bart, P. 1790.

Alerte, citoyens! Alerte, impr. Jean Bart, P. 1790.

Supplément au «Point du jour» par Béranger P. 1792.

Journal populaire, ou le peuple et ses amis par Pollet, P. 1789.

Journal du soir des amis de la liberté et de l'égalite, réd. par P. Sablier et plusieurs écrivains patriotes, P. 1793—1794.

Journal du matin des amis de la liberté et de l'égalité, réd. par P. Sallier, 1794.

Journal des fondateurs de la république, réd. Mithois, P. 1794.

Recueil des actions héroïques et civiques des républicains français l'an 3, Nancy.

Les révolutions de France et de Brabant, C. Desmoulins, P. 1789—1791.

Le vieux cordelier, journal réd. par Camille Desmoulins. P., l'an 2 de la république.

Révolutions de Paris, dédiées à la nation, publ. par L. Prudhomme, P. 1789—1794.

Le patriote français, dirigé par Brissot de Warville, P. 1789—1792.

Le courrier de Versailles à Paris et de Paris à Versailles par Gorsas, P. 1789—1790.

Bibliothèque de l'homme publié, par M. de Condorcet, M. de Peysonel, M. le Chapellier, P. 1790—1792.

Journal de Paris, P. 1784—1792.

Annales patriotiques et littéraires de la France, dirigées par L. S. Mercier et Carra, Paris. L'an 2 de la républ. (1793).

Annales patriotiques de Marseille, Marseille 1790.

Courrier de Marseille, Marseille 1790.

Les évangélistes du four, réd. J. Dulaure, P. 1790.

La Chronique du mois, ou les cahiers patriotiques de E. Clavière, C. Condorcet, L. Mercier (et autres) Cercle Social, P., l'an 3 de la liberté 1791—1793.

Feuille du Cultivateur, réd. par M. M. Dubois, Brousson et Lefevre, P. 1790—1792.

Le pour et le contre, ou Tous les journaux aristocratiques, modérés et démocratiques, Paris 1790.

Journal Militaire, rédigé par Cournay, P. 1790—1800, 1-re partie, 1790.

Journal Général de l'Europe, ou Mercure national et étranger, par P. M. H. le Brun, P. 1791.

Journal des États-généraux convoqués par Louis XVI, par M. Le Hodey, P. 1789—1791.

Les États Généraux de Versailles, le 2 mai 1789 par Mirabeau.

Lettres du comte de Mirabeau à ses commettans, 1789, s. l. et a.

Le courrier de Provence par Mirabeau, P. 1789—1791.

Le martyrologe national, P. 1790, attribué à Suleau, Bertin d'Antilly et autres.

Газеты Марата, Робеспьера и т. д. показаны в других отделах выставки.

В витринах дана иконография (40 листов) всех наиболее выдающихся журналистов того времени.

Среди экспонатов, отражающих влияние Великой французской революции в Германии, показано Майнцское восстание 1792—1793 гг.

F. L. J., Treue Geschichte der Drangsale, die das deutsche Dorf I... bei Mainz im ersten Revolutionskriege durch die Franzosen erlitten, Leipzig 1859.

Duncker, Lieutenant. Journal der Belagerung v. Mainz im Jahre 1793, Frankfurt a/M., 1793.

An die Mainzer, Ein Wort zu seiner Zeit, 1793.

Eckartshausen, Was tragt am meisten zu den Revolutionen itziger Zeiten bei? Hildesheim 1793.

Иконография Форстера и его труды:

Forster, J. G. (portrait de Forster — gravure), Voyage philosophique et pittoresque sur les rives du Rhin... fait en 1790... traduit de l'allemand par Charles Pougens, t. I, P. 1795.

— Ansichten von Niederrhein-Berlin, 1791.

— Ueber das Verhältniss der Mainzer gegen die Franken gesprochen... den 15. November 1792, Mainz 1792.

— Erinnerungen aus dem Jahr 1790, Berlin 1793.

Показан также ряд книг по истории Майнцского восстания, биографии Форстера и т. д.

ЗАЛ V

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ

1. Борьба фракций в Конвенте.— 2. Клубы.—3. Революционное правительство.—4. Комитеты.— 5. Парижская коммуна. — 6. Секции. — 7. Социальное законодательство.

План распределения материалов этого зала несколько отличается от общего плана выставки: наряду с хронологическим принципом планировки, здесь применен метод тематический: фракционная борьба в Национальном Конвенте, революционное правительство, клубы, Парижская коммуна — даны как отдельные темы.

Показаны: казнь Людовика XVI; Людовик XVI в Тампле — цветная гравюра Zaffeniate'a и Songleton'a; прощание Людовика XVI с семьей — голландская гравюра Vinkeles'a; допрос Людовика 1 сентября в Конвенте — голландская гравюра Vinkeles'a по Miller'y; 21 января 1793 г.— гравюра Helman'a по Monnet.

Декрет Национального Конвента от 4 декабря 1792 г. о предании смертной казни всякого, пытающегося восстановить во Франции королевскую власть; декрет Национального Конвента от 3 декабря 1792 г.; суд над Людовиком XVI: поименное голосование, выдержка из протокола заседания Национального Конвента 16—17 января 1793 г. по вопросу, какому наказанию подлежит Людовик XVI.

Ряд работ, посвященных казни короля, изданных в 1793—1798 гг. Из них отметим:

Le procès de Louis XVI, ou Collection complète des opinions... des membres de la Convention Nationa le sur les crimes de Louis XVI (publ. par J. C. Poncelin de la Roche Tilhac), P. 1795.

Correspondance secrète de la cour pendant le règne de Louis XVI, P. 1793.

Merlin de Douai P. A, Opinion sur le procès de Louis XVI, P., s. a.

Montjoye C. F., Eloge historique et funèbre de Louis XVI, Neuchatel 1796.

Jauffret L. E, Histoire impartiale du procès Louis XVI, P. 1792—1793.

Отдельные сцены, относящиеся к семье Людовика XVI: разлука дофина с матерью — гравюра акватинта Schiavonetti по картине Pellegrini; портрет Антуана Симона, воспитателя дофина, гравюра Poirot по картине Gabriel'я.

Тут же рядом убийство якобинца Мишеля Лепелетье де Сен-Фаржо 20 января 1793 г.; иконография Лепелетье, мертвый Лепелетье — гравюра по картине Давида, подаренной им конвенту; убийство Мишеля Лепелетье — цветная гравюра по Brion'у; работы Лепелетье: Plan d'éducation nationale de Michel Lepelletier, présenté à la Convention par Robespierre, P., s. a.; De l'abrogation de la peine de mort, P. 1793. Декрет Национального собрания от 20 марта 1793 г. о даре Давида — картине, изображающей Лепелетье на смертном одре.

В отделе «партии Конвента» показаны как в гравюре, так и печатных трудах современных эпох, «Жиронда» партия «деловой» буржуазии и ее борьба с «Горой»; из иконографии наиболее видных представителей этой партии отметим: Бриссо — гравюра черной манерой Levachez, Кондорсе — гравюра Portman'a, Верньо — гравюра Poreau по картине Hugot, Петпон — гравюра Levachez, Ролан — гравюра Aubin'a по картине Bonneville, M-me Ролан — гравюра Delaunay, Барбару — гравюра Bonneville, и др. а также книги видных представителей жиронды:

Brissot de Warville J. P., Sur la dénonciation de Robespierre, 20 avril 1793, s. l. et a.

— Testament politique de l'Angleterre, Philadelphie 1780.

— Le sang innocent vengé, ou Discours sur les réparations dues aux accusés innocents, Berlin — Paris 1781.

— Réponse... à tous les libellistes qui ont attaqué et attaquent sa vie passée, P. 1791.

— To his constituents on the situation of the National Convention, London, 1794.

Condorcet de Caritat M. J., Discours sur les Conventions Nationales, pron. le 7 août 1791, P., s. a.

— Sur la nécessité de faire ratifier la Constitution, P., s. a.

— Lettre sur le commerce des grains, P., 1774.

Vergniaud P. V., Réponse... aux calomnies de Robespierre... discours prononcé à la Convention Nationale le 10 avril 1793, P., l'an 3 de la républ.

Roland de la Platière, Rapport du ministre de l'Intérieur à la Convention sur l'état de Paris, du 29 octobre 1792, P., s. a.

— Lettre de M. Roland... à l'Assemblée Nationale, P., le 3 septembre, 1792.

Roland M. J., née Philipon, Oeuvres, P., l'an 8 (1800).

— Appel à l'impartiale postérité, P., l'an 3 (1795).

Salle J. B., L'ancien Comité de Salut public ou Observations sur le rapport des trentedeux proscrits, par une société de Girondins, s. l. 1793.

Louvet de Couvray J. B., Quelques notices pour l'histoire et le récit de mes périls depuis le 31 mai 1793, Paris — Londres, l'an 3 de la républ.

— Accusation contre Maximilien Robespierre à la Convention, à la séance du 29 octobre 1792, s. l. et a.

Революция 31 мая — 2 июня 1793 г. — падение жирондистов — иллюстрирована гравюрой Tessaert по Harriet (31 мая 1793 г.), где изображена толпа депутатов, выходящих из здания Конвента после памятного заседания, среди которых выделяется фигура Жана-Поля Марата, ведущего агитацию среди толпы граждан, окруживших депутатов; гравюра Berthault по картине Swebach-Desfontaines «Дни 31 мая — 1—2 июня 1793 г.»; портрет Анрио, командующего национальной гвардией, в гравюре Bonneville декрет национального конвента от 3 декабря 1793 г. о предании жирондистов суду революционного трибунала, а также подлинные документы, относящиеся к дням 31 мая— 2 июня 1793 г.

Municipalité de Paris. Conseil général. 1793, 31/V. Extrait du registre des délibérations: Les membres des tribunaux et tous les fonctionnaires sont invités à se rendre devant la Commune pour prêter le serment.

Commune de Paris. Conseil général. 1793, 31/V. Extrait du registre des délibérations... Les suspects seront désarmés... l'emprunt forcé sera requis...

Commune de Paris. Conseil général, 1793, 31/V. Extrait du registre des délibérations. Compte-rendu des commissaires chargés de l'adresse portée à la Convention...

Commune de Paris. Conseil général. 1793, 3/VI... Demain les barrières seront ouvertes à 3 h. du matin...

Section des droits de l'homme. Comité militaire. 1793, 31/V. Extrait du registre des délibérations.... Tous les suspects seront désarmés et notés comme mauvais citoyens...

Dufourny de Villier, ingénieur, aux Administrateurs du Peuple. 1793. 4/VI. A propos du décret d'arrestation des 22 dénoncés et des 12 inquisiteurs...

Робеспьер и его сторонники

Максимилиан Робеспьер представлен богатой иконографией в 15 портретов, из них наиболее ценны: гравюра Gautier по картине Bonneville, наиболее правдоподобное изображение Робеспьера; миниатюра на слоновой кости по картине, выставленной в Парижском салоне 1792; гравюра Mounin по картине Emy и др. и газета Робеспьера.

Оригинальные издания его речей:

Discours de Max. Robespierre sur la guerre, prononcé le 2 janvier. 1792, s. l. et a.

Discours de Max. Robespierre au peuple réuni pour la fête de l' Etre Suprême, décadi 20 prairial de l'an 2 de la républ. P., s. a.

Discours... sur la nécessité de révoquer les décrets qui attachent l'exercice des droits du citoyen à la contribution du marc d' argent, P. 1791.

Rapport sur les principes du gouvernement révolutionnaire, fait... le 5 nivose de l'an 2 de la républ., P., s. a.

Rapporto fatto in nome del comitato di salvezza publica da Massimiliano Robespierre intorno ai rapporti delle religiose e morali coi principi republicani, Parigi, l'anno 2 della republica.

Discours prononcé par Robespierre à la Convention dans la séance du 8 thermidor de l'an 2 de la républ., P., l'an 2, de la républ.

Déclaration des Droits de l'homme et du citoyen, proposée par Max. Robespierre, P., s. a.

Lettres de Max. Robespierre à ses commettans, P. 1793.

Eloge de Gresset, Londres, 1786. Au peuple de l' Artois par un habitant de la province, s. l., mars 1789.

Discours sur les questions suivantes: Quelle est l'origine de l'opinion qui étend sur tous les individus d'une même famille une partie de la honte attachée aux peines infamantes que subit le coupable?.. (Mercure de France. 1785. № 49).

Сен-Жюст — иконография из 6 портретов и речи:

Saint-Just, A. L, Essai de Constitution, lu dans la séance du 24 avril à la Convention, P., s. a.

— Opinion concernant le jugement de Louis XVI, séance du 13 novembre 1792, Rouen, 1792.

— Rapport fait à la Convention au nom des comités de Sûreté Générale et de Salut Public sur la conjuration... et contre Fabre d'Eglantine, Danton..., séance du 11 germinal.

— Opinion... sur les subsistances, P., s. a.

— Rapport fait à la Convention... sur la police générale..., séance du 26 germinal de l'an 2 de la républ. (15 avril 1794), P., s. a., а также

— Fragments sur les institutions républicaines, P. 1831.

Кутон представлен несколькими гравюрами, из которых отметим Gautier по картине Bonneville; речи:

Couthon G. A., Discours sur le rachat des droits seigneuriaux, prononcé à la séance du mercredi 29 février 1792, P., s. a.

— Développement du projet de décret relatif aux émigrants, P., s. a.

Затем следуют портреты Давида и Лебона.

Дантонисты

Дана богатая иконография Дантона (10 портретов) и его работа:

Danton, Quelques anecdotes et remarques historiques. (Journal politique, 1793).

Демулен представлен 8 портретами и работами:

Desmoulins C., La France libre, s. l., 1789.

— Fragment de l'histoire secrète de la révolution, s. l. et. a.

— Jean-Pierre Brissot démasqué par Camille Desmoulins, 1 février 1792, s. l. et a. и газета: La Révolution de France et de Brabant.

Даны в гравюре: Фабр Деглантин, Филиппо и др. Тут же декрет Национального Конвента от 5 октября 1793 г. о новом летоисчислении.

Марат

Чрезвычайно полная коллекция по Марату, имеющаяся в Институте (см. «Летописи» № 3), представлена на выставке музея за отсутствием достаточной площади для экспонации только в небольшой своей части. Из 27 гравюр, разбитых при экспонации на 3 группы: а) Марат при жизни, б) Марат в момент смерти, в) Марат после смерти, обращают внимание ранний портрет молодого Марата гравюра Monnin'a по картине Castelli; гравюра Tourcaty по картине Simon Petit 1792 г.— за эту гравюру Tourcaty получил на выставке, современной Марату, золотую медаль; классическую гравюру Bonneville; цветную гравюру Alix'a; цветную гравюру Brion'a, изображающую сцену убийства Марата 13 июля 1793 г.; тут же дан портрет Шарлотты Кордэ в гравюре Alix'a. В группе — Марат после смерти — необходимо отметить подлинную гравюру Copia по Давиду: голова убитого Марата (по этой гравюре позже был сделан целый ряд подражаний; опечатка в тексте гравюры, находящейся на выставке, определяет ее подлинность); затем другая гравюра по картине Давида, подаренная конвенту, — убитый Марат в ванне. Здесь же показано подлинное письмо Марата к Лорану 1789 г.; несколько рукописных экземляров документов по делу Марата и Жоли — 7/X 1789; декрет Национального Конвента от 15 июля 1793 г. относительно похорон Марата.

Из работ Марата в первом разделе витрины показаны его ранние, дореволюционные работы:

Marat J. P., An essay on the human soul, London 1772.

— The chains of slavery, London 1774.

— De l'homme, Amsterdam 1775—1776.

— Découvertes sur la lumière, Londres 1780

— Recherches physiques sur le feu, P. 1780.

— Recherches physiques sur l'électricité, P. 1782.

— Mémoire sur l'électricité médicale, P. 1784.

— J. Newton, Optique de Newton, traduction nouvelle faite par M. Marat, P. 1787.

— Mémoires académiques, ou Nouvelles découvertes sur la lumière, P. 1788.

Памфлеты и газеты, современные революции

La constitution ou Projet de déclaration des Droits de l'homme et du citoyen, P. 1789.

Le Moniteur patriote, P. 1789.

Offrande à la patrie, ou Discours au tiers-état de France, s. l., 1789.

On nous endort, prenons-y garde, P. 1790.

Le général Mottié vendu par ses mouchards. P. 1790.

Nouvelle dénonciation contre M. Necker, Londres 1790.

Dénonciation faite au tribunal du public contre M. Necker, s. l., 1790.

Justification de M. Necker, ou Réponse à la dénonciation du sieur Marat, s. l., 1790.

Dénonciation à la nation contre M. Malouet, P. 1790.

Appel à la nation contre le ministre des Finances, la municipalité et le Châtelet de Paris, s. l., 1790.

Plan de législation criminelle, P. 1790,

C'en est fait de nous, P. 1790.

L'affreux réveil, le 29 août 1790, P. 1790.

Infernal projet des ennemis de la révolution, P. 1790.

Relation authentique de ce qui s'est passé à Nancy, P. 1790.

C'est un beau rêve, gare au réveil, P. 1790.

Lettre de M. Marat... contenant quelques réflexions sur l'ordre judiciaire, s. l., 1790.

Lettre de M. Marat à M. le président de l'Assemblée Nationale, s. l., 1790.

Traits de perfidie et tours de passe des pères conscrits, du mardi 15 mars, 1791, s. l.

Aux Français patriotes, P. 1792.

Редкий плакат 1792 г. («К согражданам избирателям»).

L'ami du peuple... par Marat, 1789—1792.

L'ami du peuple, серия 1, 2, 3, 6.

Journal de la république française, par Marat, P. 1792—1793.

Lettre à la Convention Nationale, lue à la séance du 13 avril 1793, P., s. a.

Oeuvres politiques, prospectus, P., s. a.

Discours de Marat sur la défense de Louis XVI, P., s. a.

Un roman de coeur. P. 1848

и богатая литература о Марате.

Шалье Жозеф-Мари — иконография из 5 портретов, среди которой цветная гравюра Alix'a, затем Levachez — гравюра черной манерой.

«Бешеные»

Жак Ру. Варле. Даны фотокопии их трудов:

Roux J., Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté. (Photogr. d'après l'original).

— Adresse présentée à la Convention Nationale, au nom de la Section des Gravilliers, de Bonne-Nouvelle, et du Club des Cordeliers. (Phot.)

— A Marat. «Tu as inséré dans ton journal, № 233... Voilà ma réponse à cette calomnie». (Phot.).

— Au Sr. Joseph Epellet... «Hypocrite, ne crois pas leurrer les patriotes»... (Phot. d'après une affiche orig.).

— Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs... (Phot. de l'orig.)

— Le Publiciste de la République Française, par l'Ombre de Marat, l'Ami du Peuple, du jeudi 25 juillet 1793.

— Le Triomphe des braves Parisiens sur les ennemis du Bien Public. (Phot.)

— L'Apôtre Martyr de la Révolution, ou Discours d'un curé patriote, qui vient d'être assassiné par dix-huit aristocrates. (Phot.)

Varlet J. Gare l'explosion! s. l., l'an 3 de la républ.

— Voeux formés par des Français libres, 1792. (Phot.)

— ... A ses chers Concitoyens des tribunes et des Jacobins. (Phot.)

— Plan d'une nouvelle organisation de la Société-mère des Amis de la Constitution, suivi de la Religion du Philosophe... Dédié aux indigens, P., l'an 4-me de la liberté. (Phot.)

Dolivier P., Essai sur la Justice primitive, pour servir de principe générateur au seul ordre social... avec un paraphe de G. Babeuf... 28 prairial de l'an 4 (1793). (Phot.)

В витрине — Эбер, Жак-Рене; дано несколько его портретов, из которых отметим гравюру Bovinet по картине Bonneville; тут же «Пэр Дюшен» (Père Duchêne) и много образцов подделки его.

Je suis le véritable père Duchêne, moi, foutre! (3-e série). Mon imprimerie est rue du vieux Colombier № 30, s. l. (1790) (Подд.)

Je suis le véritable père Duchêne, ci-devant rue du vieux Colombier № 30, actuellement rue Tibautodé № 7, tout à côté du quay de la Ferraille, foutre! s. l. 1790. (Подд.) Je suis le véritable père Duchêne, foutre! (rédigé par J. R. Hébert), № 172. Подлинный экземпляр, представляющий в настоящее время чрезвычайно большую редкость.

Далее Colère du père Duchêne sur le départ de monsieur Necker P., s. a.

La grande joie du père Duchêne au sujet de l'ordre qu'il reçut de Versailles d'aller refaire les fourneaux du roi... à Paris.., s. a.

Je m'en contre-fouts. s. l., 1790, l'an 1 de la liberté, de l'impr. du père Duchêne.

Le véritable P. Duchêne f., s. l., impr. du père Duchêne (1790).

Памфлеты:

Détail d'un événement malheureux arrivé au père Duchêne, qui a été étranglé par le diable et madame Angot, s. l. et a.

Le père Duchêne au club des Jacobins, P., s. a.

A Camille Desmoulins et compagnie, P. 1794.

Lemaire A. F., Les vitres cassées par le véritable père Duchêne, P. 1789.

Paix et liberté, foutre! Grand combat et séparation entre le père Duchêne, la mère Duchêne et Jean Bart... 17 juillet 1781, s. l. et a.

Витрина, посвященная Анахарсису Клоотсу, имеет иконографию из 6 портретов — Bonneville и др.; затем здесь же помещены двадцать его работ — Институт К. Маркса и Ф. Энгельса обладает одной из наиболее полных коллекций по Клоотсу (см. «Летописи», № 2).

Société des amis de la liberté et de l'égalité. Aux citoyens des départements sur l'insurrection du 31 mai, P. 1793. Signé: Bourdon de l'Oise, président; Anacharsis Cloots, Duquesnoy, députés.

Lettre sur les Juifs à un ecclésiastique de mes amis... Berlin 1783.

Anacharsis à Paris, ou Lettre de Jean Baptiste Cloots à un prince d'Allemagne, P. 1790.

L'orateur du genre humain, P. 1791.

Ni Marat, ni Roland.., P. 1792.

Ряд официальных изданий его речей:

Anacharsis Cloots aux assemblées primaires du Hainaut... etc. (23 novembre 1792), P., s. a.

— Les Bataves opprimés aux Français, libérateurs de la Hollande, déc. 1792, P., s. a.

— Diplomatie révolutionnaire, adresse d'Anacharsis Cloots aux sans-culottes bataves, 5 octobre 1793, s. l. et a.

— Etrennes de l'orateur du genre humain aux cosmopolites, s. l., 1793.

— Instruction publique, spectacles. Opinion d'Anacharsis Cloots, membre du Comité d'instruction publique, P., l'an 2 de la républ.

— La république universelle, ou Adresse aux tyrannicides, P., l'an 4 de la rédemption.

— Procès de Louis dernier, P., s. a.

— Appel au genre humain, Frimaire, l'an 2 de la républ., s. l. et a.

— Croisade civique, discours prononcé à la Société des jacobins le 19 août 1793, P., s. a.

— Réponses au prussien Clootz par Roland, Kersaint, Guadet et Brissot, s. l. et a.

— La certitude des preuves du mahométisme.... Londres 1780.

Клубы

Отдел клубов разбит на три основные группы:

Социальный клуб — его председатель аббат Фоше; члены — Гупиль, Кондорсе. Работы Фоше:

— Premier discours sur la liberté française, prononcé le 5 août 1784, Lyon, 1789.

— Opinion... sur les prêtrse non-assermentés, P. 1791.

— Oraison funèbre de très haut, très puissant et très excellent prince monseigneur Louis Philippe d'Orléans... prononcée le 20 février 1786. P. 1786.

— Confirmation et développement de la dénonciation contre M. de Lessart, P. 1792.

Газеты, издаваемые клубом:

Bulletin de la Bouche de fer. 26 juillet. 1790 par. C. Fauchet et N. de-Bonneville, P.

Le vieux Tribun et sa Bouche de fer. Aux amis de la vérité, 1796, réd. par N. de-Bonneville, P. 1797, l'an 6 de la républ.

Cercle Social, publ. par C. Fauchet et N. de-Bonneville, P. 1790.

Клуб кордельеров — его председатель Моморо (типограф).

Вид монастыря Кордельеров — гравюра черной манерой.

Клуб якобинцев — ряд гравюр, изображающих жизнь якобинского клуба и карикатуры на него; членские билеты якобинских клубов с лозунгом: «жить свободно или умереть».

Переписка центрального якобинского клуба с провинциальными — в подлинных рукописях:

Lettre de la Société des Amis de la Constitution du district de Marseille à la Société de Montpellier, à propos d'un projet de caisse, le 17/X 1790. (Manuscrit de l'époque.)

Lettre de la Société des Amis de la Constitution de Montargis à une autre Société des Amis de la Constitution, demandant affiliation et correspondance..., 27/X 1790. (Ms. de l'époque.)

Lettre de la Société des Amis de la Constitution de Dijon au journal des Amis de la Constitution de Paris pour lui demander de correspondre dorénavant par cette voie avec les autres sociétés, 20/I 1791. (Ms. de l'époque.)

Lettre de la Société des Amis de la Constitution du district de Revel... sur un incident survenu entre le capitaine d'une compagnie de dragons du roi, et la Garde Nationale, 21 février 1791. (Ms. de l'époque.)

Lettre de la Société des Amis de la Constitution de Sorèze à une autre Société des Amis de la Constitution, demandant affiliation... 20/I 1792. (Ms. de l'époque.)

Обращение провинциальных клубов к Парижскому клубу — подлинные рукописи:

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de la ville de Lille à la société de Paris, annonçant son agrément à la confédération proposée, 14/IV, 1790. (Ms. de l' époque.)

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de Bayonne à une autre Société à propos de la correspondance, 19/II 1791. (Ms. de l'époque.)

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de Rouen à une autre société à propos de la correspondance, 10/IV, 1791. (Ms. de l'époque.)

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de la ville d'Abby à la Société de Montpellier, la priant de donner des renseignements sur le compte du citoyen Salvy. (Ms de l'époque.)

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de la ville de Bédarieux à une autre société, proposant la fédération de toutes les sociétés du département, 19/III, 1792. (Ms. de l'époque.)

Adresse de la Société des Amis de la Constitution de la ville d'Avignon une autre Société à propos de la fondation d'une caisse patriotique, 8/XII, 1790. (Ms. de l'époque.)

Речи членов клуба, напечатанные по постановлению клуба.

Список членов парижского клуба от 4 ноября 1792 г.

Liste des membres de la Société des Amis de la Constitution séante à Paris à la maison dite les Jacobins Saint Honoré, 4 novembre 1792, P., s. a.

Рядом с витриной «Клубы» даны витрина «Лондонского корреспондентского общества» и переписка между ним и якобинским клубом (фотокопии), а также их воззвания. Здесь помещены портреты и труды вождей этого общества.

Hardy, Thomas, The patriot, addressed to the people, on the present state of affairs in Britain and France, London — Edinbourgh 1793.

— The history of the origin and progress of the London Corresponding Society manuscr. written in his own hand. Small preface Fr. Place. I part, II part. 3/V 1792—2/I 1794.

— Original Letter Book of the London Corresponding Society. An interesting project of the London Corresponding Society.

— The trial of Thomas Hardy for high treason... November, 1794, vol. I, taken in shorthand by Joseph Gurner, London 1794.

Thelwall, John, Political lectures, London 1794, № 1.

— Political lectures, London 1794, № 2.

— The speech at the general meeting of the friends of parliamentary reform, called by the London Corresponding Society... on monday, october 26, 1795.

Holcroft, Thomas, Narrative of facts relating to a prosecution for high treason, London 1795.

Barlow, Joel, A letter to the National Convention of France.., London. 1792.

Затем дана карикатура Gillray на Лондонское корреспондентское общество и его деятелей.

Из напечатанных работ, связанных с Лондонским корреспондентским обществом, отметим:

Address of the London Corresponding Society to the other societies of Great Britain, united for obtaining a reform in parliament, London, 1792.

Address of the London Corresponding Society... London, 1792.

The address of the British Convention assembl. at Edinbourgh. November 19 1793 to the people of Great Britain.

Account of a meeting of the London Corresponding Society, Monday the 20-th of january 1794.

Friends of the People, saturday, may 31 1794. General meeting of the society. Address to the people of Great Britain.

An adress to the public from the Society for Constitutional Information.

A summary of the duties of citizenship written for the members of the London Corresponding Society, London.

The correspondence of the London Corresponding Society revised and corrected., London.

Friends of the People, wednesday, 9-th april 1794. Address and resolutions that were agreed to at a general meeting of the Society of the Friends of the People.

Minutes of the proceedings of the General Convention of the delegates from the Society of the Friends of the People, tuesday, december 11 1792.

Account of the proceedings at a general meeting of the London Corresponding Society... on monday, the 29-th of june 1795.

The state of the representation of England and Wales, delivered to the Society of the Friends of the People... saturday, 9-th of february 1793. London Corresp. Society, reprinted may 14 1795.

Журналы:

Journal of the London Corresponding Society, 2 april. 1792 — 2 january 1794.

Journal of the London Corresponding Society, may 30 — september 10 1795.

1. 14—35. Report of the Constitut. Comittee of the L. C. S.; 1. 36--49. Report of the L. C. S. correcting and shortening the report made before.

Здесь же портрет Годвина и его работы:

Godwin, William, An enquiry concerning political justice and its influence on general virtue and happiness, in 2 vol., vol. 1, London, printed for G. Jand Y. Robinson, 1793.

— The Enquirer, Dublin, 1797.

Революционное правительство

Комитет общественного спасения — декрет о его создании:

Décrets de la Convention Nationale du 5 septembre 1793, l'an 2 del a républ. franc., relatifs à la composition des comités de Salut Public et à l'indemnité accordée à leurs membres. (Document de l'époque.)

Приказ-рукопись: Ordre du Comité de Sureté génér. à propos de la vérification des assignats confiés au cit. Bay 21/IX 1793. (Manuscrit de l'époque.)

Состав «великого» комитета представлен портретами: Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона, Колло д'Эрбуа, Билло-Варенна, Эро-де-Сешелян, Робера Ләндэ, приера департамента Марны, приера департамента Кот-д'Ора, Барера.

Речи Колло д'Эрбуа:

Collot d'Herbois J. M., Discours prononcé le 18 décembre 1791, en présentant à l'Assemblée Nationale l'Almanach du père Gérard dont il est l'auteur...

— Rapport fait... sur les pensions, indemnités et secours à payer aux familles des défenseurs de la patrie, séance du 14 prairial, P., s. a.

Его памфлет — Le procès de Socrate, ou le Régime des anciens temps. Comédie. P. 1791.

Речи Билло-Варенна:

Billaud-Varenne J. N., Rapport fait dans la séance du 1-er floréal, l'an 2 de a républ., sur la théorie du gouvernement démocratique... s. l., l'an 2 de la république.

— Bericht über die Theorie der Volksregierung, o. O. u. J., 1 floréal, l'an 2 de la républ.

— Le dernier coup porté aux préjugés et à la superstition, Londres—Paris, 1789.

— Les Eléments du républicanisme, 1793.

Эро-де-Сешель — проект конституции.

Hérault de Séchelles M. J., Projet de constitution du peuple français, présenté à la Convention Nationale... 10 juin 1793, P. 1793.

Особо отметим Almanach littéraire et philosophique, essai d'une encyclopédie, 1788—1789. (Manuscrit authentique de l'époque).

Рукопись Барера — опыт составления энциклопедического словаря (1788—1789 гг.).

Революционный трибунал

Дана иконография из 5 портретов председателя трибунала Фукье-Тенвилля, из них: гравюра черной манеры Levachez, Bonneville.

Декрет о создании чрезвычайного трибунала — Décrets de la Convention Nationale du 10 mars 1793... relatifs à la formation d'un Tribunal criminel extraordinaire и ряд декретов, связанных с его деятельностью, в том числе:

Décret de la Convention Nationale du 27 mars 1793... relatif aux jugements rendus contre les prévenus de complots contre-révolutionnaires.

Décret de la Convention Nationale du 24 mai 1793, relatif à la nomination des Jurés du Tribunal criminel extraordinaire.

Décret de la Convention Nationale du 26 juillet 1793... contre les accapareurs.

Парижская коммуна

Даны портрет Паша — мэра Парижа, иконография Шометта — прокурора коммуны; подлинные документы эпохи: рукописные циркуляры коммуны:

Municipalité de Paris. Département des Subsistances. Circulaire aux communes. P. 19/XI 1793... invite les communes à ne plus arrêter les transports de fruits, etc... à destination de Paris. (Ms. de l'époque.)

Municipalité de Paris. Département des Subsistances. Circulaire impr. aux municipalités des communes des dép. approvisionnant Paris. 18/V 1793. Certaines communes, interprétant mal le décret du 4 mai, s'opposent à l'enlèvement des grains. Annonce l'envoi de l'arrêté fixant le maximum. (Document de l'époque.)

Ряд документов, касающихся снабжения Парижа:

Commune de Paris. Agence provisoire des subsistances. Aux commissaires des Comités civil et de bienfaisance. 1794. 27/VIII. Annonce la distribution de porc-salé. (Document de l'époque.)

Agence des subsistances générales, 7-e section. Approvisionnemens de Paris... 24/X 1795. Le cit. Lejourné, commissaire à la vente des denrées, délivrera au cit. Le Gendre... 12 livres d'huile d'olive... Ordre (Document de l'époque.)

Протоколы заседаний коммуны.

Commune de Paris. Conseil général révolutionnaire. 1793 VI 4. Extrait du registre des délibérations. Une députation de la Section des Droits de l'homme refuse tout salaire. (Document de l'époque)

Парижские секции

В гравюре: общественные трапезы, революционные патрули; членский билет члена секции; рукопись:

Section de l'indivisibilité. Comité révolutionnaire. Le 2 germ. de l'an deux de la républ. Explications sur l'arrestation et la libération du cit. Jean Despinoy. (Manuscrit de l'époque.)

Протоколы отдельных заседаний в рукописях:

Extrait des délibérations de l'Assemblée Générale de la Section du Contrat Social du 27 Juin 1793, l'an 2-me de la Républ. franc. P. (Manuscrit de l'époque.)

Extrait du registre des délibérations du comité révolutionnaire du district de Montagne-sur-Aisne. Séance du 1 pluviose, 3-e année de la républ. (20 janvier 1795) (Manuscrit de l'époque).

Декрет Национального конвента о создании наблюдательных комитетов от 30 марта 1793 г.

Décret de la Convention Nationale du 30 mars 1793, l'an 2 de la républ.; interprétatif de l'article III de la Loi du 21 mars relatif à la formation d'un Comité de surveillance dans chaque Section. (Document de l'époque.)

Декрет от 9 сентября 1793 г., ограничивающий число секционных заседаний, в большом количестве напечатанные адреса секций за 1792—1795 гг.:

Adresse de la section des Quatre nations à l'Assemblée Nationale, du 31 août 1792, P., s. a. (Docum. de l'époque.)

Adresse de la section des Tuileries, présentée à la Convention Nationale le 28 mars 1793.

Adresse de la section armée des Droits de l'homme à la Convention 27 avril 1793... (Document de l'époque)

Adresse de la section du Bon Conseil à la Convention 4 mai 1793, P., s. a. (Document de l'époque.)

Adressé de la section Le Pelletier à la Convention, P., l'an 3. (Document de l'époque.)

Adresse de la section de l'homme armé à la Convention 4, avril 1795, P., s. a. (Document de l'époque.)

Adresse des hommes du faubourg St. Antoine à la Convention. Section des Quinze-vingts. P., s. a. (Document de l'époque.)

Les citoyens de la section des Sans-culottes à leurs frères des 83 départements, P., s. a. (Document de l'epoque.)

Социальное законодательство

Эта витрина содержит 27 декретов, касающихся главным образом рабочего и земельного законодательства.

Отдельно показана в этом зале группа иностранцев, получивших, согласно декрета Конвента от 26 августа 1792 г., французское гражданство — портреты: Клоотса, Т. Пэна, Пристли, Вашингтона, Клопштока, Бентама, Макинтоша, Песталоцци, Костюшко, Шиллера, Кампе, Кларксона, Вильямса, Вильберфорса, Медиссона и Буонаротти; декрет Национального Конвента от 27 мая 1794 г., объявляющий Буонаротти французским гражданином,— фотокопия.

В большой вращающейся витрине дано 130 листов архитектуры Парижа 1792 г. в тонких цветных гравюрах Campion'a и Janninet.

ЗАЛ VI

ТЕРМИДОРИАНСКАЯ РЕАКЦИЯ И БАБЕФ

1. 9-е термидора. — 2. Дело прериаля. — 3. Гракх Бабеф. — а) Его печатные труды. — б) Неизданные документы по истории заговора и биографии Бабефа. — в) «Заговор равных».

Термидор

Политические группировки накануне термидора представлены гравюрами и работами эпохи.

Робеспьеристы: портрет Робеспьера — гравюра Bonneville; его записная книжка— Carnet de Robespierre, aux Archives nationales (reproduction héliogr.); его речь 8 термидора — Discours prononcé par Robespierre à la Convention Nationale dans la séance du 8 thermidor de l'an 2 de la républ., P., l'an 2 la républ.

Робеспьер младший, Сен-Жюст, Кутон, Лебон, Леба, Дюма, Андрио — современная гравюра.

Термидорианская группа: Вадье, Барер — портрет Bonneville и его работы:

Supplément à l'accusation de Laurent Lecointre; pièce trouvée dans les papiers de Robespierre, s. l. et a.

Rapport fait... sur la conspiration ourdie contre la représentation nationale par Robespierre... et leurs complices, séance du 9 therm. l'an 2 de la rép., P.. s. a.

Rapport fait par Barère sur la conjuration de Robespierre, Couthon, St. Justet leurs complices, séance du 10 therm., l'an 2 de la républ., P., s. a.

Rapport... sur les événements de Paris du 9 thermidor, l'an 2 de la républ. Paris.

Défense de B. Barère, appel à la Convention Nationale et aux républicains français, Paris, l'an 3.

Билльо-Варенн, Бурдон, Колло д'Эрбуа — гравюра Bonneville и работа — Collot d'Herbois J. M., Défense de J. M. Collot, représentant du peuple, P., l'an 3.

Малларме, Карно, Тальен — гравюра Bonneville и работа — Tallien à ses collègues, P., s. a.

Фрерон, Лекуантр — работы:

Lecointre L.,Robespierre peint par lui-même et condamné par ses propres principes, P., s. a.; conjuration formée dès le 5 prairial par neuf représentants du peuple contre M. Robespierre pour l'immoler en plein sénat, rapport et acte d'accusation, P., s. a.

Камбон, Фуше, Марлен; Барра — работа: Barras P. E., Nouveaux et intéressants détails de l'horrible conspiration de Robespierre et ses complices, s. l. et a.

Лэнде — работа: Lindet R., Discours prononcé sur les dénonciations portées contre l'ancien comité de salut public, P., l'an 3.

Покушение на Робеспьера Сесили Рено — голландская гравюра Vinkeles'a; праздник Высшего Существа; день 9 термидора в гравюре Helman'a по Monnet; Робеспьер в Комитете общественного спасения — гравюра Duplessi-Bertaux; казнь Робеспьера.

Постановление Революционного трибунала о предании смертной казни Робеспьера, Кутона и др. — Jugement rendu par le tribunal révolutionnaire qui ordonne que M. Robespierre, G. Couthon... seront livrés à l'exécuteur des jugements... du 10 thermidor, l'an 2 de la républ., s. l. et a.

Список имен лиц, заподозренных в заговоре Робеспьера—Noms et Dom ici les des individus convaincus ou prévenus d'avoir pris part à la conjuratlon de Robespierre, P., l'an 3.

Несколько работ Куртуа, связанных с казнью Робеспьера:

Courtois E., Rapport fait au nom des comités de salut public et de sûreté générale sur les événements du 9 thermidor l'an 2... Prononcé le 8 thermidor l'an 3.

— Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouvés chez Robespierre. P., l'an 3 de la républ. (1794).

Здесь же показана витрина с богатым подбором работ: памфлетов, брошюр и т. д. современной эпохи термидорианской реакции, посвященных Робеспьеру, дням прериаля и вандемьера.

Duperron L., Vie secrète, politique et curieuse de M. J. Maximilien Robespierre P., l'an 2 de la républ.

Roux F. L. Relation de l'événement des 8, 9 et 10 thermidor sur la conspiration des triumvirs, Robespierre, Couthon et St. Just, P. l'an 2 de la républ.

Guffroy A. B., Les anneaux de la queue, ou Coup d'oeil du moment, P., s. a.

Der neunte Thermidor oder Apologie revolutionerer Grausamkeit. Strastourg, 1798.

Nouveaux dialogues des morts, Dialogue premier: Robespierre et Néron. P., s. a.

Lanthenas F. L., Tyrannie de Robespierre dans le département de la Haute-Loire, P., l'an 3 de la républ.

Desessarts N. T., Les crimes de Robespierre et de ses principaux complices, P., l'an 10 (1802).

Desessarts N. T., Les crimes de Robespierre et de ses principaux complices, P. 1797.

Merlin de Thionville à ses collègues. Portrait de Robespierre, P., a. s.

Vernes F. (de Genève), Le voyageur sentimental en France sous Robespierre, tome 1-er, Genève — Paris, l'an 7 de la républ. (1799.)

Salverte E., Les premiers jours de prairial, P., l'an 3 de la républ.

Real P. F., Essai sur les journées des treize et quatorze vendémiaire, P., l'an 4 de la républ.

Adresse de la Convention Nationale au peuple français du 18 Vendémiare l'an 3-ème de la républ. 9 octobre 1794. Rennes, s. a.

Constitution de la République Française du 22 frimaire, l'an 8.

Adresse de la Convention Nationale du 16 prairial l'an 2 de la républ. Française.

Appel nominal des 3 et 4 frimaire, l'an 3-ème de la républ. Française sur cette question: Y a-t-il lieu à accusation, oui ou non, contre le citoyen Carrier? P. l'an 3.

Vilate J., Causes secrètes de la révolution du 9 au 10 thermidor, P., l'an 3 de la républ. (1794.)

Vilate J., Continuation des causes secrètes de la révolution du 9 au 10 thermidor, P., l'an 3 de la républ. (1794.)

Dussault J. J., Fragment pour servir à l'histoire de la Convention Nationale depuis le 10 thermidor jusqu'à la dénonciation de Lecointre inclusivement, P., 1794.

Salle J. B., Plan suivi par Robespierre et les jacobins pour donner un roi à la France, P., l'an 3 de la républ.

Дело 1-го прериаля

День 1-го прериаля — гравюра Helman'а по картине Monnet; «Le jacobin» 1-го прериаля — цветная гравюра.

Последние якобинцы

Смерть Ромма, Гужона, Дюруа, Дюкенуа, Субрани, Бурботта — гравюра Fontaine; портреты Ромма, Гужона.

Директория, ее состав, типы «Les incroyables» по современной гравюре.

Гракх Бабеф

В витрине помещены: иконография из 9 портретов; некоторые работы Бабефа; газеты Бабефа:

Le tribun du peuple, ou le défenseur des Droits de l'homme, 22 vendémiaire, l'an 3 de la républ..

Journal de la liberté de la presse, 17 fructidor l'an 2 de la république.

Проспекты

Prospectus, Roye, 30/X 1786.

L'Èclaireur du peuple, ou le Défenseur de 24 millions d'opprimés. P., l'an 3 (1796). Attribué par les uns à Babeuf, par d'autres à Simon Duplay.

Книги

Les battus payent l'amende, ou les Jacobins Jeannots, P., s. a.

Du système de dépopulation, ou la Vie et les crimes de Carrier, Paris, l'an 3 de a républ.

Из обширных архивных материалов по Бабефу Института Маркса и Энгельса здесь показан ряд неизданных работ в рукописях и письмах; из писем:

Lettres de Babeuf, manuscrits authentiques:

Lettre à un comte lui demandant sa protection pour défendre ses droits d'auteur sur le Précis-projet de Cadastre perpétuel, 4/V 1787.

Lettre au M-is de Feuquière. On l'a accusé d'avoir touché un sou par livre sur les ventes de bois, mais c'était un usage établi... 30/VII 1788.

Lettre à M. Fournier, 2/XII 1788. Mal reçu à l'hôtel Feuquière, il a quitté Paris...

Lettre à son fils Robert, 25/VII 1789.

Lettre à Marat, à Loustalot et à Camille Desmoulins à propos des impôts... 26/VII 1790

Lettre à Mr. de Lauraguais, 20/VIII 1790. Il vient d'être libéré par la cour des Aides, mais provisoirement est en état de prise de corps...

Lettre à Fourment, 9 et 13/VI 1790. Il remercie ses concitoyens de leurs démarches en sa faveur...

Lettre écrite de la prison de la Conciergerie du Palais le 22 mai 1790.

Lettre à Devin (libraire à Noyon), Roye, 10 mai 1790. Contre l'oppression fiscale.

Lettre à Clavière, relative à la distribution des impôts, 17/IV 1792.

Lettre à un inconnu à propos de la technique de la confection des listes des payeurs, 14/V 1792.

Lettre à sa femme, Amiens, 18/X 1792. Il lui envoye 50 l., une redingote à Robert, etc. etc.

Lettre à un général anglais, où l'auteur réclame les honoraires d'un travail, V 1793.

Garin, ex-administrateur des subsistances, aux citoyens de Paris en l'Assemblée générale de leurs sections, IX 1793. Ecrite par Babeuf. Garin demande à rendre ses comptes pour confondre la calomnie...

Lettre au colonel Makerstrot. S. a. 3/IV 1793. $1\frac{1}{2}$ p. 4°. Il lui adresse ses états de civsme. Depuis 6 semaines qu'il est à Paris, l'offre d'emploi de M. est la 1-re sérieuse...

Lettre à Makerstrot. S. a. p, 25/III 1793. 1 p. 4°. Il s'engage à le servir avec zèle et lui adresse une copie de sa lettre à Carra...

Brouillon d'une lettre justificative de Fournier (l'Américain) à Marat (écrit par Babeuf), 14/III 1793.

1-er brouillon de la lettre aux membres de la Convention, octobre 1794.

Lettre aux membres de la Convention, octobre 1794.

Lettre à l'administrateur de police de la commune de Paris Menessier... concernant ses mérites révolutionnaires, 25 brumaire, an 2 de la république.

Copie d'une lettre des commissaires des subsistances de la municipalité de Paris, écrite par Babeuf, dans laquelle ils annoncent la libération de B., injustement arrêté par les autorités locales du département de la Somme, 23 frimaire, l'an 2 de la république.

Lettre à sa femme, concernant son nouveau service dans le département des subsistances de la municipalité de Paris et diverses affaires de famille, 27/V, l'an 2 de la république.

Lettre à Anaxagoras Chaumette sur la nécessité.., de provoquer la consécration du plus précieux... des droits de l'homme, Paris, 7 mai, l'an 2 de la Républ. Française..

Lettre de Babeuf à Sylvain Maréchal, Paris, 28 mars, l'an 2 de la Républ., lui racontant sa position difficile...

Lettre à «Mes chers enfants», Paris, 16 janvier, l'an 2 de la républ.

Brouillon d'une let're justificative de Fournier (l'Américain) à Marat écrite par Babeuf, 14/III, l'an 2 de la républ, impr. en brochure. (Document de l'époque.)

Lettre à Tafoureau père, écrite de la prison d'Arras, avec des discussions concernant la poselition politique de la France, 1-r prairial, l'an 3 de la républ.

Lettre à Germain: l'agriculture et le commerce après la révolution; «salut en l'honneur de la sainte égalité», 1795.

Lettre à Thibaudeau. Il ne sait que faire? Rester silencieux ou agir contre le Directoire monarchique. le 7 fructidor, 4-me année de la république:

Lettre écrite de la prison de Vendôme à son défenseur Ballyer, 6 fructidor, l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison, 1 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à son fils Emile, lui donnant des indications sur son travail, 13 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison. 18 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison, concernant la publication du procès des accusés, 5 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison, 6 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à son fils de la prison de Vendôme, lui indiquant ses fautes de grammaire, 19 vendémiaire, l'an 5 de la Républ.

Lettre à sa femme de la prison de Vendôme, concernant la publication du procès des accusés, 11 vendémiaire. l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison, 20 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à sa femme, écrite de prison, 11 brumaire, l'an 5 de la républ.

Lettre à un inconnu de la prison de Vendôme, avec prière de donner asile à sa femme et à ses enfans, 25 frimaire, l'an 5 de la républ.

Leçon de grammaire, écrite par Babeuf pour son fils de la prison de Vendôme.

Lettre à sa femme de la prison de Vendôme.

Lettre à sa famille, écrite de la prison de Vendôme, avec des conseils à son fils Emile à propos de son éducation, le 3 vendémiaire, l'an 5 de la républ.

Письмо из тюрьмы к жене с зашифрованным проектом его побега; а также акт восстания — фотокопия.

Lettre chiffrée à sa femme concernant un projet de fuite, 4 pluviose, an 5 de la républ. Manuscrit authent. et sa copie lithographiée. (Pour comprendre cette lettre, il faut d'abord lire le premier mot de chaque ligne et ensuite le dernir mot).

Рукописи Бабефа: «Трибун народа адской армии».

Le tribun du peuple à l'armée infernale, Appel écrit par Babeuf le 17 fructidor l'an 3 de la républ. (Ms. authent.)

Mémoire à l'Assemblée Nationale X—XI 1789. Sur le supplément d'impositions pour les ci-devant privilégiés... (Ms. authentique.)

Discours de Babeuf pendant les élections à la Convention Nationale à Beauvais le 2 septembre, l'an 1 de la Liberté. (Ms. authentique.)

Arrêté de la Garde Nationale de Roye concernant les mesures à prendre dans les distributions d'armes, 7/IV 1790. (Brouillon rédigé par Babeuf. Ms. authentique.)

Procès-verbal de délibération, annoté et corrigé par Babeuf. Statut de la Garde Nationale de Roye — «ne jamais... s'employer... à être l'instrument servile de la tyrannie...» 21/III 1790. (Ms. authentique.)

Appel de Babeuf, de la part des «Amis de la Patrie», à cause d'une circulaire sur les massacres du 17/VII — 21/VIII 1791. (Ms. authentique.)

Esquisse du discours de Babeuf pour la défense de Bourgeois, qui se querella avec Gilbert et sa soeur... 23/VI 1792. (Ms. authent.)

Communication de Babeuf aux citoyens du district de Montdidier 1792. (Brouillon. Ms. authentique.)

Brouillon du discours de Babeuf à l'Assemblée électorale 8/XI 1793. (Ms. authentique.)

Aux habitants de la commune d'Hangest, Paris, 16/III 1793, 4 p. 8°. Mémoires des sommes qui lui sont dues pour travaux relatifs à l'abolition du régime seigneurial... (Ms. authentique.)

Lettre au représentant du peuple... 31/III, 1793. 2 p. 4° Je lui envoie les listes des enrôlés de la Légion batave... (Ms. authentique.)

Histoire Nouvelle de la Vie de Jésus-Christ. (Epigr. «Je suis arrivé après mille années dénoncer ce Dieu-Roi») l'an 2 de la républ. (Ms. authentique.)

«Les terroristes aux furoristes d'Arras» ou Réponse à l'écrit signé Senluq, intitulé: «Affaire du 19 thermidor», 15 fructidor, l'an 3. (Brouillon écrit par Babeuf. Ms. authentique.)

Opinion d'un citoyen du Club Électoral sur la nécessité et les moyens d'organiser une vraie société populaire, le 12 brumaire, l'an 4 de la républ. (Ms. authentique.)

Projet de procès-verbal d'une assemblée des syndics, conseillers municipaux, etc... (Ms. authentique).

Liste des démocrates et aristocrates du 7-e district de la ville de Paris, avec indication de leurs professions. (Phot. du manuscr.)

Бабувисты

Сильвен Марешаль, портрет и его работы:

Bergeries, B. 1770 — первая из напечатанных работ.

Antiquités d'Herculanum, gravées par F. A. David avec leurs explications par P. Sylvain Maréchal, t. I, P. 1781.

Almanach nouveau de l'an passé, Genève, 1786.

Antiquités d'Herculanum, t. VIII, P. 1789.

Nouvelle chanson des faubourgs. (Phot. de l'original.)

L'ami de la révolution, P. 1790. (Attribué à S. Maréchal.)

Correctif à la révolution, P. 1793.

Décades des cultivateurs, P., l'an 3 de l'ère républicaine.

Le jugement dernier des rois, prophétie en un acte, en prose. P., l'an 2 de la républ. (1794).

Tableau historique des événements révolutionnaires, P., l'an 3 de la républ. (1795).

Dictionnaire des athées anciens et modernes, P. l'an 8 (1800).

Histoire universelle en style lapidaire (Multa paucis), P. 1800.

Pour et contre la bible, P. 1807.

La femme abbé, P. 1801.

Projet d'une loi portant défense d'apprendre à lire aux femmes, Bruxelles, 1847.

Рукопись: «Заговор равных», фотокопия с оригинала.

Manuscrit du «Manifeste des égaux.» (Phot. de l'orig.)

Письмо к министру юстиции —

Lettre au ministre de la justice demandant la révision de l'arrêt du tribunal de Montdidier sur Babeuf. Phot. du ms. auth.)

Буонаротти: «Анализ доктрины Бабефа» фотокопия с рукописи:

Buonarotti, Analyse de la doctrine de Babeuf. (Phot. du ms. auth.)

Удостоверение, данное обществом «Друзей конституции» — фотокопия.

Certificat donné à Buonarotii par la Sociéte des Amis de la Constitution de la ville de Corte, département de Corse 30/III 1792. (Phot. du ms. auth.)

Его работы в фотокопиях:

Extrait du décret économique. (Phot. du ms. auth.)

Clef des noms cités en anagrammes dans l'Histoire de la conspiration de Babeuf. (Photographie.)

Материалы для биографии Буонаротти:

Matériaux pour la biographie de Buonarotti. (Phot. du ms. auth.)

Проект декрета, относящегося к организации полиции, — фотокопия:

Fragment du projet de décret concernant la police. «Les hommes qui n'ont rien fait pour la patrie ne jouiront pas des droits politiques»... (Phot. du ms. auth.)

Список имен великих людей, которых Буонаротти считает основоположниками коммунизма, — фотокопия:

Liste des grands hommes que Buonarotti considérait comme les fondateurs du communisme. (Phot. du ms. auth.)

Удостоверение — фотокопия:

Certificat donné à Buonarotii par la Société populaire de la ville d'Oneille. (Phot. de l'original.)

Две напечатанных работы:

Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf, Bruxelles, 1828.

History of Babeuf's conspiracy for equality, London, 1836.

Процесс Бабефа.

Список присяжных заседателей.

Liste des jurés du peuple de la Haute-Cour de Justice de Vendôme et leur physionomie politique, 4 frimaire, an 5 de la républ. (Ms. authentique.)

Заметки Бабефа во время процесса:

Remarques écrites par Babeuf pendant le procès.

Список обвиняемых по делу Бабефа — фотокопия:

Liste des accusés dans l'affaire de Babeuf. (Phot. de l'orig.)

Показания Гризеля и других во время процесса — фотокопия.

Déposition de Grisel et d'autres témoins dans le procès de Babeuf, 3 prairial, l'an 4 de la républ. (Phot. de l'orig.)

Донесения тайных агентов:

Rapport de l'agent du 12-e district de Paris: «Guidons, couronnes et courage, tout est prêt». «23 floréal, l'an» 4 de la républ. (Phot. du ms.)

Черновик ответа Директории, написанного Бабефом, — фотокопия;

Babeuf, brouillon de la réponse du Directoire de Salut public à l'agent du 5-me district de Paris, 4 germinal, l'an 4 de la républ. (Phot. du ms.)

Циркуляр (фотокопия):

Circulaire du Directoire secret de Salut Public relatif à la création d'un organe directeur de l'insurrection, 10 germinal, l'an 4 de la républ. (Phot. du ms.)

Допрос Дарте министром полиции — фотокопия;

Interrogatoire de Darthé chez le ministre de la Police 23 floréal, l'an 4 de la républ. (Phot. du ms.)

Прения на процессе.

Débats du procès instruit par la Haute-Cour de Justice, contre Drouet, Babeuf et autres, première séance du 2 ventôse, l'an 5, P., s. a.

Copie de l'instruction personelle au représentant du peuple Drouet, P., l'an 5.

Discours des accusateurs nationaux près la Haute-Cour de Justice prononcé par le citoyen Bailly, l'un d'eux, à la suite du débat, dans l'affaire du représentant du peuple Drouet, de Babeuf et autres, l'an 5.

Копия документов, захваченных во время обыска квартиры Бабефа:

Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupait lors de son arrestation, P., nivôse, l'an 5.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс о Великой французской революции

К. Маркс, Борьба якобинцев с жирондистами: заметки, составленные Марксом по мемуарам Левассера, — подлинная рукопись 1844 г.

Levasseur R., Mémoires, P. 1829—1831.

Marx K., Zur Judenfrage. «Deutsch-französische Jahrbücher», hrsg. v. Arnold Ruge u. K. Marx, P. 1844.

Engels Fr. u. Marx K., Der Kampf der Kritik mit der französischen Revolution. Die Heilige Familie oder Kritik der Kritik, Frankfurt, 1845.

Beiblatt zu № 221 der «Rheinischen Zeitung», 9 Aug. 1842, Köln. 1842.

ЗАЛ VII

Английская карикатура эпохи великой французской революции

Из большой коллекции музея Института здесь показано только 89 цветных гравюр Gillray, London, Humphrey, отражающих влияние французской революции в английском буржуазном обществе.

Карты и диаграммы, составленные музеем института Маркса и Энгельса

1. Карта промышленных центров Франции накануне Великой французской революции. — 2. Политическая карта секций Парижа накануне 10 августа 1792 г. (по Брешу). — 3. Народные общества во Франции 1794 г. (по Матьезу и Лорану). — 4. Социальный состав парижских секций 1794 г. — 5. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. — 6. Контр-революционные восстания во Франции 1793—1794 гг. — 7. Падение курса ассигнатов во Франции в 1789—1796 гг. — 8. Продажа национальных имуществ в дистрикте Тараскон 1790—1792 гг.

М. Голосовкер и Д. Нечкин.

Ответственный редактор: Д. РЯЗАНОВ.

Редакционная коллегия: А. ДЕБОРИН. Н. КАРЕВ. Д. РЯЗАНОВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

(1918—30 мая — 1928)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

1 р. 25 к.